

המחנה

המחנה

УДК 82-3(571.621)
ББК 84(2Рос-4Евр)
И51

ИМЕНА. Трагедия Еврейского антифашистского комитета:
сборник очерков / сост. А. Акименко, ред. В. Гуревич, научн.
ред. А. Локшин. – Хабаровск: АО «Хабаровская краевая
типография», 2022. 222 с.

ISBN 978-5-6047972-0-4

В сборнике «Имена. Трагедия Еврейского антифашистского комитета» рассказывается об истории создания Еврейского антифашистского комитета, его вкладе в мобилизацию на борьбу с фашизмом в годы Второй мировой войны, о трагической судьбе членов комитета и деятелей культуры Еврейской автономной области, подвергнутых политическим репрессиям. Сборник, авторами которого являются А. Акименко, В. Гуревич, А. Драбкин, А. Локшин, И. Манойленко, вышел в год 70-летия казни членов ЕАК. Очерки адресованы всем, интересующимся историей России, еврейской культуры, Еврейской автономной области.

Одобрено ученым советом ИКАРП ДВО РАН.

Издание осуществлено ОО «Наследие Еврейской автономной
области» при поддержке Фонда президентских грантов

© ОО «Наследие ЕАО», 2022
© ИКАРП ДВО РАН, 2022
© А. Акименко, В. Гуревич,
А. Драбкин, А. Локшин,
И. Манойленко, 2022

ISBN 978-5-6047972-0-4

**ОО «Наследие Еврейской автономной области»
Институт комплексного анализа региональных проблем
ДВО РАН**

ИМЕНА

Трагедия Еврейского антифашистского комитета

Сборник очерков

Биробиджан
2022

Предисловие

В ночь на 12 августа 1952 года в подвалах Лубянки были расстреляны видные деятели еврейской культуры, осужденные по делу Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Об обстоятельствах их гибели, о деятельности комитета в нашей стране многие годы не упоминали. И даже после полной реабилитации всех казненных, после посмертного восстановления их доброго имени и поправленных прав сохранялась плотная завеса трагедии августа пятьдесят второго года. И только в конце 1980-х о процессе над ЕАК и о казни подсудимых стали говорить открыто.

Еврейский антифашистский комитет был создан в апреле 1942 г. Во главу угла его деятельности была поставлена задача налаживания контактов с зарубежными некоммунистическими кругами, объединения евреев СССР в борьбе против немецкого фашизма. Комитет осуществлял также сбор информации об уничтожении еврейского населения немецкими оккупантами и их приспешниками, издание и распространение материалов о жизни и борьбе на фронте и в тылу и т.д.

Благодаря своей активной деятельности Еврейский антифашистский комитет приобрел большое влияние в еврейском мире. Организационно-политическая работа позволила в значительной мере рассеять распространявшиеся за рубежом небылицы о Советском Союзе, что нашло свое отражение в массовых сборах денежных и других материальных

средств из-за рубежа на оказание помощи Красной Армии в войне против фашизма.

Но уже в конце войны, когда в ответ на трагедию Холокоста в целях спасения советских евреев, уравнивая их положения среди других народов страны руководители комитета выдвинули идею создания в Крыму еврейской республики, когда, по мнению партийного руководства, комитет превысил свои полномочия, стал слишком заметен в стране и мире, был поставлен вопрос о прекращении деятельности и закрытии Еврейского антифашистского комитета.

Вслед за резким отказом Сталина в создании еврейской республики в Крыму следователи Министерства государственной безопасности занялись фабрикацией материалов о шпионской деятельности руководителей ЕАК. Они начали готовить масштабную провокацию: «дело об американо-сионистском центре в Советском Союзе, сформировавшемся под прикрытием Еврейского антифашистского комитета».

В ноябре 1948 г. Еврейский антифашистский комитет был распущен. Первой жертвой, связанной с «делом ЕАК», стал народный артист СССР Соломон Михоэлс (его убийство в Минске в январе 1948 г. власти замаскировали под автомобильную катастрофу).

После его трагической и таинственной гибели были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже, преступной националистической деятельности сотни представителей еврейской интеллигенции.

После пыток и истязаний заключенных был проведен судебный процесс, который продолжался с мая по июль 1952 г. Из четырнадцати представших перед судом членов Еврейского антифашистского комитета тринадцать человек приговорены к высшей мере наказания. 12 августа 1952 г. приговор был приведен в исполнение. Эта казнь известна в мире как «ночь убитых поэтов».

Среди казненных и внесших свой вклад в историю Еврейской автономной области и написавших замечательные произведения, посвящённые нашему городу, – Ицик Фефер, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Леон Тальми.

Вполне естественно, что развернутая в стране борьба с «космополитизмом» не могла обойти стороной и нашу область. В начале 1949 года в ЕАО были ликвидированы еврейская школа, БирГОСЕТ, книжные издания на идише из фондов библиотеки им. Шолом-Алейхема изъяты и уничтожены.

Еврейская автономия, которая должна была стать центром возрождения еврейской национальной культуры, была подвергнута кадровой чистке, ставшей для нее еще более болезненной, чем «большая чистка» второй половины тридцатых годов. Любая еврейская активность, любое начинание по осуществлению еврейских культурных задач в области, все, на чем лежала печать еврейского, даже если в свое время оно получило официальную санкцию, превратилось теперь в доказательство преступности.

В Биробиджане началась очередная «охота на ведьм». Были арестованы и осуждены на 10 лет лагерей Бузи Миллер, Гершл Рабинков, Люба Вассерман, Исроэл Эмиот.

Репрессиями исключительно литераторов области карательные органы удовлетворены не были. Дело руководителей автономии рассматривалось после суда над деятелями культуры. Вскоре власти начали осуществлять тотальную чистку в Еврейской автономной области. Были арестованы первый секретарь обкома партии Александр Бахмутский, руководители облисполкома Михаил Левитин, Михаил Зильберштейн и Абрам Ярмицкий, писатели и журналисты Михаил Фрадкин, Абрам Рутенберг, Хаим Мальтинский, Наум Фридман. Все они были приговорены к длительным срокам заключения.

Александр ЛОКШИН

(Институт востоковедения РАН)

Еврейский антифашистский комитет

*(из истории создания,
деятельности и гибели)*

Среди немногих еврейских организаций, созданных властями в Советском Союзе, особое место занимает Еврейский антифашистский комитет. Он просуществовал чуть более шести лет, с весны 1942 по осень 1948 гг. В его работе приняли участие фактически все видные деятели советской еврейской культуры, а также ряд государственных и партийных руководителей, литераторы, ученые, журналисты.

Об обстоятельствах, причинах создания и гибели Еврейского антифашистского комитета, о его деятельности, трагической судьбе написано немало. Но и по сей день остается невыясненным ряд вопросов.

О создании Еврейского антифашистского комитета было объявлено в апреле 1942 г. Единственной задачей этого комитета должно было стать, по мнению властей, содействие советской зарубежной военной пропаганде.

Идея о необходимости еврейской организации для поддержки борьбы с нацистской Германией впервые высказана была еще в декабре 1940 г. находившимися в заключении в СССР руководителями Бунда в Польше Генрихом Эрлихом и Виктором Альтером. Они выступали решительными противниками советского режима, писали о «безумных кровавых казнях», проводимых Сталиным. Как и многие другие польские беженцы, в сентябре 1939 г. они оказались на советской территории и были арестованы. И после нападения Германии на Советский Союз с них не были сняты обвинения в ведении антигитлеровской пропаганды и критике пакта Молотова – Риббентропа.

20 июля 1941 г. Эрлих и Альтер были приговорены к смертной казни. В результате заключенного в Лондоне 30 июля договора между премьер-министром польского правительства в изгнании генералом В.Сикорским и советским послом в Лондоне И.Майским между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения. Договор предусматривал и амнистию по отношению к оказавшимся на советской территории польским гражданам. Смертный приговор лидерам польского Бунда был отменен и заменен на десятилетнее заключение. А уже в середине сентября 1941 г. оба лидера были освобождены и доставлены в Москву. Положение на советско-германском фронте продолжало ухудшаться. Войска фашистской Германии стремительно приближались к советской столице. В этих чрезвычайных обстоятельствах Эрлих и Альтер стали восприниматься как реальные союзники в смертельной схватке Советского Союза с Германией. В их проекте о создании Международного еврейского антифашистского комитета наряду с проведением антинацистской пропаганды среди задач называлось создание еврейского легиона в США, который, как предлагали

Эрлих и Альтер, должен быть переправлен в СССР и войти в состав Красной Армии. Председателем комитета следовало назначить Эрлиха, его заместителем – выдающегося актера театра и кино, режиссера, руководителя Государственного еврейского театра в Москве Соломона Михоэлса, секретарем – Альтера. По сути, предлагалось создать независимую международную еврейскую организацию, которая бы пользовалась авторитетом как в Советском Союзе, так и на Западе.

Глава НКВД Л. Берия посоветовал им представить записку на имя Сталина. Эрлих и Альтер направили письмо Сталину с предложением о создании Еврейского антигитлеровского комитета. Вскоре им было заявлено, что проект одобрен и решение должно вскоре последовать.

Эрлих и Альтер встречались с дипломатами из открытого польского посольства в Москве, зарубежными корреспондентами. При этом у них не было никаких иллюзий относительно мнения о советском строе. В частных письмах они обещали, что сделают все, чтобы «ускорить конец этого ужасного кошмара, который душит Советский Союз». Но самой большой угрозой мировому порядку эти люди считали гитлеровский режим, и это обстоятельство являлось решающим в их решении о сотрудничестве с советскими властями. Между тем контакты Эрлиха и Альтера тщательно отслеживались, а письма перлюстрировались. В связи с угрозой захвата Москвы все дипломатические представительства были эвакуированы в Куйбышев (Самара). Вместе с ними Эрлих и Альтер. Уже в Куйбышеве 3 декабря они вели переговоры с Михоэлсом и московским корреспондентом нью-йоркской коммунистической газеты на идише «Фрайхайт» Шахно Эпштейном. Неожиданно им сообщили, что прибыл представитель МИДа, принимающий участие в переговорах о создании Еврейского антифашистского комитета.

Их отвезли в областное управление НКВД, где Эрлих и Альтер надеялись получить долгожданный ответ Сталина. Но после двадцатичасового ожидания ошеломленным Эрлиху и Альтеру вручили ... ордер на арест. Начальник внутренней тюрьмы НКВД в Куйбышеве получил короткое предписание: водворить руководителей Бунда в одиночные камеры и содержать под номерами. Имена узников не подлежали разглашению, их называли по номерам камер, соответственно 41 и 42. Альтер и Эрлих обратились с протестами в связи с действиями спецслужб. Но ответа не последовало. На запрос посольства Польши в советский МИД в связи с тем, что Эрлих и Альтер не вернулись в гостиницу, заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил, что они были арестованы и дал понять, что НКВД считает, что они были связаны с Германией. Можно предположить, что Сталин решил отказаться от рисков, связанных с сотрудничеством с такими независимыми политическими антинацистскими деятелями, какими были Эрлих и Альтер, и уничтожить их.

Идея о создании в какой-либо форме еврейской организации в Советском Союзе с целью мобилизации антинацистских настроений среди евреев других стран мира возникла и в среде советских еврейских деятелей. Они были крайне обеспокоены судьбой своей страны и своего народа и желали оказать активную помощь Советскому Союзу в его великой освободительной войне с фашистской Германией. 24 августа 1941 г. в Москве на митинге, созванном по инициативе еврейских деятелей культуры – представителей советской общественности, прозвучал необычный для советской пропаганды призыв: «Братья-евреи во всем мире!» Именно с ним по радио к своим соплеменникам в США, Англии и других странах обратились С. Михоэлс, писатель Д. Бергельсон, поэт П. Маркиш, кинорежиссер С. Эйзенштейн, писатель И. Эренбург, русский ученый,

действительный член Академии наук СССР, член Английского королевского общества П. Капица и другие. «Еврейская мать! Если даже у тебя единственный сын – благослови его и отправь его в бой против коричневой чумы. Братья-евреи! Теснее сплотимся вокруг великого дела освободительной войны, которую ведет Советский Союз... В бой против фашизма!», – эмоционально и страстно призывал С. Михоэлс, – опозоренная честь народа вызывает к вам и ждет вашего отклика!». С пламенной речью выступил И. Эренбург: «Я – русский писатель. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я – еврей... Нас сильнее всего ненавидит Гитлер... Евреи, в нас – помощь советской России! Пусть каждый сделает все, что сможет».

Митинг и воззвание, в котором многократно повторялись слова «братья-евреи!», стали предвестником новой политики, направленной на обращение к национально-патриотическим чувствам в борьбе с фашистской Германией. Для поддержки военных действий советское руководство стремилось мобилизовать не только свое собственное население, но и мировую общественность. 24 июня 1941 г. при Наркомате по иностранным делам создано информационно-пропагандистское агентство – Совинформбюро.

Митинг в Москве, о котором сообщали газеты и радио, не мог не вызвать ответную реакцию многих евреев в Советском Союзе. Дочь Михоэлса Наталья вспоминала: «И вдруг этот митинг в Москве. Голоса Михоэлса, Маркиша, Эренбурга и многих других неслись из репродукторов по всему городу. Слово «еврей» громко звучало впервые после начала войны».

Новый арест и заключение Эрлиха и Альтера в декабре 1941 г. означали отказ от идеи международной еврейской антигитлеровской организации. Сталин решил создать советский еврейский комитет, полностью подконтрольный властям. В середине декабря 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б)

**Представители московской еврейской интеллигенции
подписывают обращение «Братья-евреи всего мира!».**

**Сидят (слева направо): Самуил Маршак,
Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Илья Эренбург.**

Стоят Соломон Михоэлс, Борис Иофан.

**Стоят во 2 ряду (слева направо): Яков Флиер,
Давид Ойстрах, Ицхак Нусинов, Яков Зак,
Вениамин Зускин, Александр Тышлер, Шахно Эпштейн.
Август 1941 г.**

по пропаганде Александр Щербаков поддержал предложение своего заместителя и заместителя наркома иностранных дел, возглавившего Совинформбюро, Соломона Лозовского назначить председателем создаваемого Еврейского антифашистского комитета Михоэлса, секретарем Шахно Эпштейна. В марте 1942 г. получено согласие на включение в состав комитета в основном участников митинга в Москве и других советских евреев, известных за рубежом. А в конце апреля 1942 г. Лозовский сообщил в Куйбышеве иностранным корреспондентам о создании при Совинформбюро нескольких антифашистских комитетов, в их числе и Еврейского антифашистского комитета.

Там же, в городе на Волге, трагически закончилась жизнь Эрлиха и Альтера. Многие десятилетия их судьба оставалась неизвестной. Только в начале 1990-х гг. ставшие доступными документы НКВД дали возможность представить суть этого «дела», рассказать об их гибели. Из документов следует, что шестидесятилетний Эрлих так и не дождался ответа от Президиума Верховного Совета СССР на жалобу о неправомерности своего ареста. 14 мая 1942 г. Эрлих повесился на оконной решетке тюремной камеры. 17 февраля 1943 г. по указанию из Москвы был расстрелян Альтер.

В ответ на запросы из США о судьбе этих деятелей Наркомат по иностранным делам опубликовал ноту. В ней утверждалось, что «в октябре и ноябре 1941 г. Эрлих и Альтер систематически вели предательскую деятельность, призывая войска прекратить кровопролитие и немедленно заключить мир с фашистской Германией». Сообщалось о расстрельном приговоре Военной коллегии Верховного суда. В. Молотов на обсуждении вопроса о подготовке к публикации ноты его ведомства сообщил: «товарищ Сталин одобрил этот текст». Время для обнародования этого циничного и лживого текста было

избрано удачно – февраль 1943 г., вслед за победоносной Сталинградской битвой – апогеем популярности Советского Союза и Сталина. «Бюллетень» польского телеграфного агентства прокомментировал этот приговор: «Овеянная славой Советская Россия считает, что завоевала себе право на безнаказанность. Любой упрек она может парировать утверждением, что только она сумела сдержать гитлеровский натиск».

Первым публичным мероприятием, организованным Еврейским антифашистским комитетом, стал радиомитинг в мае 1942. «Правда» писала: «Лучшие сыны еврейского народа – воины Красной Армии, прославленные артисты, писатели, ученые собрались 24 мая в Москве на митинг, чтобы еще раз призвать своих братьев во всем мире к усилению священной борьбы против гитлеровских палачей и погромщиков, заливших тысячи городов и сел народной кровью, кровью невинных детей, женщин и стариков». Участники митинга предложили развернуть кампанию по сбору средств помощи евреям различных стран на приобретение 1000 танков и 500 самолетов для Красной Армии. Тогда же, в мае 1942 г., состоялся первый пленум комитета. Прозвучали различные мнения о целях и задачах комитета, его участники разделяли поставленную правительством цель о мобилизации на Западе помощи и общественной поддержке военных усилий Советского Союза. Были и голоса о том, что необходимо заняться и проблемами еврейского населения страны. Литературный критик И. Нусинов говорил о публикации материалов об участии советских евреев в войне, борьбе с антисемитизмом в тылу. Михоэлс заметил, что: «фашизм просачивается рука об руку с антисемитизмом». Освобождение Красной Армией оккупированных территорий и начавшееся возвращение эвакуированного населения поставили новые проблемы. На втором пленуме ЕАК в феврале 1943 г.

были высказаны различные мнения, одни из выступавших (Фефер, Эпштейн и журналист Д. Заславский) считали необходимым придерживаться официальной линии и заниматься пропагандистской кампанией за рубежом, другие полагали возможным уделить внимание вопросам, возникшим у еврейского населения за годы войны и тем самым стать общественной организацией, выражающей и защищающей интересы советского еврейства. Нусинов, Маркиш и Эренбург говорили о безмерных страданиях евреев, о необходимости организации помощи еврейским беженцам. «Мы, еврейские писатели, – сказал Ноах Лурье, – должны прибыть в освобожденные города, пройти по свежим кровавым следам наших братьев... встретиться с выжившими».

Во второй половине 1943 г. состоялась поездка Михоэлса и Фефера в Соединенные Штаты. Это была первая за многие годы встреча представителей советских евреев с евреями за рубежом. Цель визита состояла в укреплении просоветских настроений на Западе и стремлении побудить американских евреев оказать материальную помощь СССР, приблизить решение о скорейшем открытии Второго фронта. Накануне отъезда из Москвы Михоэлс и Фефер получили от Щербакова и Лозовского подробные инструкции касательно поездки. Сразу же по прибытии в США начались публичные выступления Михоэлса и Фефера.

«Война не кончена! Мы верим в победу! Плакать и рыдать сейчас бесполезно. Это не поможет. Каленым железом надо выжечь позор, называемый фашизмом», – заявлялось буквально на каждом митинге в США. В 1973 г. Марк Шагал побывал в Москве и рассказал вдове Михоэлса Анастасии Потоцкой о своих встречах с Михоэлсом в США: «Я видел постановки, которые ставили крупнейшие режиссеры нашего времени. Но такой спектакль, как антифашистский митинг

в Нью-Йорке в 1943 году, мог поставить только Михоэлс. «Заставить» Морриса, председателя Нью-Йоркского муниципального совета, говорить хвалебные слова о русских, требовать от правительства – не просить, требовать открытия второго фронта – этого не позволил бы себе сам президент. А Соломон Михайлович выступил так, что Моррис со слезами на глазах перед десятками тысяч американцев сказал о том, что Россия ведет великую народную войну и помочь ей надо не словами, а делами...». Самой крупной пропагандистской акцией стал митинг на одном из стадионов в Нью-Йорке. Собралось около 50 тысяч человек. Вместе с советскими гостями с призывом о поддержке Красной Армии выступали многие известные американские еврейские деятели. На русском и на идише пел Поль Робсон. Михоэлс и Фефер встречались с общественными деятелями, писателями, артистами, в том числе Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном, президентом ВСО, будущим первым президентом Израиля Хаимом Вейцманом, Д. Розенбергом – главой американской благотворительной еврейской организации «Джойнт». Все встречи были предварительно согласованы с Кремлем. Договорились, что помощь «Джойнта» пострадавшим от войны евреям будет распределяться и среди населения, проживающего рядом. Достигнуто соглашение о предоставлении Советскому Союзу безвозмездной помощи на получение питания, одежды и других гуманитарных товаров на 500 тыс. долларов.

По возвращении в Москву в декабре 1943 г. Михоэлс выступил на заседании Совинформбюро. Он отметил, что «митинги были по масштабу, по объему огромные. Это доказывало исключительный интерес, который мы вызывали как граждане нашей советской страны... Мы пытались вовлечь в борьбу против фашизма все слои населения, и не только еврейского... Были минуты трогательные... стояли очереди

людей с тремя-пятью долларами, чтобы лично вручить их нам, сэкономленные с большим трудом». Во время одного из митингов толпа бросилась к советским гостям, помост, на котором они находились, рухнул. У Михоэлса оказалась сломана нога. «Я сидел, – рассказывал Михоэлс, – на стуле на колесах, но не от того, что я хотел быть равным Рузвельту, просто у меня случилось несчастье с ногой... эффект был в данном случае исключительный».

В результате поездки для Красной Армии только в США было собрано 16 млн долларов, а также дополнительные средства на приобретение санитарных машин, медицинского оборудования и одежды. Визит укрепил в США позиции кругов, выступавших за скорейшее открытие второго фронта. Кроме США, Михоэлс и Фефер побывали в Канаде и Мексике, где им был также оказан теплый прием. Поездка советских представителей прошла с огромным успехом. Эта миссия вызвала глубокие чувства международной солидарности с героической борьбой советского народа с нацизмом.

Препровождение Михоэлса и Фефера в Соединенных Штатах связано и еще с одним событием, которое, возможно, в дальнейшем роковым образом повлияло на их личные судьбы и на ЕАК в целом. Речь идет о т.н. «крымском проекте». В ответ на трагедию Холокоста у руководителей ЕАК стали рождаться различные проекты по спасению советских евреев. Возникла идея о создании в Крыму еврейской республики. До войны в Крыму существовало несколько еврейских национальных районов. На полуострове проживало не менее 65 тысяч евреев. Некоторые деятели ЕАК смотрели на эти районы как на ядро будущей автономии в Крыму. Историки располагают лишь косвенными данными об обстоятельствах появления «крымского письма». Лозовский свидетельствовал, что этот вопрос обсуждался во время встречи Михоэлса, Фефера

и Эпштейна с Молотовым, который и посоветовал им изложить свое предложение в письме на имя Сталина. По утверждению советского разведчика Павла Судоплатова, идея создания Еврейской республики в Крыму явилась частью «сталинского плана привлечения зарубежных еврейских капиталов». Этот же вопрос обсуждался и во время встречи Сталина с президентом Торговой палаты США Э. Джонсоном и американским послом в Москве А. Гарриманом. Вдова Михоэлса А. Потоцкая писала о том, как рождалось «крымское письмо»: «Помню бессонные ночи... Мудрость Михоэлса была преисполнена хасидского романтизма, и он верил, что может спасти свой народ». 15 февраля 1944 г. Михоэлс, Фефер и Эпштейн направили Сталину письмо: «Дорогой Иосиф Виссарионович! С целью нормализации экономического положения всех слоев еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании **Еврейской Советской Социалистической Республики** (выделено авторами письма). Нам кажется, что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместимости для переселения, так и вследствие успешного развития там еврейских национальных районов... Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа».

Мы не располагаем сведениями о том, прочел ли это письмо Сталин. Бесспорно одно: проект не был одобрен.

Вполне вероятно, Сталин расценил это письмо как вызов, направленный против него и созданной им же системы, которая строго регламентировала нормы поведения. Ведь изначально задачи и цели Еврейского антифашистского комитета определялись как чисто пропагандистские, направленные на получение финансовой западной помощи. И он, Сталин, позволил деятелям ЕАК иметь и приличные оклады, и благоустроенные квартиры, дачи, ордена, звания, почет и популярность, печататься в стране и за рубежом, получать гонорары, принимать и распределять подарки и посылки из-за границы. Летом 1943 г. комитету был предоставлен особняк в центре Москвы, на Кропоткинской улице. И вскоре ЕАК превратился в культурный центр, где происходили встречи с еврейскими писателями, общественными деятелями и артистами. И в ответ от этих деятелей требовалось лишь одно: неукоснительно соблюдать неписанные правила игры. Однако авторы «крымского письма» позволили себе выйти за границы дозволенного, стать не формальными представителями еврейского населения, а, по убеждению вождя, самозванцами, которых немало знала и русская история, заявить о себе как о лицах, выражающих чаяния своего народа. ЕАК желает стать легитимным представителем советских евреев в стране и на международной арене. И подобная дерзость не могла оставаться безнаказанной. Но война продолжалась, ЕАК пока был нужен. Хотя «крымское письмо» в Кремле не воспринималось как «измена Родине», но ЕАК вменялись в вину попытки говорить от имени всех евреев страны, и то, что он становится «политически вредной организацией», превращается «какую-то особую державу».

После окончания Второй мировой войны и с началом противостояния СССР и США предложение о создании еврейской республики в Крыму стало и вовсе не приемлемым,

Сталин, по воспоминаниям Н. Хрущева, считал, что «в случае войны Крым стал бы плацдармом для нападения США на СССР», и «крепнувший в Америке сионизм получил поддержку в нашей стране».

Но в 1944 г. письмо было сдано в архив. Еврейская общественность, объединенная ЕАК, была охвачена ожиданиями, что в ближайшее время советские евреи обретут собственную территорию – республику в Крыму. Бергельсон кулуарно поделился с одним из польско-еврейских писателей, что первыми в Крыму смогут поселиться оказавшиеся в результате войны на советской территории еврейские беженцы из Польши. О том же он сообщал партизану и литератору А. Суцкеверу: «Мы ждем, что случится нечто хорошее». Михоэлс уговаривал американского журналиста, зятя Шолом-Алейхема Б.-Ц. Гольдберга отложить возвращение в США, т.к. ждал «из Кремля новостей о евреях». Проходили месяцы, а ответа все не было. Но надежда, что крымский проект будет все же осуществлен, все еще будоражила воображение руководителей ЕАК. В июне 1945 г. Михоэлс, Фефер и Эпштейн, встретившись с Лозовским, пытались добиться приема у Молотова и поставить еще раз вопрос о Крыме.

Между тем немало евреев обращались в ЕАК и к его председателю Михоэлсу. На освобожденных территориях евреи требовали возвращения их расхищенного имущества, вселения в оставленные жилища, жаловались на проявления антисемитизма среди местного руководства, предлагали заняться сохранением памяти о евреях – жертвах фашизма, нареkania вызывало распределение продуктов и одежды, которые редко доходили до нуждающихся. Член ЕАК главный врач больницы им. Боткина Борис Шимелиович заявил, что еврейская интеллигенция недовольна деятельностью комитета. ЕАК не решается поставить перед ЦК вопрос о расширении своих

функций, накопилось столько материала по еврейским проблемам, что нужно подготовить обстоятельную докладную записку в правительство.

Возникла идея подготовить «Черную книгу» об уничтожении гитлеровцами еврейского населения в СССР. С этим предложением в конце 1942 г. обратился в ЕАК А. Эйнштейн. После визита Михоэлса и Фефера в Америку ЕАК получил санкцию на сбор материалов для подобного издания. В проекте, направленном в Кремль, отмечалось: «в книгу войдут рассказы спасшихся евреев, свидетелей зверств, немецкие приказы, дневники и показания палачей... живые рассказы должны показать глубину трагедии. Чрезвычайно важно показать солидарность советского населения... показать, что евреи умирали мужественно, остановиться... на случаях сопротивления». После длительной переписки и редактирования рукописи в отзыве начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Александрова в феврале 1947 г. утверждалось, что «Чёрная книга» дает представление ложное об истинном характере фашизма», создает впечатление, что «немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев». В ответ на соображения Михоэлса о том, что книга не утратила актуальности и важна в связи с опасностью возрождения фашизма, по указанию заместителя начальника управления пропаганды ЦК Д. Шепилова отдел издательств того же ведомства сообщил, что «Черная книга» содержит серьезные политические ошибки и не может быть издана». Вскоре и сам факт подготовки «Черной книги» стал еще одним доказательством «еврейского национализма» и инкриминировался руководителям ЕАК в ходе следствия и судебного процесса в 1949-1953 гг.

Последний за годы войны митинг ЕАК был проведен 2 апреля 1944 г. Он состоялся в Москве в Колонном зале

**Руководители Еврейского антифашистского комитета
на встрече с американским писателем Бен-Ционом
Гольдбергом в Москве. Сидят (слева направо): поэт Исаак
Фефер, профсоюзный деятель Иосиф Юзefович, поэт Перец
Маркиш, Бен-Цион Гольдберг, актер Соломон Михоэлс,
издатель Лев Стронгин, поэт Арон Кушников, поэт Самуил
Галкин. Стоят (слева направо): поэт Лев Квитко,
писатель Давид Бергельсон. 1946 год**

Дома Союзов и собрал три тысячи участников. Сцену украшал большой портрет Сталина. В президиуме и в зале было много евреев – фронтовиков и партизан. Выступая перед собравшимися, Михоэлс заявил, что «среди всех злодеяний и насилий над братскими народами самым вопиющим является преступление, совершенное немцами над еврейским народом... мы с гордостью можем заявить, что евреи по количеству награжденных за боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны стоят на четвертом месте среди национальностей Советского Союза». На пленарном заседании подверглись критике «некоторые безответственные» выступления. Эпштейн заявил о преувеличении опасности антисемитизма и «нездоровых националистических настроениях», которые «надо разоблачать». «В нашей стране, – заявил он, – нет больше «еврейского вопроса». В отчете для Совинформбюро отмечалось, что на пленуме встретили отпор попытки «навязать ЕАК общегосударственные функции». Апрельский митинг стал последним массовым мероприятием ЕАК.

Накануне Победы для проверки работы комитета и материалов, направляемых им в другие страны, Лозовский вынужден был учредить специальную комиссию. В ее отчете отмечалось, что «статьи, посылаемые Еврейским комитетом, посвящены главным образом деятельности евреев, их участию в Отечественной войне, что это не может быть общей установкой в работе». Во второй половине 1945 г. статьи, распространяемые ЕАК за рубежом, все чаще стали подвергаться критике за «мелкоеврейскую тематику» и «отсутствие тем, отражающих текущую жизнь Советского Союза», «у читателя этих статей должно остаться общее впечатление, что жизнь Советского Союза крайне бледна, и если есть что-либо интересное и важное, – это деятельность отдельных евреев».

Впрочем, в партийных органах к руководителям ЕАК

накопились и гораздо более серьезные претензии. В декабре 1945 г. заместитель председателя комиссии партийного контроля при ЦК М. Шкирятов и заместитель начальника управления кадров ЦК Е. Андреев направили на имя секретаря ЦК Г. Маленкова донесение: «отдельные высказывания Михоэлса и Фефера показывают, что они неправильно намечают дальнейшую работу Комитета, считая, что в его задачи должны входить также вопросы культурно-воспитательной работы среди еврейского населения Советского Союза. Такие намерения работников Комитета превратить эту организацию в какой-то Комиссариат по еврейским делам политически вредны и являются искажением тех задач, которые были определены при создании Еврейского антифашистского комитета. Наше глубокое убеждение: «Еврейский антифашистский комитет нельзя оставлять в том состоянии, в котором он находится в данное время... Если будет признано необходимым его дальнейшее существование, то нужно определить круг его деятельности, укрепить его руководство, подобрав для этого твердых политических руководителей, или же распустить эту организацию, как исчерпавшую задачи, возложенные на нее в годы Отечественной войны».

Летом 1946 г. сотрудники Министерства госбезопасности изъяли хранившиеся в ЕАК архивы и текущую документацию и доставили их в ЦК для тщательного изучения. Заместитель начальника отдела внешней политики ЦК А. Панюшкин вызвал к себе Михоэлса и Фефера. Он сообщил им, что «есть мнение закрыть ЕАК». Михоэлс ответил, что «фашизм еще не исчез и с ним нужно бороться», поэтому закрытие Еврейского антифашистского комитета было бы преждевременным». Возможно, что на том этапе определенная заинтересованность властей в сохранении контактов с американскими еврейскими организациями, в том числе благотворительными, сыграла

свою роль, и ЕАК продолжил существование. В целях усиления контроля в августе 1946 г. было решено вывести Еврейский антифашистский комитет из структуры Совинформбюро и передать его в ведение отдела внешней политики ЦК, который возглавлял М.Суслов. Менялось и отношение к евреям – жертвам Холокоста. Известный певец Михаил Александрович вспоминал: «В 1945 году Сталин разрешил московским евреям организовать траурный молебен в синагоге. Меня пригласили петь «Эль Мале Рахамим» (Заупокойную) и некоторые другие псалмы. Богослужение носило вполне официальный характер и проходило чуть ли не как правительственное мероприятие. В синагогу явились представители военного руководства, пришла жена Молотова Полина Жемчужина, почтили своим присутствием представители ЦК партии и Совета министров. Был представлен дипломатический корпус, присутствовали иностранные корреспонденты... Съехалась и вся еврейская элита Москвы, а также артисты Большого и других театров... Двадцать тысяч человек собралось на номинальную службу, синагога же вмещает не более тысячи шестисот. Остальные стояли на улице – служба транслировалась по радио. Движение транспорта в районе синагоги закрыли, дежурила конная милиция. Передать, что творилось в синагоге, каково было восприятие молящихся, я не берусь. Не хватает слов. Женщины падали в обморок, бились в истерике, многих выносили на улицу, где предусмотрительно поджидали машины скорой помощи. Рыдания заглушали службу. Трагическая проникновенная музыка и горестные слова кадиша выражали ту безмерную скорбь, которой переполнены были сердца собравшихся... Мы оплакивали не только своих близких. Мы оплакивали свой народ». Вскоре проведение подобных мероприятий было запрещено. «Я получил, – завершал свой рассказ Александрович, – письмо из Комитета

по делам искусств, гласившее, что мне, заслуженному артисту, негоже выступать в синагоге. Занавес опустился... И зазвучали иные песни».

В конце сентября 1946 г. Суслову комиссией ЦК, созданной для проверки деятельности ЕАКа, была предоставлена «Справка о деятельности Еврейского антифашистского комитета». В ней повторялись уже выдвигавшиеся в записке М. Шкирятова и Е. Андреева «обвинения» в том, что Комитет превратился «в главного уполномоченного по делам еврейского населения». Недовольство партийных деятелей вызывала и международная деятельность ЕАК, попытки выступить в роли посредника между зарубежными еврейскими организациями и советскими властями.

По-видимому, с октября 1946 г. МГБ начало готовить против руководителей ЕАК «шпионское дело», в ЦК ВКП(б) и Совет министров была направлена записка «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». 19 ноября 1946 г. Суслов представил в секретариат ЦК составленную по результатам проверки записку, а затем направил этот документ Сталину и другим членам Политбюро. Фактически повторяя аргументы и выводы комиссии, Суслов сделал вывод о том, что «деятельность Еврейского антифашистского комитета как на заграницу, так и внутри СССР приобретает все более сионистско-националистический характер и потому является политически вредной и нетерпимой. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) считает дальнейшее существование Еврейского антифашистского комитета в СССР нецелесообразным и политически вредным и вносит предложение о его ликвидации». Михоэлсу и Феферу поручили подготовить текст сообщения о закрытии «Еврейского антифашистского комитета в связи с тем, что он считает свои задачи исчерпанными».

Однако после того как с материалами познакомился Сталин, делу был дан обратный ход. В начале февраля 1947 г. Суслов уведомил, что Комитет может продолжить свою работу.

Скорее всего, эти колебания можно объяснить внешнеполитическим курсом Советского Союза на Ближнем Востоке. Принятое в верхах принципиальное решение о политической поддержке Советским Союзом на международной арене целей сионизма на время предотвратило закрытие Еврейского антифашистского комитета и до некоторой степени ослабило волну усилившейся в ту пору политики государственного антисемитизма. Отдел внешней политики и Агитпроп ЦК пытались приспособить ЕАК к заданному тогда жесткому политико-идеологическому курсу, были подготовлены проекты его реорганизации, причем особо подчеркивалось, что «ЕАК взял несвойственную ему функцию работы среди еврейского населения Советского Союза», от которой должен немедленно отказаться, сосредоточив свою деятельность на пропаганде и контрпропаганде на другие страны (в том числе на антиссионистской пропаганде). Предполагалось, что ЕАК использует «связи с зарубежными еврейскими учеными, общественно-политическими и культурными деятелями для получения от них полезной для советского государства научно-технической и политической информации». В середине 1947 г. на должность заместителя секретаря ЕАК был назначен Г. Хейфец, бывший резидент советской разведки, до этого успешно занимавшийся атомным шпионажем в США.

Хотя отношение к идеологии сионизма в советском руководстве оставалось традиционно враждебным, официальная позиция советских властей в вопросе о Палестине не была однозначной. Советский Союз стремился использовать возникшие во второй половине 1945 г. трения между США и Великобританией для укрепления своих позиций в ближневосточном

регионе. Во внешнеполитическом ведомстве сложился и другой подход, который и получил поддержку Сталина. Судоплатов вспоминал: «В апреле 1946 г. заместители министра иностранных дел Деканозов и Вышинский направили служебную записку правительству. В этом документе они предлагали проводить политику благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине. Расчет заключался в том, чтобы усилить советскую позицию на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах, противившихся появлению нового государства, и согласиться на создание Израиля. На сессии ГА ООН 14 мая 1947 г. советский представитель А. Громыко впервые от имени советского правительства признал право евреев на независимое государство, поддержав план раздела Палестины. Он заявил: «Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания... не поддаются описанию. Их трудно выразить рядами сухих цифр о жертвах, понесенных еврейским народом от фашистских оккупантов. На территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти полному физическому истреблению. Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в 6 миллионов человек ... Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств к существованию... Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь». Советский Союз сыграл исключительно важную роль в принятии 29 ноября 1947 г. резолюции ООН о разделе Палестины на два независимых государства. И стал первой страной, признавшей Государство Израиль де-юре.

Создание Государства Израиль вызвало у многих советских евреев подъем национальных чувств. ЕАК направил

приветственную телеграмму президенту Израиля Х. Вейцману. 3 сентября 1948 г. центральные газеты сообщили: «2 сентября в Москву прибыли чрезвычайный посланник и полномочный министр государства Израиль в СССР г-жа Г. Мейерсон и персонал миссии». Вскоре она и другие сотрудники израильской миссии несколько раз посетили московскую хоральную синагогу. Председатель Совета по делам религиозных культов Д. Полянский сообщал Молотову: «4 октября, в день религиозного праздника Рош-ха-шана (Новый год), г-жа Мейерсон вместе с другими членами посольства посетили синагогу... многочисленная толпа, как в здании, так и на улице, приветствовала ее аплодисментами, которые раввин Шлифер пытался прекратить под предлогом того, что такие формы приветствия не могут иметь место в синагоге. Некоторые лица высказали недовольство этим, заявив: «Мы тысячи лет ждали этого события, как вы можете запретить нам проявлять свои чувства. В синагоге и около нее было, по приблизительному подсчету, до 10 тысяч человек».

Подобная демонстрация вряд ли могла понравиться властям. Рабочие, служащие, представители творческой интеллигенции обращались в ЕАК и предлагали организовать сбор средств на закупку вооружения для израильской армии, хотели поехать добровольцами и сражаться в Палестине. В ЦК и МГБ эти настроения не могли остаться незамеченными. «С целью выявления националистических элементов и враждебных элементов вообще» отдел внешней политики ЦК поручил Хейфецу и Феферу предоставить списки (с адресами и телефонами) всех граждан, когда-либо письменно или устно обращавшихся в ЕАК с выражением поддержки Израилю. Позднее на основании этих списков органы госбезопасности производили аресты «еврейских националистов». 21 сентября 1948 г. в «Правде» появилась

статья Эренбурга «По поводу одного письма». Она написана по заданию Сталина и была лично им просмотрена накануне публикации. Статья была написана в форме ответа на письмо, якобы полученное от Александра Р., студента-еврея из Мюнхена, в котором тот вопрошал: «Можно ли видеть в нем [Государстве Израиль – А.Л.] разрешение так называемого еврейского вопроса?». Эренбург давал разъяснение: советские евреи «считают советскую страну своей родиной и все они горды тем, что они граждане той страны, где нет больше эксплуатации человека человеком... Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации».

Большинство исследователей и мемуаристов (включая дочь Сталина Светлану Аллилуеву) считают, что в антиеврейской политике Сталина немаловажную роль сыграла и его прогрессирующая с годами юдофобия. Министр госбезопасности В. Абакумов манипулировал фобиями Сталина и предложил версию о сионистско-американском заговоре. В его основу легло предположение о том, что Аллилуевы якобы через ЕАК и непосредственно через Михоэлса собирали сведения для получения американской разведкой информации о личной жизни вождя. Аресты «заговорщиков» начались в декабре 1947 г. Первой жертвой стала невестка покойной жены Сталина Евгения Аллилуева. Ее обвинили в том, что она распространяла «гнусную клевету» о Сталине. Арестованный знакомый Аллилуевой, сотрудник одного из институтов АН СССР И. Гольдштейн после допросов и избиений «сознался», будто ЕАК являлся шпионским центром еврейских националистов, а Михоэлс приказал ему добыть с помощью Аллилуевых порочащую Сталина информацию. Гольдштейна заставили также показать, что будто «в Еврейском антифашистском комитете проводится националистическая

работа, направленная на разжигание у еврейского населения чувства обособленности еврейства и популяризацию идеи об особом еврейском народе». Дочь Михоэлса – Наталья считала, что непосредственным поводом для принятия Сталиным решения об убийстве ее отца стали события, связанные с реакцией советских евреев на выступление Громыко в ООН. «В конце 1947 г. произошло одно событие, которому мы не придали должного значения. В зале Политехнического музея в Москве отмечалась юбилейная дата «дедушки еврейской литературы» Менделя Мойхер-Сфорима. Свое выступление Михоэлс начал так: «Вениамин, отправившись в путешествие на поиски Земли обетованной, спрашивает на пути крестьянина: «Куды дорога на Эрец Исроэл?». И вот недавно с трибуны ООН товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!». Б-же, что происходило с залом на этот неприкрытый призыв Михоэлса! Раздался буквально шквал рукоплесканий. Люди повскакивали со своих мест, отец же стоял бледный, неподвижный, потрясенный такой реакцией зала. Овации длились, наверное, минут десять. Но отец знал, что это выступление ему даром не пройдет. Через неделю он был командирован в Минск, откуда уже не вернулся...».

По показаниям Гольдштейна был арестован и З. Гринберг, член ЕАК, сотрудник Института мировой литературы АН. Под воздействием пыток «признался» в инкриминируемых ему преступлениях и сообщил следователям все, что они желали от него услышать. 9 января 1948 г. Гольдштейн подписал протокол допроса, в котором содержалось следующее «признание»: «Михоэлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым...». Морозов в 1944–1947 гг. – муж дочери Сталина, к которому Сталин питал недобрые чувства. Он как-то посетовал своей дочери: «Сионисты подбросили и тебе твоего

первого муженька... Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...». «Надо подмечать все мелочи, — якобы говорил Михоэлс, — не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами». На следующий день эти показания о «связи» Михоэлса с американской разведкой были представлены Сталину. 7 января С. Михоэлс в качестве члена комитета по Сталинским премиям неожиданно был направлен в командировку в Минск для отбора спектаклей, выдвигаемых на соискание премии.

По свидетельствам очевидцев, Михоэлс покидал Москву в подавленном состоянии. В поездке С. Михоэлса сопровождал театральный критик В. Голубов-Потапов, агент МГБ. 12 января около 8 вечера они покинули гостиницу. Утром 13 января обезображенные трупы Михоэлса и Голубова-Потапова были обнаружены рабочими на одной из глухих улиц города. Министр внутренних дел С. Круглов сообщил советскому руководству, что, «по данным осмотра места происшествия и первичному заключению экспертов, смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины». В записке Берии в Президиум ЦК КПСС от 2 апреля 1953 г. отмечалось, что «по поручению бывшего министра государственной безопасности Абакумова была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса... Абакумов показал: «Глава Советского правительства И.В.Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И.В.Сталину, он сразу же дал указание

именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, т.е. чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под машину...».

Ученица Михоэлса — актриса Мария Котлярова вспоминала: «Многотысячная толпа, обомлевшая, ошеломленная неожиданным известием о гибели Михоэлса, стояла в длинной очереди, чтобы в последний раз увидеть дорогого им человека. Люди медленно и молча двигались... Прощание затягивалось до поздней ночи... После его похорон наступило полное затишье». Хоронили С.М. Михоэлса со всеми почестями, предусмотренными для деятелей подобного ранга. «Правда» поместила длинный некролог, в котором Михоэлс был охарактеризован как «активный строитель советской художественной культуры» и «крупный общественный деятель». В Государственном еврейском театре состоялась гражданская панихида. Театру было присвоено имя его погибшего руководителя, в феврале и мае прошли многолюдные вечера памяти великого артиста. Один такой вечер состоялся вскоре после провозглашения независимости Израиля. Выступали видные деятели русской и еврейской культуры: тенор И. Козловский, писатель генерал-лейтенант А. Игнатъев, руководитель Центрального театра кукол С. Образцов, поэты Маркиш, Фефер. Эренбург, который исключительно чутко реагировал на любые повороты государственной политики, сказал: «Сейчас, когда мы вспоминаем творчество большого советского трагика Соломона Михоэлса, где-то далеко рвутся бомбы и снаряды: то евреи молодого государства защищают свои города и села от английских наемников... Я никогда не разделял идей сионизма, но сейчас речь идет не об идеях, а о живых людях... О чем всю жизнь говорил Михоэлс? О дружбе советского народа и евреев всего мира, настоящих евреев, не отщепенцев, которые преданы золотому тельцу Америки, не еврейских

фашистов, есть и такие, но еврейских тружеников. Поговорим о людях труда и доблести. Ответ Вячеслава Михайловича Молотова на просьбу о признании нового государства Израиль наполнил надеждой и радостью сердца защитников Палестины. Я убежден, что в старом квартале Иерусалима, в катакомбах, где сейчас идут бои, образ Соломона Михайловича Михоэlsa, большого советского гражданина, большого художника, большого человека, вдохновляет людей на подвиги».

В министерстве государственной безопасности начали готовить новую масштабную провокацию: «дело об американо-сионистском центре в Советском Союзе, сформировавшемся под прикрытием Еврейского антифашистского комитета». Роль главного сиониста-заговорщика отводилась Лозовскому, бывшему руководителю Совинформбюро, смещенному с поста еще в июне 1947 г. Но пока следователи МГБ занимались фабрикацией материалов о шпионской деятельности руководителей ЕАК, в ЦК искали возможности «оздоровления обстановки в Еврейском антифашистском комитете». С этой целью в марте 1948 г. управление кадров направило секретарям ЦК А. Кузнецову и М. Сулову предложения «об изменении персонального состава ЕАК». Предлагалось выбрать председателя комитета из четырех кандидатур: С. Маршак, Я. Крейзер, Б. Иофан, Б. Збарский. Причем на тот момент лишь Крейзер являлся членом президиума ЕАК. Было рекомендовано вывести из состава президиума 11 человек, в т.ч. Фефера, Лину Штерн, Соломона Брегмана, Бергельсона, Л. Квитко. Предлагалось «ввести дополнительно» 24 человека, в их числе, помимо упомянутых выше, Д. Драгунского, М. Строговича, Э. Гилельса, Д. Ойстраха, М. Плисецкую, Б. Горбатова, И. Дунаевского, М. Блантера и др. Эти видные деятели еврейского происхождения в большинстве своем никогда не работали в еврейской культуре.

20 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло строго секретное постановление: «Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать». Вскоре начались и аресты. В декабре 1948 – январе 1949 гг. было арестовано 15 человек, впоследствии осужденных по т.н. «делу Еврейского антифашистского комитета». 24 декабря арестовали Фефера и В. Зускина. Лозовский был арестован 26 января. Незадолго до ареста он был вызван к Маленкову для объяснений по поводу намерений ЕАК превратить Крым в еврейскую республику. 18 января Политбюро ЦК постановило: «исключить Лозовского С.А. из состава членов ЦК ВКП(б) и из членов партии» за то, что он «сговаривался за спиной ЦК ВКП(б) с антифашистским еврейским комитетом о том, как выполнить план американских капиталистических кругов по созданию в Крыму еврейского государства...». С помощью пыток и угроз у арестованных, вначале отрицавших абсурдные обвинения, удалось вырвать признание. Дольше всех держался Шимелиович, давший признательные показания лишь в марте 1949 г. после, как он пояснил позднее в заявлении руководству МГБ, «методического избияния в течение месяца ежедневно». В дальнейшем Шимелиович отказался от показаний, данных под пытками.

В первые месяцы 1949 г. МГБ провело аресты писателей Ш. Галкина, И. Добрушина, Ш. Персова, журналистов, редакторов М. Айзенштадт-Железнову, С. Хайкина, С. Рабиновича, Г. Жица и других лиц, имевших прямое или косвенное

отношение к ЕАКу и газете «Эйникайт». Арестованы также директор издательства «Дер эмес» Л. Стронгин и главный редактор М. Беленький. Полина Жемчужина – жена В. Молотова, занимавшая пост начальника Главка текстильно-галантерейной промышленности, исключена из партии, арестована и обвинена в «преступной связи с еврейскими националистами». В начале марта был освобожден от должности и сам министр иностранных дел В. Молотов. Особым совещанием при МГБ Жемчужина была приговорена к 5 годам ссылки.

В справке Комитета партийного контроля, подготовленной в 1988 г. для комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, приводятся данные о репрессированных по делу ЕАК. В общей сложности «были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности 110 человек».

С разгрома Еврейского антифашистского комитета в конце 1948 г. началось организованное сверху искоренение еврейской культуры, общественных организаций, других национальных институтов. Усилился государственный антисемитизм, который начал принимать формы массированных и универсальных кампаний. Советские евреи все больше превращались в глазах Сталина в «пятую колонну» сионизма – потенциальных противников режима. Репрессии были направлены прежде всего против национально-интеллектуальной элиты еврейства, хранившей и стремившейся развивать еврейскую культуру.

3 января 1949 г. ЦК разослал в обкомы, крайкомы партии ЦК союзных республик закрытое письмо с сообщением о ликвидации ЕАК и об аресте «уличенных в шпионаже» лиц, имевших связи с этой организацией. Вслед за письмом

по всей стране началась цепная реакция ликвидации еврейских культурных и научных учреждений и арестов тех, кто имел к ним отношение.

В Еврейской автономной области были закрыты синагога, издательство и прекращено преподавание в школах еврейского языка и литературы. В июне того же года Сталин подписал протокол заседания Политбюро ЦК «Об ошибках секретаря обкома Еврейской автономной области Хабаровского края т. Бахмутского А.Н. и председателя облисполкома т. Левитина М.Е.». Указывалось, что они «допустили серьезные политические ошибки в идеологической работе и хозяйственном строительстве» и «примиренчески относятся к фактам проявления буржуазного национализма, в результате чего в областной газете «Биробиджанер Штерн», литературно-художественном альманахе «Биробиджан», областном радиокомитете и других идеологических учреждениях области орудовала группа националистов, пропагандировавших в области сионистско-националистические взгляды... Тов. Бахмутский в своих печатных и устных выступлениях... утверждал, что Еврейская область строится и будет построена только руками евреев, и, пропагандируя прожектерские планы о преобразовании области в союзную республику, о необходимости распространения печатных изданий области среди всех евреев Советского Союза...». ЦК ВКП(б) постановил снять «Бахмутского А.Н. с поста первого секретаря обкома ВКП(б) Еврейской автономной области и Левитина М.Е. с поста председателя облисполкома». В августе 1949 г. в результате «чистки» среди работников управления образования и культуры МГБ «вскрыло» в ЕАО разветвленное «сионистское подполье», занимавшееся «шпионажем». В 1950–1951 гг. в Биробиджане были арестованы и вскоре осуждены А. Бахмутский, М. Левитин, М. Зильберштейн,

предшественник Левитина на посту председателя облисполкома, редактор литературного альманаха Х. Мальтинский, ответственные работники газеты «Биробиджанер Штерн» Н. Фридман и М. Фрадкин и др. Наряду с обвинениями в измене родине, антисоветской пропаганде, буржуазном национализме некоторым из них, в частности Бахмутскому, ставилось в вину и потворство космополитизму. Ликвидация учреждений еврейской культуры, аресты еврейских писателей, работников культуры проходили по всей стране. Были закрыты краеведческий музей и Биробиджанский государственный еврейский театр имени Л. Кагановича.

Самым кровавым из всех антиеврейских процессов стал суд над членами Еврейского антифашистского комитета. Процесс, по которому должно было проходить 30 обвиняемых, МГБ намеревалось провести еще в 1950 г. Однако следствие шло не столь гладко, как предполагалось вначале: одни, как Шимелиович, Лозовский, Жемчужина, упорно не «сознавались» в инкриминируемых им преступлениях, другие – Штерн, Брегман, Маркиш – отказались от данных под пытками показаний. Число обвиняемых, проходивших по делу ЕАК, было решено сократить до 15, а следствия по делу некоторых из них (в т.ч. Жемчужиной) были выделены в отдельные производства. В марте 1950 г. обвиняемым сообщили об окончании следствия и дали возможность ознакомиться с делами. Министр государственной безопасности Абакумов был смещен с должности и арестован. Новый министр С. Игнатьев направил Берии и Маленкову записку о необходимости срочного возобновления дела ЕАК. Среди прочего он сообщал о том, что арестованные по этому делу уже больше года не допрашиваются, хотя сообщенные ими сведения «представляют значительный интерес с точки зрения шпионской и националистической деятельности

обвиняемых». 19 января 1952 г. следствие было возобновлено. Рюмин, курировавший работу следственной бригады, намеревался получить санкцию на арест всех лиц (всех 213 человек, в т.ч. Эренбурга, писателя Гроссмана, Маршака, поэта А. Вергелиса, а также профессора Б. Збарского), фигурировавших в протоколах допросов по этому делу. Однако тот грандиозный замысел – объединить в единый шпионский заговор практически всех значительных представителей еврейской интеллигенции – не был поддержан Сталиным. Из всего списка были арестованы и осуждены Б. Збарский и Г. Хейфец.

22 марта 1952 г. обвиняемым была предоставлена возможность ознакомиться с материалами следствия, составившими 42 тома. 31 марта утверждено обвинительное заключение, квалифицировавшее деятельность арестованных по нескольким пунктам 58-й статьи УК РСФСР (шпионаж и пропаганда еврейского буржуазного национализма). Трудно себе представить, как могли эти измученные люди, обессиленные долгим тюремным заключением, изнурительными допросами, всего за восемь дней прочитать 42 пухлых тома. Однако, как показал ход судебного процесса, они досконально изучили все материалы, и не только те, что касались их лично, но и других участников процесса. 3 апреля Игнатьев направил Сталину обвинительное заключение (копии Маленкову и Берии). Послание министра содержало предварительно согласованное со Сталиным предложение вынести смертный приговор всем подсудимым, за исключением Л. Штерн, которую предлагалось «сослать в отдаленный район сроком на 10 лет».

Закрытый судебный процесс длился более двух месяцев, с 8 мая по 18 июля 1952 г. «Дело ЕАК» рассматривала в закрытом судебном процессе без участия представителей государственного обвинения и защиты Военная коллегия

Верховного суда СССР. Подсудимым вменялись в вину связи с «еврейскими националистическими организациями Америки», передача им «секретных» сведений об экономике СССР», постановка вопроса «о заселении Крыма и создании там еврейской республики», издание «Черной книги». Нет возможности полностью восстановить всю картину пыток и истязаний, которым подверглись арестованные, попав в застенки Лубянки. Однако есть и свидетельства самих жертв, и признания их палачей, которые позволяют в какой-то мере представить картину мучений, выпавших на долю всех привлеченных по «делу ЕАК». Шимелиович в письме на имя Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР 6 июня 1951 г. писал, что в первый же день ареста по указанию министра Абакумова следователь полковник Шишков и еще несколько сотрудников избили его прямо в приемной министра. Каждый из них старался ударить Шимелиовича по лицу, били резиновой палкой, носком сапога по бедренным костям. Побои продолжались и в последующее время нахождения Шимелиовича в тюрьме. Они усиливались в связи с тем, что он отказывался подписать «признательные» показания. Спустя месяц Шимелиовича на допросы в кабинет следователя приносили на носилках. Однако истязания и избиения продолжались. Все заключенные подвергались также ежедневным ночным допросам, различного рода наказаниям, помещению в карцер и в холодные камеры. Маркиш ежедневно подвергался допросам по два-три раза в сутки. Его допрашивали днем с 11-12 часов и до 17, а затем вновь вызывали на допрос в половине 12-го ночи. В кабинете следователя он обычно находился до 5 часов утра. Это допросы продолжались месяцами вплоть до полного истощения. В карцере Маркиш провел в общей сложности 16 дней. Есть свидетельства тяжких избиений Лозовского, которому

на момент ареста был 71 год, Штерн – также 71 год, И.С. Ватенбергу – 62, Д.Н. Гофштейну – 59. Даже по самым суровым критериям сталинского судопроизводства, не отличавшегося ни гуманизмом, ни вниманием к доказанности вины, «вина» подсудимых не «дотягивала» до смертного приговора. К тому же в ходе судебного разбирательства все подсудимые, за исключением Фефера и Э. Теуминой, отрицали свою вину – полностью (Лозовский, Маркиш, Шимелиович, Штерн, Брегман) или частично, приводя убедительные доказательства абсурдности выдвинутых против них обвинений. К концу процесса все подсудимые, включая Фефера, отказались от данных ими на следствии показаний. Председатель суда генерал-лейтенант А. Чепцов попытался отправить развалившееся дело на доследование. Его обращения к Генеральному прокурору, Председателю Верховного суда, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю КПК при ЦК КПСС и другим высокопоставленным лицам не дали результата. Тогда он добился аудиенции у Маленкова. Тот, оставив доводы Чепцова в пользу доследования без ответа (впоследствии Маленков подтвердил, что докладывал Сталину о просьбе Чепцова), заявил ему: «Что же, вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом Политбюро ЦК занималось три раза, выполняйте решение Политбюро!».

18 июля 1952 г. военная коллегия приговорила к смертной казни: С. Лозовского, И. Фефера, И. Юзефовича, Б. Шимелиовича, Л. Квитко, Д. Гофштейна, В. Зускина, П. Маркиша, Д. Бергельсона, Л. Тальми, Э. Теумину, Ч. Ватенберг-Островскую, И. Ватенберга. Л. Штерн приговорили к трем с половиной годам заключения с последующей ссылкой на пять лет. Дело Брегмана было отложено в связи с болезнью

подсудимого (незадолго до вынесения приговора его с тяжелым сердечным приступом поместили в тюремную больницу, где он через несколько месяцев скончался).

Два имени из этого расстрельного списка близки к моей семье. Чайка (Хайка) Ватенберг и ее муж Илья Ватенберг. Чайка – двоюродная сестра моей тещи. Они родились на Украине, Илья Семенович в 1887 г. в г. Станиславе, а Чайка Семеновна – в 1901 г. в местечке Звенигородка, оба вместе со своими семьями эмигрировали в Америку, где и поженились. Илья Семенович был видным деятелем партии Поалей Цион, а с 1921 г. – членом Коммунистической партии Америки. Трижды они приезжали в Советский Союз от ИКОРА («Идише колонизация ин ратн фарбанд» – Еврейская колонизация в Советском Союзе), а затем в 1933 г. приехали на постоянное место жительства, приняв вскоре советское гражданство. Работали переводчиками Совинформбюро. Илья Семенович до ареста в январе 1949 г. занимал должность старшего контрольного редактора Государственного издательства литературы на иностранных языках. В 1942 г. он привлечен к работе в ЕАК, а Чайка Семеновна работала переводчиком в ЕАК и в том же издательстве. Перед вынесением приговора она заявила: «Я хочу сказать суду, что все мои показания на предварительном следствии были плодом творчества следователя и не соответствуют действительности».

На допросы по их делу вызывали и мать моей тещи Эстер Баскис – старую религиозную женщину, которой угрожали похоронить не на еврейском кладбище. Не зная о приговоре и о том, что он приведен в исполнение, семья носила в Лефортовскую тюрьму передачи вплоть до того, как в 1955 г. они узнали об их участи.

Ходатайства о помиловании, посланные осужденными в Президиум Верховного Совета СССР, решением Политбюро

ЦК 7 августа 1952 г. были отклонены. 12 августа приговор был приведен в исполнение.

27 ноября (1955 г. – А.Л.) меня вызвали в Военную коллегию Верховного суда, – вспоминала вдова П. Маркиша. – В приемной я встретила с вдовами Бергельсона, Квитко, Гофштейна, Лозовского, Шимелиовича. Там же была старая, сгорбленная Лина Штерн – единственная в ту пору в СССР женщина-академик. Меня принял генерал Борисоглебский. Стены кабинета украшали портреты в аляповатых казенных рамках: Ленин и Сталин.

– Вы, наверное, догадываетесь, зачем я пригласил вас... – сказал генерал.

– Нет, – сказала я, – я пришла выслушать вас.

– Могу сообщить вам, – сказал он, – что ваш муж реабилитирован.

– Где он?

– Ваш муж расстрелян врагами народа, – сказал генерал привычную для него фразу и придвинул мне стакан воды...

– Когда он погиб? – сказала я.

– Где то в августе пятьдесят второго, – на миг задумался генерал.

– Я хочу знать точную дату.

– Но зачем вам это? – спросил генерал с некоторой досадой в голосе.

– Это нужно мне и моим детям. Где его могила?

– У него нет могилы.

– Я хочу знать точную дату гибели моего мужа, – настойчиво повторила я.

**Мемориал членам ЕАК, казненным 12 августа 1952 года,
на Донском кладбище в Москве**

Тогда генерал позвонил по телефону, и на его звонок явился офицер, неся тоненькую папку, на которой было написано «Маркиш Перец Давидович».

– Двенадцатого августа 1952 года, – сказал генерал, заглянув в папку...

После реабилитации убитых писателей... создавались комиссии по литературному наследию... я ... занялась архивом... планами будущих публикаций. Часто я приглашала уцелевших друзей Маркиша – для консультаций... Во время одного из таких совещаний раздался телефонный звонок. «Говорят из финансового отдела КГБ. За нами должок остался. – Какой должок? ... Вам еще причитается за зубы. – Какие зубы? – За золотые коронки. Я закричала не своим голосом... я была в обмороке... Впоследствии, когда я слышала или читала о том, что не надо, дескать, ворошить беды прошлого, беречь старые раны, что лучше поставить крест и забыть, я всегда говорила себе: «Зубы!».

Символическая братская могила тех мучеников, наряду с другими жертвами политических репрессий, чье место гибели неизвестно, находится в Москве на кладбище Донского монастыря. 12 августа – в годовщину расстрела 13 выдающихся еврейских общественных деятелей – деятели культуры и родственники казненных, еврейские общины в России, Соединенных Штатах, Израиле, Великобритании и других странах отмечают эту скорбную дату. Она вошла в историю как «ночь убитых поэтов».

Расстрельное лето пятьдесят второго

Семьдесят лет назад, 12 августа 1952 года, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны руководители Еврейского антифашистского комитета, видные еврейские общественные и культурные деятели.

Об этой трагической дате в нашей стране многие годы не упоминали, и даже после полной реабилитации казненных, посмертного восстановления их доброго имени и поправленных прав сохранялась плотная завеса о трагедии августа пятьдесят второго года. И только во второй половине восьмидесятых эту завесу приоткрыли.

Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был создан в военном 1942 году и основной своей целью ставил объединение евреев СССР в борьбе против немецкого фашизма, привлечение средств из-за рубежа в помощь Красной Армии. В годы войны благодаря ЕАК в США, Мексике, Великобритании и Палестине было собрано для Красной Армии более 30 миллионов долларов.

Но помощь оказывалась не только деньгами. В 1943 году главная партийная газета страны «Правда» сообщила: «Соломон Михоэлс и Ицик Фефер получили сообщение

из Чикаго, что организация «Джойнт» начала кампанию, чтобы профинансировать закупку тысячи санитарных машин для потребностей Красной Армии».

В состав руководства ЕАК входил цвет еврейской интеллигенции, известные деятели литературы и искусства — писатели и поэты Илья Эренбург, Самуил Маршак, Перец Маркиш, Лев Квитко, Давид Бергельсон, Ицик Фефер, Давид Гофштейн, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, музыкант Давид Ойстрах, академики Петр Капица и Лина Штерн, актер Вениамин Зускин... Возглавлял Еврейский антифашистский комитет с первых дней его существования народный артист СССР Соломон Михоэлс.

У комитета было свое издательство и свой печатный орган — газета «Эйникайт», где в годы войны печатались статьи, обличающие фашистские зверства на оккупированных территориях, где впервые в полный голос заговорили о Холокосте.

Деятельность Еврейского антифашистского комитета во многом способствовала открытию Второго фронта.

Холодом на ЕАК повеяло в 1944 году, когда в адрес руководства СССР от имени комитета было направлено письмо с предложением создать на территории Крыма Еврейскую советскую социалистическую республику, переселив туда пострадавших от войны евреев. Незадолго до этого Соломон Михоэлс и Ицик Фефер побывали с визитом в США, где встречались с руководителями еврейских организаций, и этот факт сыграл для них роковую роль. В отправленном письме нашли «американский след», посчитав, что в создании Еврейской республики прежде всего заинтересованы американцы.

Ответа на это обращение получено не было. Но одно несомненно. Отношение к крымскому проекту было явно отрицательным. А на главного автора письма Соломона Михоэлса начали собирать компромат.

До августа того же сорок шестого года ЕАК подчинялся Совинформбюро, чьи военные сводки и голос Левитана вселяли патриотический дух в сердца слушателей. Но патриотизм в приговоре заменят словом национализм, когда обвиняемым по делу ЕАК станет руководитель Совинформбюро Соломон Лозовский.

В августе сорок шестого Еврейский антифашистский комитет был передан в подчинение отделу внешнеэкономических сношений ЦК ВКП(б), то есть под бдительное партийное око. Тогда же первой ласточкой стало заявление одного из партийных деятелей о намерении закрыть эту организацию. Вторая ласточка не заставила себя ждать — уже в октябре Министерство госбезопасности страны направило в ЦК ВКП(б) официальную бумагу под названием «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета».

Этим проявлением назвали, в частности, намерение ЕАК издать в СССР «Черную книгу», где писатели Илья Эренбург и Василий Гроссман собрали документальные произведения о зверствах немецких оккупантов на территории СССР против еврейского народа. Ответом снова был отказ с аргументом+, что от рук фашистов пострадали и другие народы многонациональной страны. Была и ссылка на грубые политические ошибки. «Черная книга» была издана, но в Америке, и это добавило черных страниц в дело ЕАК.

А вскоре затрещали по-настоящему суровые морозы. 12 января 1948 года в Минске был убит Соломон Михоэлс. Запланированное убийство замаскировали смертью руководителя ЕАК от случайного автомобильного наезда. В Москве Михоэлсу устроили торжественные похороны как знаменитому общественному и театральному деятелю, а уже через несколько месяцев ему будут присвоены совсем другие

эпитеты вплоть до главаря враждебной националистической организации.

20 ноября 1948 года решением Совета министров СССР Еврейский антифашистский комитет формально был запрещен «как центр антисоветской пропаганды».

В решении было сказано: «Бюро Совета министров СССР поручает министру государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как факты показывают, что этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранных разведок».

Свою оценку ЕАК дали партийные органы. За подписью Михаила Суслова и под грифом секретно были подытожены результаты проверки деятельности Еврейского антифашистского комитета. В этой бумаге, направленной лично Сталину, говорилось: «Деятельность ЕАК приобретает все более националистический и сионистский характер и потому является вредной и нетерпимой. Вся деятельность комитета в настоящее время противоречит ленинско-сталинским взглядам на существо еврейского вопроса... На основании изложенного отдел внешних сношений ЦК ВКП(б) считает дальнейшее существование Еврейского антифашистского комитета в СССР нецелесообразным и политически вредным и вносит на Ваше рассмотрение предложение о его ликвидации».

За решением последовали решительные действия: Еврейский антифашистский комитет был ликвидирован теперь уже не формально, а официально, была прекращена деятельность его издательства, перестала выходить газета «Эйникайт», где, кстати, нередко печатались руководители и журналисты нашей области.

Газету обвинили в том, что через нее якобы распространялись сведения, представлявшие государственную тайну. Фигурировала в этом обвинении и наша область.

«В газете «Эйникайт» в многочисленных статьях о Биробиджане сообщаются подрывные сведения об экономике области, новостройках, полезных ископаемых. Так, в одной статье сказано, что для добычи золота в Биробиджане создано специальное Сутарское управление, для промышленной обработки олова строится комбинат, на котором занято семь тысяч человек, а на базе имеющегося месторождения железных руд предполагается строительство металлургического комбината с полным законченным металлургическим циклом».

Что в этой статье является государственной тайной, остается только гадать. А вот прогноз о строительстве металлургического комбината сбылся, но только через шесть с лишним десятков лет.

Меж тем уже в декабре 1948 года начались аресты руководителей и активистов комитета. Первыми были арестованы Ицик Фефер и Вениамин Зускин. После смерти Михоэлса именно они руководили Еврейским антифашистским комитетом.

Ицик Фефер, поэт, в 19 лет вступил в партию большевиков, прошел деникинскую тюрьму, был добровольцем Красной Армии. После Гражданской войны стал редактором литературно-художественного журнала на идише, членом правления Союза писателей СССР. Издал несколько сборников стихов на идише. В ЕАК редактировал газету «Эйникайт», вместе с Михоэлсом совершил поездки в США, Канаду, Мексику, Англию по сбору средств для Красной Армии. В феврале 1944 года подписал письмо Сталину с предложением создать в Крыму Еврейскую республику. И поездки за рубеж, и подпись под письмом сыграют роковую роль в его

безупречной по советским меркам биографии. Отметят в приговоре и творчество поэта: «С первых лет существования советской власти Фефер вел борьбу против партии и Советского государства, протаскивая в своих произведениях вражеские взгляды».

Вениамин Зускин, народный артист РСФСР и Узбекской ССР, чей актерский труд страна вознаградила орденом Трудового Красного Знамени, был партнером Соломона Михоэлса по театральной сцене. После его гибели Зускин возглавил Государственный еврейский театр, стал ответственным секретарем Еврейского антифашистского комитета. И это станет для артиста черным пятном биографии. В расстрельном приговоре запишут: «Вместе со своими сообщниками Михоэлсом и Фефером В. Зускин проводил вражескую деятельность против ВКП(б) и Советского правительства, направляя в Америку ряд статей националистического характера о состоянии искусства СССР».

Аресты членов президиума ЕАК продолжились в начале 1949 года. Их большие заслуги перед страной органы советского правосудия в расчет не ставили. Наоборот, старались найти в биографиях подследственных как можно больше темных пятен. В вину им ставилось даже происхождение — мол, почти все они происходили из богатых семей купцов, торговцев и прочих эксплуататорских элементов, поэтому и вредили советской власти.

Фигурантами уголовных дел, которые правильно было бы назвать политическими, стали видные еврейские общественные и культурные деятели страны.

Соломон Лозовский, участник революционного и профсоюзного движения, прошедший несколько лет в царской тюрьме, доктор исторических наук, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР двух созывов, заместитель наркома

Соломон Лозовский

Иосиф Юзефович

иностранных дел СССР, руководитель Совинформбюро. Обвинили его во многих смертных грехах и даже в том, что еще в дореволюционные годы он двурушничал и выступал против большевиков, а задолго до создания ЕАК выступал с вражескими вылазками против политики партии и Советского государства.

Иосиф Юзефович за свою революционную деятельность провел несколько лет в царской тюрьме, в 1917 году вступил в партию большевиков. В СССР возглавлял журнал «Международное рабочее движение», был главным редактором Совинформбюро, работал в Институте истории Академии наук СССР. Обвинили его в том, что в 1917 году он был одним из инициаторов создания так называемой Российской социалистической рабочей партии, «с вражеской целью в 1944 году был введен в Еврейский антифашистский комитет, где клеветал на ЦК ВКП(б) и Советское правительство».

Перец Маркиш, в своих стихах воспевавший жизнь Советской страны, стал первым поэтом, награжденным высшей наградой СССР — орденом Ленина.

И Февральскую, и Октябрьскую революции он принял с восторгом, но в 1921 году покинул страну, и этот факт тоже поставят ему в вину. После возвращения в СССР поэт выпустил пять книг, одна из них — документальная, была

посвящена Соломону Михоэлсу. Писал пьесы для ГОСЕТа, которые пользовались успехом. Активно работал в Еврейском антифашистском комитете как член президиума.

Обвинили поэта в связях с польскими сионистами, печатании в польской реакционной прессе своих «националистических» произведений. Выписка из приговора: «Возвратясь в СССР, П. Маркиш на протяжении многих лет в сговоре с еврейскими националистами проводил враждебную деятельность против партии и Советского правительства».

Лев (Лейб) Квитко, известный детский поэт, стихами которого воспитывалось не одно поколение советских детей. При его жизни было выпущено семнадцать авторских сборников стихов — и на идише, и в переводе на русский язык. В 1939 году поэт вступил в партию, в 1942 стал членом президиума Еврейского антифашистского комитета и вошел в состав редколлегии газеты «Эйникайт». Был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Во время следствия ему припомнили едкие сатирические стихи в еврейском журнале «Красный мир» и командировку в Крым, когда ЕАК готовил письмо Сталину о создании на территории полуострова Еврейской республики.

Лев Квитко

Давид Бергельсон, писатель, которому на момент ареста было 65 лет. Не только в СССР, но и на мировом уровне он считался крупнейшим еврейским прозаиком. Советские критики подчеркивали, что многие его произведения написаны в духе социалистического реализма. До войны в СССР вышло девять книг писателя, особенно высоко были оценены

Давид Бергельсон

его романы «После всего», «Отход» и «На Днепре».

Стоит напомнить и о том, что в середине тридцатых годов прошлого века Давид Бергельсон жил и работал в Биробиджане, печатался в «Биробиджанер штерн» и одну из своих книг назвал «Биробиджанские мотивы».

В 1942 году писатель был избран членом президиума Еврейского антифашистского комитета, а в 1949 стал фигурантом по делу ЕАК. Припомнили ему и сотрудничество с зарубежными издательствами, и проживание в Германии, Румынии, Франции и Литве, где он выступал в буржуазной прессе с «антисоветскими клеветническими статьями». Из приговора: «В 1934 году, вернувшись в СССР, Бергельсон пролез в бюро еврейской секции Союза советских писателей, где продолжал вести вражескую деятельность против ВКП(б)».

Давид Гофштейн

Давид Гофштейн, поэт, за свое литературное творчество награжденный орденом «Знак Почета», член ВКП(б) с 1940 года. До войны в СССР было издано девять сборников его стихов. В Киевском театральном институте он преподавал режиссуру на еврейском отделении, отлично знал идиш и иврит. Во время следствия ему в вину, кроме активной деятельности в ЕАК, поставили эмиграцию в Германию в 1922 году и

пребывание в Палестине в 1925-1926 годах. А находясь

в эвакуации в Уфе, он якобы через Михозлса и Фефера передавал для американских шпионов сведения о положении эвакуированного еврейского населения. Все это потянуло на обвинение в шпионаже.

Борис Шимелиович, главный врач Центральной больницы имени Боткина, член ВКП(б) с 1920 года. Во время голода на Украине занимался распределением помощи голодающим от американской благотворительной организации «Джойнт», за что был награжден Михаилом Калининым Почетной грамотой. На следствии связь с «Джойнтом» станет одним из пунктов обвинений в его адрес. Но главное обвинение ему было предъявлено как активному члену президиума Еврейского антифашистского комитета за «вражеский план образования в Крыму Еврейской республики, который был продиктован американцами».

Борис Шимелиович

Он был единственным из арестованных, кто не признал свою вину даже под пытками. Но это не уберегло его от расстрельного приговора.

Илья Ватенберг, старший контрольный редактор Государственного издательства художественной литературы на иностранных языках, будучи членом ЕАК, якобы занимался шпионажем и националистической деятельностью. Из приговора: «Передавал за рубеж шпионские материалы об экономике и политическом положении Биробиджана и деятельности националистического подполья в СССР».

Леон Тальми, редактор-переводчик Совинформбюро, «проводил шпионскую работу против СССР в пользу США,

Леон Тальми

являясь участником националистического еврейского подполья» — это выдержка из приговора. В вину ему поставили участие в создании в США, где он проживал несколько лет, общества еврейского землеустройства в России — ИКОР, посчитав это проявлением национализма.

Эмилия Теумин, редактор международного отдела Совинформбюро, была обвинена в просматривании и корректировке посылаемых в Америку, Англию и другие страны статей с извращенной информацией о положении евреев в СССР. Выдержка из приговора: «Занималась шпионской деятельностью и была активной еврейской националисткой».

Соломон Брегман, член партии большевиков с 1912 года, заместитель министра Госконтроля СССР, член президиума Еврейского антифашистского комитета. В приговоре было сказано: «Вместе с Лозовским и другими националистами проводил подрывную деятельность против ВКП(б) и Советского правительства». Соломон Брегман скончался, не дожив до исполнения расстрельного приговора.

Чайка Ватенберг-Островская, будучи переводчиком Еврейского антифашистского комитета, якобы установила шпионскую связь с двумя американскими разведчиками, сообщала им клеветнические сведения о евреях, проживающих в Биробиджане и в Средней Азии, переводила на английский язык шпионские материалы.

Лина Штерн, директор НИИ Академии наук СССР, доктор медицинских наук с мировой известностью, была обвинена в том, что, являясь членом ЕАК, выступала на его заседаниях

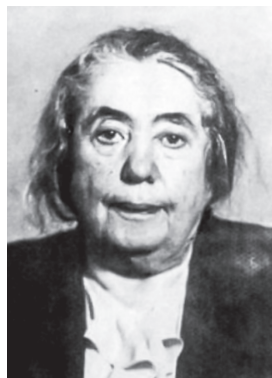
с антисоветскими речами. Расстрельный приговор ей заменили на более мягкий, учтя, видимо, возраст подсудимой и ее здоровье.

Следствие по делу Еврейского антифашистского комитета шло больше трех лет и составило более сорока томов компромата на его деятельность.

В вину обвиняемым ставили их непролетарское происхождение, писателей, поэтов, театралов обвиняли в том, что их произведения и спектакли воспевают еврейские местечковые традиции и быт, возбуждая у читателей и зрителей националистические чувства. В общем, национализм стал одним из главных обвинений в адрес ЕАК и его членов.

На допросе Ицику Феферу задали вопрос об отношении ЕАК к Биробиджану. «Мы решили усилить помощь Биробиджану. Через газету «Эйникайт» и Бюро объединения еврейских писателей мы начали вести широкую агитационную работу по привлечению евреев в Биробиджан. Вынесли решение о посылке на Украину группы писателей для вербовки евреев, желающих выехать на жительство в ЕАО. ЕАК устроил ряд встреч партийных и советских работников Биробиджана с еврейским населением Москвы и других городов. Усилили поток информации о Биробиджане в США. Уже после смерти Михоэлса была издана брошюра о Биробиджане, которая была отправлена в Америку», – был ответ обвиняемого.

И поток информации, и брошюра о Биробиджане, отправленная за океан, стали фактами шпионажа и разглашения государственной тайны.

Лина Штерн

3 апреля 1952 года обвинительное заключение по делу Еврейского антифашистского комитета было направлено Сталину с такой преамбулой:

«Представляем Вам копию обвинительного заключения по делу еврейских национал-американских шпионов Лозовского, Фефера и других. Докладываем, что следственное дело направлено на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР с предложением осудить Лозовского, Фефера и всех их сообщников, за исключением Штерн, к расстрелу».

Предложение было удовлетворено — 12 августа 1952 года тринадцать обвиняемых по делу ЕАК, за исключением Лины Штерн, были расстреляны в подвалах Лубянки по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Через три года дело ЕАК было пересмотрено.

«В 1955 году в ходе проверки установлено, что переданные в Америку данные секретными не являются и сведений, составляющих государственную тайну, не составляют... Обвинение о письме националистического содержания, направленном на имя Сталина, о создании на территории Крыма Еврейской Советской Социалистической республики, нельзя рассматривать как уголовное деяние... Данных, которые предъявлялись членам ЕАК в таких преступлениях, как измена Родине, шпионаж и другие контрреволюционные действия, не было...

Таким образом, в настоящее время установлено, что проходившие по этому делу лица были осуждены необоснованно. В связи с этим 22 ноября 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР по заключению прокуратуры приговор в отношении Лозовского, Фефера и других по вновь открывшимся обстоятельствам отменила и дело в уголовном порядке прекратила за отсутствием состава преступления».

Приговор отменили, расстрелянных посмертно реабилитировали, следователей, работавших по этому делу, осудили за фальсификацию следственных материалов. Но еще долго, несколько десятилетий, о деле Еврейского антифашистского комитета продолжали хранить молчание. Уж слишком позорной была эта часть нашей отечественной истории. Стыдно должно быть и за то, что первый памятный знак расстрелянным установили не у нас в стране, а в столице Израиля Иерусалиме.

В вышедшей недавно книге «Биробиджанское дело» Исроэла Эмиота автор вспоминает, как после освобождения из лагеря в середине пятидесятых, оказавшись проездом в Москве, он хотел увидеть своих старых друзей. «Но куда пойти? Кого я могу сейчас увидеть? Пойти на улицу Горького, где плачут от одиночества стены в квартире Переца Маркиша? Свернуть в Лаврушинский переулок, где оконные рамы огромного красного дома №17 наглухо заколочены после гибели Бергельсона? На Маросейке мне уже не будет улыбаться, идя навстречу, Лейб Квитко. Его улыбку смыла кровь в подвалах Лубянки».

Поэт Вольф Галкин, чей отец Самуил Галкин тоже был обвиняемым по делу ЕАК, посвятил памяти расстрелянных стихотворение «Мученикам», которое заканчивается так:

*...И чтоб имена их
не канули в Лету,
Овеяны славой,
омытые кровью,
Мы помнить должны
о распятых поэтах,
И вечная память им
будет надгробьем.*

Да будет так!

Как трагедия ЕАК задела нашу область

Руководителей ЕАО, еврейских писателей и журналистов обвинили в тесном сотрудничестве с Еврейским антифашистским комитетом, разглашении государственных тайн и создании в области националистической организации.

Когда началось следствие по делу ЕАК, в Еврейскую автономию зачастили комиссии с проверками из Хабаровска и Москвы. Итогами проверок стали докладные записки, содержание которых с каждым разом становилось все тревожнее.

В феврале 1948 года прозвенел один такой тревожный звонок — с проверкой в Хабаровский край прибыла комиссия ЦК ВКП(б). Побывала она и в ЕАО. Итогом проверки стала докладная записка «О реальных ошибках, просчетах и злоупотреблениях первого секретаря обкома партии ЕАО Александра Наумовича Бахмутского», в которой сильно досталось и другим руководителям области.

Александр Бахмутский был вызван в Москву и от этого вызова не ждал ничего хорошего. Но в тот раз сама судьба смиростивилась к нему — выдав первому секретарю ЕАО по первое число за отсутствие политического чутья, руководство

ЦК отправило его учиться на годичный курс Высшей партийной школы, чтобы повысил и образовательный уровень, и политическое чутье.

Вернувшись через год на прежнюю должность в Биробиджан, он попал в самый разгар начавшейся борьбы с «еврейским буржуазным национализмом». Многие переселенцы от греха подальше стали спешно покидать область.

В конце февраля 1949 года на объединенном пленуме обкома и горкома партии было принято решение о ротации партийных кадров. И не только.

Участникам пленума был представлен новый начальник областного управления МГБ М.А. Николенко. Его единодушно избрали членом бюро, не представляя, к каким горьким последствиям приведет это новое назначение ставленника Лаврентия Берии. Задача у него была твердая и четкая — с корнем вырвать на территории ЕАО «еврейский национализм».

2 марта 1949 года в Биробиджан прибывает большая комиссия из Хабаровска. Проехав по всем районам области, больше всего недостатков члены комиссии обнаружили в Биробиджанском районе. Самым большим недостатком посчитали большое число еврейских руководителей в районе, хотя и общее еврейское население там было намного больше, чем в других районах.

Но в справке-отчете сообщалось, что в Биробиджанском районе назревает ни больше и не меньше «сионистский заговор».

В вину Бахмутскому и бюро обкома партии вменили отсутствие активной борьбы с проявлениями буржуазного национализма, связь с американским обществом «Амбиджан», которое за три послевоенных года оказало области поддержку на 6 миллионов рублей.

Бер Слуцкий

Исроэл Эмиот

Файвиш Аронес

В начале июня того же года солидная комиссия из Москвы, направленная в ЕАО самим Сталиным, подтвердила наличие в области националистической организации. И закрутилось «Биробиджанское дело» №68.

Первыми жертвами этого дела стали видные деятели культуры ЕАО.

4 июля 1949 года арестован писатель, поэт, редактор (к тому моменту, конечно, бывший) «Биробиджанер штерн» Бузи Миллер.

4 июля 1949 года арестован писатель, переводчик «Биробиджанер штерн» Гершл Рабинков.

5 июля 1949 года арестована поэтесса Люба Вассерман.

29 августа 1949 года арестован прозаик, публицист, филолог, переводчик, заведующий отделом еврейской культуры в областном краеведческом музее Бер Слуцкий.

31 августа 1949 года арестован поэт, журналист «Биробиджанер штерн», автор газеты «Эйникайт» (печатный орган ЕАК) Исроэл Эмиот.

5 октября 1949 года арестован актер БирГОСЕТА Файвиш Аронес.

Все они были осуждены в 1950 г. и получили по 10 лет ИТЛ. Бер Слуцкий умер в тюрьме в 1955-м. Следует

напомнить, что весной 1949 года был ликвидирован литературный альманах «Биробиджан», в сентябре 1949 года была закрыта последняя еврейская школа в Биробиджане, в декабре 1949 года — БирГОСЕТ. Был закрыт отдел еврейской культуры в музее, а все редкие экспонаты, которые собрал Бер Слуцкий, уничтожены. Как и уничтожались в областной библиотеке им. Шолом-Алейхема книги неудобных властям еврейских авторов.

«Два сценария были написаны под одну диктовку. Если Еврейский антифашистский комитет был обвинен «в намерениях» отделить Крым от Советского Союза сразу же после создания в Крыму Еврейской республики, то в ЕАО «задумали» создать Еврейскую республику также для того, чтобы, отделившись от СССР, войти в состав Японии», — пишет в своей книге «Биробиджан: мечты и трагедии» Давид Вайсерман.

25 июля 1949 года вышло подписанное самим Сталиным постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках первого секретаря обкома ВКП(б) ЕАО Хабаровского края Бахмутского А.Н. и председателя облисполкома Левитина М.Е.», в котором в адрес руководителей области выдвигались серьезные политические обвинения. Александра Бахмутского вновь, но уже более сурово, подвергли критике за контакты с Еврейским антифашистским комитетом и «Амбиджаном» и обвинили в том, что в своих речах и статьях он «делал политические ошибки, требуя, чтобы Еврейская область строилась только руками евреев, примиренчески относился к фактам проявления буржуазного национализма, в результате чего в областной газете «Биробиджанер штерн», литературно-художественном альманахе «Биробиджан», областном радиокомитете орудовала группа националистов, проповедующая в области сионистско-националистические взгляды».

Ул. Ленина. БирГОСЕТ, 1935 г.
Из фондов областного краеведческого музея

Заканчивалось постановление ошеломляющей резолюцией: «Освободить т. Бахмутского А.Н. от обязанностей первого секретаря обкома ВКП(б) ЕАО и освободить Левитина М.Е. от обязанностей председателя исполкома ЕАО. Объявить строгий выговор тт. Бахмутскому А.Н. и Левитину М.Е. за недостойное поведение в отношениях с Американско-Биробиджанским комитетом в США». В завершение стояла подпись И. Сталина.

18 июля собирается внеочередной пленум обкома партии, где обсуждался только один вопрос — об ошибках товарищей Бахмутского и Левитина. Читая стенограмму пленума, трудно было поверить в правдивость многих предъявляемых обвинений — настолько они абсурдны. Приведу только некоторые из них.

«Бахмутский не только примиренчески относился к проявлениям буржуазного национализма, но и способствовал распространению националистических взглядов. В 1946 году по его инициативе бюро обкома приняло постановление об агитации и пропаганде на еврейском языке, где предлагалось организовать чтение на еврейском языке научно-популярных лекций в колхозах, на предприятиях, в учреждениях и школах, проводить на еврейском языке литературные вечера».

«Обком и облисполком встали на путь искусственного насаждения еврейских школ и еврейских классов в русских школах. Учебников и книг для чтения на еврейском языке не хватает и приходится пользоваться учебниками старых изданий, содержащими произведения писателей — врагов народа».

«Обком и облисполком устраивает пышные встречи националистам, приезжающим в Биробиджан из Москвы. В честь приезда матерого националиста Нистера на вокзале был

устроен митинг, а потом товарищ Бахмутский никого к себе не принимал, занятый беседами с ним».

«С разрешения обкома националисты встречаются с интеллигенцией Биробиджана, публикуют свои националистические произведения в газетах и альманахах. Особенно покровительствует Бахмутский буржуазному националисту, врагу народа Миллеру».

«Обком допустил грубые политические ошибки, когда в пропагандистской работе совершенно не разоблачал сущности империалистической политики США».

«Товарищ Бахмутский имел тесную связь с бывшим Еврейским антифашистским комитетом, получал от него письма, советы по телефону, а когда ездил в Москву, неоднократно бывал в комитете».

«Рабски заискивал перед Амбиджаном, ползал на коленях, выпрашивая подачки. Кто дал право брать эти подачки и за это раскрывать Америке наши недостатки? Разве мы не можем без Америки справиться с нашими недостатками?»

А это обвинение звучало как приговор:

«Распространение в области проявлений буржуазного национализма объясняется не только отдельными ошибками Бахмутского, а наличием у него определенной системы взглядов националистического характера».

Пленум дружно одобрил постановление ЦК ВКП(б) о снятии Бахмутского и Левитина со своих руководящих постов. Было принято решение осудить допущенные ими ошибки на ближайшей партийной конференции.

И такая конференция собралась в разгар уборочных работ на полях — 25 июля. Кроме обсуждения подписанного Сталиным постановления ЦК в повестку включили задачи областной партийной организации. С главным докладом выступил первый секретарь Хабаровского крайкома партии

А.П. Ефимов. В докладе прозвучали конкретные фамилии «националистов» области, досталось по первое число и бывшим руководителям, и представителям еврейской интеллигенции. Все они через недолгое время станут следующими обвиняемыми по «биробиджанскому делу».

Напомнил докладчик и о связи Александра Бахмутского с Еврейским антифашистским комитетом: «Без разрешения ЦК ВКП(б) Бахмутский в 1946 и 1947 годах выступает как член президиума бывшего Еврейского антифашистского комитета на встречах с еврейской общественностью города Москвы, в своих выступлениях рассказывая о строительстве области, сосредоточивает внимание на путях развития еврейской государственности от национального района до союзной республики, говорит о больших возможностях области принять и обустроить десятки тысяч еврейских переселенцев. Хотя на самом деле никаких таких возможностей не было. В статье в газете «Эйникайт» Бахмутский утверждает, что «вековые чаяния и желания лучших сынов и дочерей еврейского народа осуществляются лишь тогда, когда будет создана еврейская государственность. ЕАО должна быть построена и развита прежде всего руками евреев Советского Союза».

В этой цитате я не узрела ничего крамольного, а последняя фраза звучит очень даже патриотично.

Вполне патриотичной была идея Бахмутского об открытии в области еврейского университета и расширении сети еврейских школ, создании музея еврейской культуры, но и это звучало из уст докладчика как обвинение.

Итогом доклада-приговора стали аресты всех, кого докладчик упомянул как буржуазных националистов.

Судилище над Бахмутским и другими его «подельниками» состоялось 20 февраля 1952 года. На вопрос о связях

август 1955 г.

Дорогим и
любимым
Жене и мамочке
на память.

Помните и ждите,
только огонь ждите и
Я обязательно вернусь!!!

Бкел 2468/250.99 Ваня Галица

лагерь Шкит

Фото из семейного архива Бахмутских

с Еврейским антифашистским комитетом Александр Бахмутский ответил, что членом ЕАК он был с 1944 года, несколько раз присутствовал на заседаниях комитета.

«В 1946 году меня попросили сделать сообщение о Биробиджане для газеты «Эйникайт». Когда я пришел в редакцию, меня встретила группа лиц, в числе которых были Михоэлс и Фефер. Михоэлс сказал мне, что собрался расширенный пленум ЕАК, и они просят сделать расширенный доклад о ЕАО. Доклад я сделал с той целью, чтобы доказать членам ЕАК жизнеспособность области, хотел воздействовать на противников ЕАО, показав ее успехи, достигнутые благодаря заботе большевистской партии и Советского государства».

И Бахмутскому, и другим осужденным вместе с ним грозила расстрельная статья, но ее заменили на 25 лет лишения свободы. Через три года за подписью прокурора СССР Р.А. Руденко, который выступал обвинителем фашистских преступников на Нюрнбергском процессе, в адрес ЦК КПСС будет направлено письмо следующего содержания:

«Прокуратурой произведена проверка дела бывших руководителей ЕАО, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР в феврале 1952 года за антисоветскую, националистическую и шпионскую деятельность, – бывшего первого секретаря обкома КПСС Бахмутского Александра Наумовича, 1911 года рождения, бывших председателей облисполкома Зильберштейна Михаила Нафтуловича, 1914 года рождения, и Левитина Михаила Евелевича, 1913 года рождения, и бывшего секретаря обкома партии Брохина Зиновия Самуиловича, 1910 года рождения, к 25 годам лишения свободы и других, всего восемь человек.

Проверкой установлено, что арест и осуждение указанных лиц произведены необоснованно и дело в отношении их сфальсифицировано Абакумовым и Гоглидзе. Бахмутский,

Зильберштейн, Левитин, Брохин и другие по их указанию были арестованы по обвинению в проведении антисоветской националистической деятельности, за связь с американским обществом «Амбиджан», передачу через Еврейский антифашистский комитет в США и разные страны сведений, составляющих государственную тайну СССР.

Эти обвинения опровергаются данными, добытыми в ходе проверки дела.

Полагаю необходимостью опротестовать приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Бахмутского и других на предмет прекращения дела за отсутствием состава преступления».

Хаим Мальтинский

28 декабря 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор. Кроме бывших руководителей области, в этом списке находились секретарь облизполкома Абрам Рутенберг, редактор альманаха «Биробиджан» Хаим Мальтинский, редактор «БШ» Нохем Фридман и ответственный редактор «Биробиджанской звезды» Михаил Фрадкин.

В феврале 1956 года все они были восстановлены в партии, с них были сняты партийные взыскания. А вот восстановиться на своих прежних рабочих местах смогли только журналисты.

Бузи Миллер, Гершл Рабинков, Люба Вассерман, Бер Слуцкий, Исроэл Эмиот, Файвиш Аронес были реабилитированы 14 сентября 1956 года президиумом областного суда ЕАО – за отсутствием состава преступления.

Еврейский антифашистский комитет – цена Победы

(к 70-летию казни его членов)

12 августа 1952 года – день казни членов Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Это день памяти и скорби по невинным жертвам. В 1948-1952 годах в связи с т.н. делом ЕАК, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности евреи – партийные и советские работники, ученые, писатели, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий. Всего сто десять человек. Впоследствии все они были реабилитированы.

В начале войны многие еврейские литераторы ушли на фронт, немало из них погибли в первые дни в боях на подступах к Москве. Среди них поэт Самуил Росин, прозаик

Самуил Росин

Меир Винер

Арон Гурштейн

Самуил Годинер, литературоведы Арон Гурштейн и Меер Винер.

Некоторые еврейские литераторы прошли в рядах Красной Армии до победного конца.

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема имеется сборник стихов «Ди лирэ» («Ли́ра»), выпущенный в 1985 году к сорокалетию победы над фашизмом, в него вошли стихи двадцати трех еврейских поэтов, не вернувшихся с фронта. Они написаны на «маме-лошн» – родном языке их авторов – на идише.

Авторы этой книги навсегда остались на фронтах Великой Отечественной войны. В сборнике «Ли́ра» наряду со своими старшими товарищами Я. Зельдиным, Б. Олевским, С. Росиным, М. Хашеватским, плодотворно работавшими в литературе еще в двадцатые годы, представлены М. Гарцман, С. Гельмонд, Ш. Гольденберг, Г. Диамант, Г. Дубинский, Х. Душацкий, Б. Коробейник, Ш. Лопатин, Р. Рейзин, Л. Талалай, Г. Шведик, которые набравшие силу с начала тридцатых годов, и совсем юные тогда Ш. Айзнварг, З. Барсук, А. Бородянский, А. Гофштейн,

Г. Койфман, Ш. Лельчук, В. Редько,
П. Штейнберг.

Эта книга одновременно и высокая трибуна, с которой сегодня, как живые с живыми, говорят павшие, и венок на их могилы.

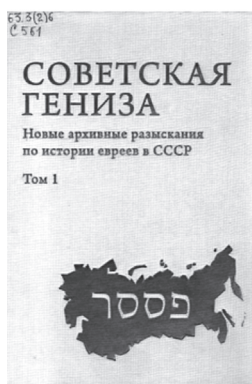
7 июня 1942 года печатным органом Еврейского антифашистского комитета стала газета на идише «Эйникайт» («Единение»). Первые месяцы она выходила раз в десять дней, затем стала еженедельной, а с 22 февраля 1945 года выпускалась уже три раза в неделю. Издание заменило собой всю советскую периодику на идише, включая прежде всего газеты, печатавшиеся перед войной в Киеве, Минске, Вильнюсе, Белостоке, Риге и Львове.

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема сохранилась подшивка этой газеты за второе полугодие 1947 года. Издание в какой то мере отражает еврейскую жизнь Советских республик послевоенного времени. На её страницах публикации Соломона Михоэлса, Переца Маркиша, Льва Квитко, Давида Бергельсона и многих других членов ЕАК.

Недавно в фонды Биробиджанской областной универсальной научной

**Обложка
сборника стихов
на идише
«Ди лирэ»
(«Ли́ра»)**

**Обложка книги
«Советская
гениза»**

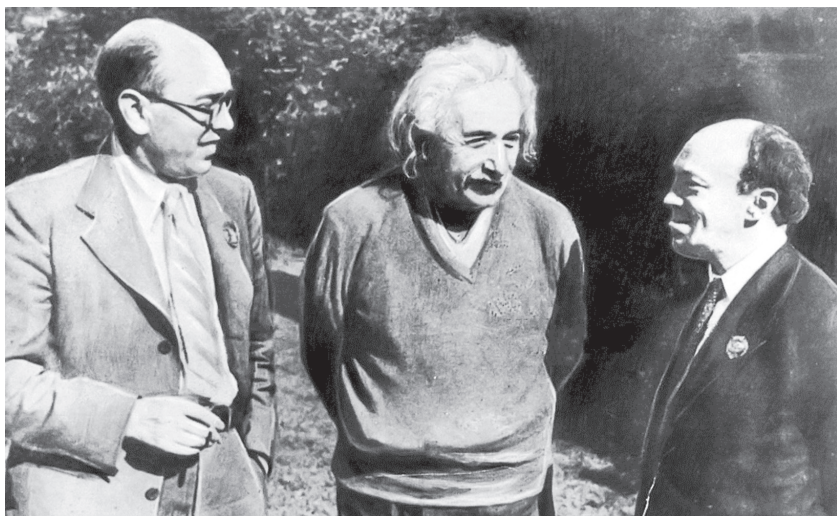
библиотеки им. Шолом-Алейхема поступила книга «Советская гениза». Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1.» Её подарил областной библиотеке руководитель общественной организации «Наследие ЕАО» Валерий Соломонович Гуревич. В главе под названием «Смертельно опасное единение», написанной Г. Эстрахом, помещен «Бюллетень о деятельности Еврейского антифашистского комитета в СССР (август 1941 – август 1945 года)». В этой главе приводятся и некоторые результаты работы ЕАК в военные годы. Особенно впечатляют итоги поездки Михоэlsa и Фефера во второй половине 1943 года в США, Англию, Канаду и Мексику. Их выступления на митингах, пресс-конференциях, встречах с видными политическими деятелями, учеными, писателями, деятелями искусства привлекли к антифашистскому движению ряд крупнейших общественных организаций, которые раньше не проявляли активности в этом направлении, в т.ч. «Джойнт» и «Агроджойнт», Всемирный еврейский конгресс. В фонд помощи СССР еврейское население США внесло 20 млн долларов, «Еврейский комитет помощи Советскому Союзу» собрал около 3 млн долларов. Только в 1944 году полмиллиона долларов внес «Джойнт». Еврейская община Великобритании внесла около 10 млн долларов. Миллионы долларов и другая материальная помощь поступили из Канады, Австралии, Палестины, Мексики, Аргентины, Уругвая, Кубы, Колумбии. Для победы над врагом Советский Союз получил около 35 миллионов долларов. Благодаря своей активной деятельности, Еврейский антифашистский комитет приобрел большое влияние в мире.

Но, согласно логике сталинского режима, ЕАК превысил свои полномочия, стал слишком заметен в стране и мире. Осенью 1948 года началось разрушение всей инфраструктуры еврейской культурной жизни: закрылись ЕАК и его

печатный орган, издательство «Дер эмес», театры и музеи, другие еврейские учреждения и организации. Только газета «Биробиджанер штерн» продолжала свою работу в удаленной от Москвы дальневосточной автономии. Но судьба ее журналистов, как известно, была не менее печальной.

МГБ разработал сценарий «еврейского заговора». Его суть состояла в том, что ЕАК занимается антисоветской деятельностью и шпионажем. Его руководители были арестованы и в августе 1952 года казнены. В подобных небылицах в январе 1953 г. и Соломон Михоэлс тоже превратился во врага и являлся связующим звеном между западными разведками и «кремлевскими» врачами, якобы готовившими убийство советских государственных и партийных деятелей.

В истории Биробиджана остались имена тех, кто пострадал в годы репрессий. Поэты Ицик Фефер и Перец Маркиш посетили Биробиджан в первые годы его становления и оставили цикл замечательных стихотворений, посвященных нашему городу. Прозаик Дер Нистер (Пинхас Каганович) по поручению ЕАКа в 1947 году сопровождал в Биробиджан переселенцев с Украины, главным образом из Винницы и окрестностей. Дер Нистер написал об этой поездке серию статей. Все они были опубликованы в «Эйникайт». Его обращение к родителям направлять своих детей в еврейские школы послужило поводом для обвинения писателя в национализме. Дер Нистер был арестован и умер в 1950 г. в лагере, в тюремной больнице. Иосиф Рабин был первым руководителем писательской организации в Биробиджане, внес свой вклад в становление молодых литераторов Еврейской автономной области. Бузи Миллер был первым председателем отделения Союза писателей СССР в Биробиджане, всю свою жизнь он посвятил литературе и журналистике ЕАО. Нельзя обойти вниманием и творческую деятельность поэтессы,

**Ицик Фефер, Альберт Эйнштейн и Соломон Михоэлс.
США, 1943 г.**

сотрудника областного радио Любы Вассерман, писателя и педагога Григория Рабинкова, прозаиков Нотэ Лурье, Израиля Эмиота, поэта Иосифа Керлера и многих других.

Казнь членов ЕАК, массовые репрессии конца 1930-х гг. и 1947-1953 гг. нанесли невосполнимый удар по еврейской национальной культуре в стране, в том числе и в Еврейской автономной области.

Сегодня, в семидесятую годовщину казни деятелей еврейской культуры, газета «Биробиджанер штерн» и общественная организация «Наследие Еврейской автономной области» выступают с инициативой создания в Биробиджане мемориала Памяти Еврейского антифашистского комитета и всех тех, кто пострадал за связь с этой организацией.

«К золотокованым подножиям Хингана...»

К тому времени, когда Перец Давидович Маркиш посетил Биробиджан, его яркая творческая личность — поэта, писателя и драматурга — была уже широко известна во всём мире: в Польше, Франции, Великобритании, Германии, Палестине и Испании.

Маркиш побывал в Биробиджане в 1934-м, когда нашей территории присваивался статус Еврейской автономной области. А в декабре этого же года от имени всей еврейской интеллигенции он выступил на Первом съезде Советов, на котором были избраны руководящие органы ЕАО и утвержден план хозяйственного и культурного строительства этого нового государственного образования.

В своей речи на съезде Маркиш подчеркнул, что решение Президиума ВЦИК от 7 мая 1934 года вызвало большой энтузиазм среди всех слоев еврейского населения, в том числе еврейских писателей, считающих почетным долгом содействовать переселению трудящихся на Дальний Восток. Каждое его слово звучало горячо, весомо, зримо. Как писал литературный критик Григорий Ременик, в словах Маркиша «все значительно и о значительном».

После поездки в Биробиджан Маркиш написал поэму «Эс гейт, тайга, цу дир ицт юнг верн а фолк» («Тайга, идет к тебе народ омолодиться»). Это – мощная ода дальневосточным просторам, природным богатствам этого края и строящемуся Биро-Биджану. Американский композитор Яков Шейфер написал на слова этого произведения ораторию «Биробиджан» (см. «БШ» № 33 от 19.08.2020). На русский язык поэму перевел поэт Давид Бродский под заголовком «Дальневосточное»:

*Расперты мощью берега Амура,
И он продвигается упорней
День ото дня
К золотокованым подножиям Хингана.*

И «звездные циферблаты» над Биробиджаном, «и тишина – прозрачная такая, что слышно за версту хрустение сучков», «и горы-великаны», и «густейший мед – в набухших грудях», и жилы, переполненные «звончайшим золотом», и родник, который «чудесное дарует исцеленье», навсегда остались в его строках, как и он сам – в воспоминаниях биробиджанцев. Поэт вел обширную переписку с Борисом Миллером. В одном из его писем к Миллеру он писал: «Большое сердечное спасибо за то, что Вы организовали постановку моей

пьесы «Семья Овадис» в еврейском театре вашего города, с которым я тесно был связан в тридцатые годы».

В 1968 году, спустя многие годы, уже после гибели Маркиша, был издан его роман «Поступь поколений». Один экземпляр этого произведения жена писателя – Эстер прислала Борису Миллеру с дарственной надписью: «Бузи Миллеру – дорогому другу, талантливому писателю нашей большой литературы, которую с таким достоинством и мощью представлял незабвенный Перец Маркиш, именем которого я с болью и гордостью подписываю эту книгу. Эстер Маркиш. 8 мая 1968».

Давно уже нет в живых тех, кто встречался с Перцем Маркишем в Биробиджане, но на книжных страницах сохранилась добрая память о нем. Обратимся к строкам воспоминаний старейшего журналиста и переводчика, бывшего сотрудника газеты «Биробиджанер штерн» Шнеера Коники: «Перец Маркиш был умным, обаятельным и общительным человеком. Я по несколько раз смотрел его спектакли: «Семья Овадис», «Восстание в гетто», которые успешно шли на сцене еврейского театра нашего города».

Имя Маркиша – Перец уходит корнями в Танах и в переводе с иврита означает «идти напролом, прорываться». Это имя давали еврейским детям в Испании, откуда и эмигрировали предки Маркиша в Украину, на Волынь, в село Полонное.

Перец Маркиш родился в 1895 году в бедной семье. С трех лет он учился в хедере, как обладатель тонкого музыкального слуха и звонкого голоса до тринадцати лет он был певчим у кантора. В доме родителей на внутренней стороне корешка еврейской Библии вносились записи: кто в семье от кого родился, кто умер, кто на ком женился (кто развелся – такого не бывало). Пометки представляли собой копию

генеалогического дерева. Легенда семьи начиналась с того, что их предок по фамилии Маркиш, по имени Лоренцо был адмиралом португальского флота. Адмирал Маркиш фиктивно принял католичество, тайно оставаясь приверженцем иудаизма. Имя адмирала сохранилось в памяти португальцев. Эта история вливалась медом в уши нищей семьи. Известно, что фамилия Маркиш не встречается среди обитателей черты оседлости. Окончание –иш – португальское. Этот факт подтверждает правдивость семейной истории. В пятнадцатилетнем возрасте Перец покинул родительский дом и жил то в Бердичеве, то в Одессе, то в Бессарабии. Работал банковским служащим, домашним учителем.

После призыва на военную службу Перец Маркиш оказался участником Первой мировой войны. В 1916 году он, рядовой царской армии, получил серьезную контузию. Февральскую революцию встретил в госпитале. Революционные события вдохновили молодого романтика. Он начал писать стихи на идише. После демобилизации начинающий поэт приезжает к родителям, которые к тому времени перебрались в Екатеринославль (ныне город Днепр на Украине). Там в газете «Дер кемпфер» («Боец») и было напечатано его первое стихотворение. А поэма «Волынь», опубликованная в 1918 году, принесла автору большую известность. Через год в Киеве вышел первый сборник его стихотворений «Швелн» («Пороги»). В 1921 году Перец Маркиш переехал в Варшаву, где выпустил несколько поэтических сборников, содержанием которых были не только скорбь и отчаяние в связи с погромами на Украине, но и размышления о возможности еврея влиться в новый, советский уклад жизни:

На постоялом дворе

*За субботним столом, словно царь, восседает хозяин
И двенадцать сынов, как двенадцать библейских колен.*

*Я как раб ханаанский, пахал и снимал урожаи,
Как еврей и отец, делал все, что нам Бог повелел.
Вот такой, какой есть, все на свете я делать умею:
И доить, и ковать, и уладить базарный скандал.*

*Я трудился и ездил; я видел, поверьте еврею,
И Париж, и Нью-Йорк, и в Одессе я тоже бывал.
В хрен макает он белую халу, сопит и чихает,
И, размазавши слезы, которых не может унять,
Говорит: “Хрен в субботу — ведь это же радость какая,
Все равно, что страничку Талмуда прочесть и понять.
А мои сыновья? Я всегда их воспитывал честно
И прошу я вас, пан, объясните, пожалуйста, мне:
Я приучен к любому труду, так найдется ли место
Для, такого, как я, в вашей новой, Советской стране?*

Варшава, 1923
Перевод Р. Сефа

Наряду со стихотворениями он публикует статьи и рецензии в еврейских периодических изданиях, в том числе в московском журнале «Штром» («Поток»).

В Варшаве Маркиш вместе с Ури Цви Гринбергом и Мейлехом Равичем становится лидером группы еврейских писателей «Халястрэ» («ватага», «банда»). Во многом благодаря деятельности этой группы столица Польши превратилась в центр модернистской литературы на идише.

Сын Переца Маркиша — Давид, тоже известный писатель, вспоминает, что художник Марк Шагал в 1923 году рисовал портрет его отца. Шагал оформлял альманах «Альбатрос», который выпускала «Халястрэ», тоже писал на идише и публиковался на страницах этого альманаха. Дочь Шагала подарила портрет Переца Маркиша, выполненный рукою ее отца, Израилю. Портреты Маркиша в разные годы писали и другие художники. Привлеченный идеей идишского возрождения, поддерживаемого государством, в 1926 году поэт возвратился в Советский Союз. И, как пишет историк Геннадий Костырченко: «Мышеловка захлопнулась. Маркиш, как и любой живший в ту пору в СССР, вынужден отныне прославлять Сталина, идеи марксизма-ленинизма. Вот одна из цитат Маркиша: «Мудростью и спокойствием дышало каждое слово товарища Сталина. Мы заново испытали покоряющую силу его мысли. Мы заново увидели, как она ставила судьбу на служение народу, как она руководила фронтами на необозримых просторах земли».

В 1939 году Маркиша наградили Орденом Ленина. Он был единственным писателем на идише, удостоившимся этой высокой государственной награды.

Через два месяца после нападения фашистской Германии на Советский Союз в Москве был созван митинг представителей еврейского народа, на котором выступили с речами ведущие деятели еврейской культуры, в том числе и Перец Маркиш. Он зачитал «Обращение Еврейского антифашистского комитета» и призвал «братьев-евреев во всем мире» прийти на помощь Советскому Союзу.

В 1943 году Маркиш написал стихотворение «Еврейскому воину»:

Пере́ц Маркиш и Ури Цви Гринберг. Варшава, 1922 г.

*За плач одесской земли
и вой окровавленного лукьяновского
кладбища
по общине, ритуально убитой,
Ты, еврейский солдат,
не расстанешься со своим оружием,
как твои деды
отказались расстаться
со своими святыми книгами.*

Несомненно, эти строки поднимали солдата-еврея в бой, вдохновляли в борьбе с фашизмом.

После окончания Великой Отечественной войны надуманные обвинения, одно за другим, стали звучать в адрес деятелей Еврейского антифашистского комитета.

В 1946 году Маркиш написал стихотворение, наполненное глубоким философским смыслом, в котором звучат слова о чести и о потомках, которые могут помянуть и грубым словом тех, кто, как пчела, носил мед в их соты и, как соловей, пел песни «не только о печали»...

Выбор

*Достоинство пчелы — не жало и не яд,
И соловей поет не только о печали.
И на восход нам путь открыт, и на закат,
И в будущие дни, и в те, что прошлым стали.
Мы, горечи хлебнув, поверим в жизнь опять
И выберем рассвет, встающий над вершиной.
В грядущем сын и дочь сумеют сочетать
Усердие пчелы и посвист соловьиный.
Так снова — в добрый путь, да поведет нас честь,*

**Перец Маркиш. Выступление на митинге представителей
еврейского народа в Москве, 1941 г.**

*Да не помянут нас потомки грубым словом!
Пчела не для того летит, чтоб яд принести,
Но чтобы в улей свой вернуться с медом новым.*

1946

Перевод Л. Озерова

В 1948 г. МГБ сфабриковало дело об «американо-сионистском шпионском центре в Советском Союзе, созданном под прикрытием ЕАК». Комитет был разгромлен, арестованы более 100 ученых, писателей, журналистов, артистов, государственных деятелей, партийных и хозяйственных работников, которых обвиняли в «преступных» связях с Еврейским антифашистским комитетом.

12 августа 1952 года Перец Маркиш в числе других еврейских писателей, членов ЕАК, был расстрелян. После смерти Сталина в 1955 году П.Д. Маркиш был реабилитирован советским правительством.

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема хранятся произведения Переца Маркиша на идише и русском языках, исследовательские и научно-популярные статьи о нем и его творчестве, которые, несомненно, будут интересны читателям.

Александр ЛОКШИН

Выдающийся мастер сцены Вениамин Зускин

Среди казненных по приговору Верховной коллегии Верховного суда СССР 12 августа 1952 г. деятелей Еврейского антифашистского комитета был и Вениамин Львович Зускин – выдающийся мастер сцены, народный артист РСФСР и Узбекской ССР. После трагической гибели С. Михоэlsa в январе 1948 г. он был назначен художественным руководителем Государственного еврейского театра (ГОСЕТ).

В ГОСЕТе одной из самых известных его ролей стал образ Шута в спектакле «Король Лир» Шекспира. Премьера спектакля состоялась в 1935 г. Лира играл Михоэлс, а Зускин, с которым к тому времени они уже составляли неразделимый и прославленный дуэт, – Шута. Известный армянский актер Ваграм Папазян сказал:

«Я не хочу и не могу сравнивать с кем-либо на свете ни Лира – Михоэлса, ни Шута – Зускина. Были, вероятно, не худшие и будут, наверное, лучшие исполнители этих ролей, но таких, как они, не было и не будет! Безгранично талантливый ... Зускин был так же велик в роли Шута, как был велик Михоэлс в роли Лира». Как сам Зускин воспринимал своего Шута? В одном из интервью он заметил: «Некоторые видные исследователи театра считают, что мое вспрыгивание на королевский трон содержит намек: власть Лира кончилась, уже не король, а шут на троне... В этом есть доля истины...» Известно и другое признание актера: «В «Лире» у меня все время такое ощущение, точно я играю на острие ножа». Как спустя много лет писала в своих воспоминаниях дочь Зускина Алла: «Он, сам того не ведая (или ведая?), шел прямо в пропасть, поглотившую его, Михоэлса, театр».

Киногероем, сделавшим Зускина знаменитым по всей стране, стал Пиня из вышедшего в том же 1935 г. на экраны фильма «Искатели счастья». В титрах фильма значилось: Белгоскино; 1935 г. постановка В. Корш–Саблина; сценарий П. Зельцера и Г. Коробца; музыка И. Дунаевского; консультант – С. Михоэлс; в роли Пини – В. Зускин.

Создание еврейской автономии на Дальнем Востоке сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Фильм «Искатели счастья» получил широкое признание зрителя. На экране в самом начале фильма в сопровождении протяжной песни мелькают дальневосточные просторы, затем появляется широкая река, по которой плывет пароход. На палубе сидит, пригорюнившись, немолодой еврей в потрепанной одежде и черном сдвинутом на лоб котелке. Он бормочет и напевает: «Едем-едем, не доедем, а может быть, и доедем». Это и есть Пиня, сыгранный Зускиным. Рядом с ним на экране человек в кепке и с газетой в руках. Пиня:

«Скажите, пожалуйста, сколько, приблизительно, может стоять такой пароход?» Человек в кепке: «Вы что, хотите купить?» Пиня: «Нет, так просто... интересно». Контраст между сутью того вопроса и всем обликом и манерами этого человека столь разителен, что зрители фильма покатывались со смеха. Этот киноэпизод в фильме, как и другие, еще долго преследовал Зускина. Когда театр вскоре после выхода «Искателей счастья» был на гастролях в Одессе, изо дня в день ранним утром артиста будили местные сорванцы. Милиционеру, пытавшемуся их отогнать, мальчишки с невинным видом возражали: «Мы просто хотим что-то спросить!» Не выспавшийся после вчерашнего спектакля актер выходил на балкон гостиничного номера: «Товарищ Зускин, сколько, приблизительно конечно, может стоять такой пароход?», – кричали сорванцы и с хохотом разбегались.

В фильме по-своему гармонично соединились шолом-алейхемовский смех сквозь слезы и советская мифология. Из-за границы в Советский Союз, в «свой» национальный очаг приезжают евреи, среди них и семья старой Двойры. Муж одной из ее дочерей – Пиня Копман мечтает разбогатеть и, в отличие от других переселенцев, не находит своего места в колхозе. Узнав, что в этих местах добывается золото, он втайне от всех пытается его найти. Намыв в реке золотого песка, Пиня намеревается перейти государственную границу и стать владельцем фабрики со своим фирменным знаком «Пиня Копман – король подтяжек». Но удрать за границу Пине не удастся. Он пойман отважными чекистами. Да и золото оказывается простым песком. Фильм завершается свадьбой другой дочери Двойры – Розы и местного русского рыбака Корнея. На веселой и многолюдной свадьбе Двойра произносит тост за советскую родину и новую счастливую жизнь. А в памяти зрителей остается образ уморительного

Пини – Зускина в нелепом котелке и жилетке. В фильме звучала ставшая популярной песенка: «Пиня ехал, Пиня шел, Пиня золото нашел». Запомнился фильм и благодаря музыке Дунаевского. Одну из песен «На рыбалке у реки» композитор создал в «соавторстве» с Зускиным, напевшим ему по памяти мелодию шлягера из Палестины. Он напел популярную в киббуцах песню «А ну-ка, встанем!». Её автор – композитор Шмуэль Постольский из киббуца Эй-н-Харод, куда в начале 1920-х гг. приехала небольшая группа евреев из Советской России и откуда некоторые из них позже вернулись. Видимо, от кого-то из них Зускин и услышал эту мелодию. В Израиле ее можно услышать и сегодня – на свадьбах, праздниках, везде, где веселятся.

Однако, спустя несколько лет было решено фильм «Искатели счастья» в прокат больше не допускать с лукавым объяснением: звучащий с экрана местечковый акцент у некоторых несознательных зрителей вызывает антисемитские чувства. Восстановленный вариант этой картины был выпущен на экраны только в 1987 г.

После убийства Михоэлса Зускин принял на себя, может быть, самую трудную в его жизни роль, став художественным руководителем обреченного на гибель ГОСЕТа. И почти год руководил театром. Своей болью, сомнениями и колебаниями он ни с кем не делился. Зускин не хотел, чтобы отчаивались артисты театра. Он не мог спать по ночам. Его лечили от нервного расстройства и бессонницы. В одной из клиник Института Вишневского при Академии медицинских наук его ввели в искусственный сон. Зускин надеялся, что врачи вернут его к жизни и на сцену. Глубокой ночью с 23 на 24 декабря 1948 г. в клинику пришли люди в погонах и приказали дежурному врачу немедленно выдать Зускина. Ночные визитеры вошли в палату, подняли его, погруженного

в глубокий сон, с больничной постели, завернули в простынь, вынесли из больницы, засунули в машину и доставили на Лубянку. Он очнулся в тюремной камере. «Что за свинные рыла склонились над ним? Какой Гойя сумеет изобразить сладостные его сновидения и жуткую явь пробуждения? Какой Кафка опишет ужасы его смятенного, всколыхнувшегося ума? – вопрошал писатель и историк Ф. Кандель.

Зускин был арестован в числе первых, в один день с И. Фефером. Он пережил тридцать один многочасовой изнурительный допрос. Во время допросов Зускин на закрытом судебном процессе заявил, что он не признает себя виновным ни в националистической, ни в шпионской деятельности. По окончании следствия в марте 1952 г. было утверждено обвинительное заключение. В нем актер обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст.58–1 «а» (измена родине), 58–10 ч. II (антисоветская агитация и пропаганда с использованием националистических предрассудков масс) и 58–11 (враждебная советской власти организация или группировка). В обвинительном заключении читаем: «Материалами следствия установлено, что главари ... Лозовский, Фефер и их сообщники ... Зускин... превратили Еврейский антифашистский комитет в шпионский и националистический центр, враждебный идее дружбы народов и коренным интересам трудящихся евреев СССР...». Зускин обвинялся и в том, что проводил враждебную деятельность против ВКП (б) и советского правительства. На суде Зускин выступил с заявлением и сказал: «Я жизнью не дорожу, единственное, чего я хочу, чтобы вы убедились в том, что я в своей работе в театре и в Комитете не проводил никакой вражеской работы...».

В приговоре, вынесенном на закрытом судебном заседании от 18 июля 1952 г., читаем: «подсудимый Зускин, будучи

членом ЕАК и одновременно ведущим актером Московского еврейского театра... вместе с Михозлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевалась еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждал у зрителей-евреев националистические чувства... На основании вышеизложенного Военная коллегия признала виновными... Зускина Вениамина Львовича приговорила подвергнуть высшей мере наказания. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Зускин родился в 1899 г. Он был почти ровесником XX века. Тот «век-волкодав» подкрался к нему, когда «календарный» едва перевалил за середину.

*И кукушка словно дар
Обещает долголетье –
Ты еще совсем не стар,
Будешь долго жить на свете!*

Давид Гофштейн

Ицик Фефер – судьба яркая и трагическая...

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема хранится ценная коллекция книг выдающегося еврейского поэта Ицика Фефера. Книги написаны на идише и переведены на русский язык. Представляю их в хронологической последовательности. Передо мной «Смерть Эли» – одна из первых его книг. Она издана в 1928 году в Харькове на языке идиш. Другая книга – «Соревнование», 1930 года издания. «Плакаты на броне» – стихи, опубликованные в 1931 году. Название этой книги говорит само за себя. Перед читателями блестяще написанные стихотворения–призывы, агитационные стихи за советскую власть. Первые книги

Фефера утвердили за ним репутацию поэта-трибуна. В 1939 году на идише опубликован роман в стихах «Большие границы», в 1946 году – сборник стихотворений «Свет и отражение», в 1948 году вышла последняя прижизненная книга Фефера – стихотворный сборник «Возрождение». В годы Великой Отечественной войны получила известность его поэма «Тени Варшавского гетто», широкий отклик в еврейском мире вызвало стихотворение «Я – еврей», написанное в 1944 году.

В 1917 году Фефер вступил в Бунд, сотрудничал с еврейскими общественными организациями. А с 1919 года он член РКП(б). Фефер пошел добровольцем в Красную Армию и сражался с войсками Добровольческой армии Деникина. После захвата Киева работал в большевистском подполье, был арестован и едва избежал гибели. До конца своих дней Фефер оставался преданным коммунистом.

Фефера по праву называют выдающимся еврейским поэтом. Высокий художественный уровень его стихов отнюдь не исключает доступности и простоты поэтического слога. Литературный критик Григорий Ременик в книге «Очерки и портреты. Статьи о еврейских писателях» отмечал: «Литературная программа Фефера сводится к одному определению: простые слова. Об этом он сам возвестил ещё в начале своего литературного пути:

*Я люблю, когда слова босые,
Я люблю, когда стихи просты.*

В этом состояло эстетическое кредо поэта, которое он пропагандировал на всём протяжении своего творчества. Слово «просто» проходит у Фефера через всю его поэзию: «Ну кто виноват, что простой наборщик стал неплохим еврейским

поэтом», «Все поют мой простой напев». Но что означала программа «простых слов»? Прежде всего – народность.

Критик Мойше Литваков первый заметил и подчеркнул эту черту поэзии Фефера, заявившую о себе еще в начале литературного пути поэта, сравнив его с Шолом-Алейхемом, подлинно народным писателем: «Следует, однако, заметить, что некоторые критики нередко пытались отождествлять лозунг поэта о простоте с примитивизмом и упрощением. Нет нужды сейчас полемизировать с ними. История литературы уже давно опровергла эти взгляды, признав Фефера одним из выдающихся создателей еврейской советской поэзии».

Высокий художественный уровень поэзии Ицика Фефера подтверждает и тот факт, что его стихи переводили на русский язык такие знаковые российские поэты XX века, как Евгений Евтушенко, Арсений Тарковский, Александр Ревич, Павел Антокольский, Самуил Маршак, Ольга Ивинская и многие другие.

Давид Бергельсон

Ицик начал писать очень рано. Его первый сборник стихов «Шпенер» («Щепки») был издан в 1922 году. Рекомендацию в литературу, т.е. вступительное слово к этому сборнику, написал писатель Давид Бергельсон. Позже они с Бергельсоном стали литературными соперниками. Литературные пристрастия и ориентиры разделили еврейских писателей. Были те, кто выбрал лидером Фефера, и те, кто пошёл за Бергельсоном. Рядом с Фефером были Перец Маркиш, Давид Гофштейн

и другие видные представители еврейской литературы конца двадцатых годов прошлого века.

В 1926 году Фефер перебрался в Москву, начал активно сотрудничать с московскими еврейскими издательствами на идише и вскоре получил большую популярность и признание. Он вел активную работу в секции еврейских московских писателей, а когда в 1934 году был организован Союз писателей СССР, стал одним из самых деятельных его членов.

В 1936 году Фефер побывал Биробиджане, создал сборник стихов «На Дальнем Востоке», в журнале «Форпост» и альманахе «Биробиджан» опубликованы его поэма «Граница» и другие поэтические произведения. «Лондокский ландыш», «Бираканский мрамор», «К Тихому океану», «На Бире», «Тайга ждёт» написаны о людях и природе Дальнего Востока, Биробиджана. В стихотворении «Тайга ждёт» встречаем такие строки:

*Мы будим сонную тайгу:
–Вставай, тайга... Эге-ей!
И нам ее ответный гул
Все ближе, все слышней.
Чей шаг? В сибирские леса
Вступила чья нога?
То мы, то наши голоса!
То мы, то мы, Тайга!*

Стихи полны восторга от красоты дальневосточной природы, от богатства недр нашей земли, в них надежда на будущую достойную жизнь евреев, которые приехали эти реки, леса и недра осваивать.

Большую известность приобрело стихотворение «Свадьба», написанное в 1937 году. Приведу отрывок из него:

*Громче трубы, громче, флейта и баян!
Заиграйте туш на весь Биробиджан!
Барабан, гуди! Наигрывай, дуда!
Пусть запомнят гости свадьбу навсегда!
Пусть чрез много лет, с детьми усевшись в круг,
Вдруг шепнет старушке на ухо супруг:
Удалась нам свадьба, друг мой дорогой,
Мир не видел свадьбы радостней такой!*

Вдохновлённый этим стихотворением, Марк Шагал в 1944 году создал литографию «Свадьба в Биробиджане». Эта работа принимала участие во многих выставках художника, в том числе и в Америке.

Все тридцатые годы Фефер являлся одним из активнейших провозвестников нового строя и нового быта. Его творчеству были присущи лиричность и эпичность. Лирика проявлялась в его поэмах, а эпический подход в коротких лирических стихотворениях.

С началом Великой Отечественной войны Фефер – член Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Вместе с другими деятелями еврейской культуры, литераторами и учеными, начиная со знаменитого радиомитинга 24 августа 1941 года, он принимал участие в пропагандистской кампании. Ее цель – привлечение к борьбе с фашистской Германией евреев из различных стран. Фефера назначали заместителем секретаря ЕАКа. В 1945 году после смерти секретаря ЕАКа Шахно Эпштейна Фефер занял этот пост. Вместе с Соломоном Михозлсом Фефер летом 1943 года совершил насыщенную поездку в Америку, Канаду, Мексику и Англию, которая включала множество митингов, выступлений и встреч с различными кругами западной заокеанской и европейской общественности. Выступая на митинге

Марк Шагал. Свадьба в Биробиджане.
Литография. 1944 г.

в Нью-Йорке перед многотысячной аудиторией американских евреев, Фефер рассказал о фашистском геноциде. Эффект от той зарубежной миссии был колоссальным. 35 миллионов долларов по курсу сороковых годов прошлого века было собрано для Советского Союза, для Победы.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны комитет работал чрезвычайно эффективно. К этой работе было привлечено огромное количество людей. Но после окончания войны сталинская политика резко изменилась. Наряду с бытовой юдофобией усиливаются и антиеврейские настроения в верхах. С того времени все более явственно обозначились курс на форсированную ассимиляцию еврейского населения, политика государственного антисемитизма. В январе 1948 г. по личному указанию Сталина был убит Михоэлс, в ноябре того же года распущен ЕАК. Члены ЕАКа и его президиума были арестованы и подвергнуты тяжелейшим и мучительнейшим моральным и физическим пыткам. В их числе оказался и Фефер. Его и двенадцать других деятелей ЕАКа расстреляли 12 августа 1952 года.

Фефер был реабилитирован в 1955 году, а публичная реабилитация объявлена только в 1989. Такова судьба замечательного поэта, талантливого, активного общественного деятеля, преданного идеям социализма и коммунизма.

В литературе остались строки из его стихотворения «Я – еврей», полные драматизма, искренности и надежды:

*Грядет Победа, с нами сила.
Настанет время светлых дней,
И я на вражеской могиле
Воскликну гордо: «Я – еврей!
Я сын России, я – еврей!*

В 1957 году вышла в свет первая посмертно изданная книга стихов Фефера «Избранное» в переводе на русский язык. Автор вступительной статьи Павел Антокольский отмечал: «Ицик Фефер связан с еврейским народом. Он был полон ... нежности к той среде, из которой вышел: к маленьким украинским городам, к еврейской бедноте, населявшей их...»

Ценители еврейской литературы помнят имя Ицика Фефера. Его имя увековечено и проектом «Последний адрес» – гражданской инициативой, направленной на сохранение в нашей стране памяти о людях, ставших жертвами политических репрессий в годы советской власти. На стене дома, в котором жил репрессированный, устанавливается размером в ладонь памятная табличка. Принцип проекта – «Одно имя, одна жизнь, один знак». В феврале 2019 года в Москве на строении 1 дома 17 по Смоленскому бульвару была прикреплена памятная доска. На ней высечены следующие слова: «Здесь жил Исаак Соломонович Фефер, литератор. Родился в 1900 году. Арестован 24.12.1948. Расстрелян 12.08.1952. Реабилитирован в 1955». В открытии памятной доски участвовали Михаил Шейнкер – российский литературовед, педагог, литературный критик, исследователь проекта «Последний адрес», Юрий Каннер – президент Российского еврейского конгресса и другие. Все выступившие на церемонии говорили о яркой и трагической судьбе Ицика Фефера, о значимости литературной и общественно-политической деятельности поэта.

Итог жизни...

*(учитель и писатель
Григорий Рабинков)*

Две профессии – педагога и литератора – каким-то необъяснимым образом гармонично соединились в этом человеке. Хотя следует заметить, что многие известные писатели когда-то сидели за учительским столом, проверяли тетрадки или ходили по классу, увлечённо рассказывая своим ученикам о том, что знают, ценят и что порой самим им довелось пережить. Дети же в свою очередь чувствуют искренность

учителя и, если тот не жалеет для них ни сил, ни времени, стремится их понять и, если надо, помочь, всегда платят любовью и доверием.

Григорий Борисович Рабинков (Гессель Беркович) был любимым учителем сначала в биробиджанской еврейской, а потом и в средней школе № 2, где преподавал еврейский

язык и литературу. Благодаря творческой атмосфере в классе, которую создавал учитель, многие писали отличные сочинения и стихи. Тогда выпускные классы представляли собой группу молодых людей, обладающих блестящими талантами. Среди них был и Арон Вергелис, ставший впоследствии известным советским еврейским писателем, создателем и главным редактором журнала «Советиш Геймланд», сыгравшим значительную роль в развитии еврейской литературы в СССР. Именно в школьные годы из-под пера Арона вышло его первое стихотворение, которое открыло юноше дорогу в московский вуз.

Казалось бы, откуда у Гесселя возникла тяга к преподаванию? Отец был типографским рабочим, мать – белошвейкой. Но его геном содержал биологическую память хасидской патриархальной семьи деда, из которой вышли люди разных профессий, в том числе гордость и герой семейных преданий дядя Боня (Залман Борух Рабинков), ставший видным еврейским религиозным философом и профессором теологии Гейдельбергского университета в Германии. Гессель рано лишился отца, а мать с двумя детьми бедствовала и выжиwała, как могла.

В 13 лет подросток покинул дом и отправился в Москву. Какое-то время он беспризорничал, пока не нашёл дядю на Пятницкой, он и приютил мальчугана, выделив ему угол. Благодарное сердце мальчишки не забывало дядину заботу, и когда Гессель вырос, назвал в честь него своего сына Ароном.

В двадцатые годы Москва восстанавливалась после военных и революционных потрясений. В столице развернулось строительство, и Гессель решил пойти в каменщики. Удачно выбранная профессия ему сразу же пригодилась.

21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Ко дню

Гессель с матерью и сестрой Малкой

похорон соратники Ильича решили возвести особое погребальное сооружение для своего вождя по образцу пышной гробницы карийского царя Мавсола. От его имени и произошло название места захоронения Ленина. Так возник первый деревянный мавзолей в Советском Союзе, а весной к нему с двух сторон были пристроены трибуны. Гессель Рабинков участвовал в строительстве этого значимого объекта, потом работал и при возведении некоторых кремлёвских построек, в частности училища имени ВЦИК, чем всегда гордился.

Жизнь показывала ему необходимость образования, и все способствовало тому, чтобы пытливый юноша учился. Еще в 1919 году в стране вышло постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов», сокращенно – рабфаков. Эти автономные учебно-вспомогательные учреждения были специальными курсами для подготовки в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу.

Гессель окончил рабфак и поступил на заочное еврейское отделение Московского государственного педагогического института. Литературная жизнь столицы кипела. В 1934 году в Москве состоялся первый съезд писателей, перед которым стояла задача объединить литературные силы страны в писательскую организацию. Атмосфера съезда напоминала большой праздник, играли оркестры, москвичи с приветственными транспарантами стояли у входа в Колонный зал Дома Союзов, а на стенах зала были развешены портреты великих писателей мира. С трибуны звучали голоса первых писателей советского «Олимпа»: Максима Горького, Александра Фадеева и ставших уже популярными Самуила Маршак, Бориса Пастернака, Исаака Бабеля, Виктора Шкловского и других. Там, в Москве, стали проявляться литературные способности и Рабинкова, он писал рассказы, сценарии. В его студенческом окружении было немало

Гессель и Дора Рабинковы в г. Ессентуки

ярких, талантливых ребят, впоследствии ставших цветом советской еврейской интеллигенции. Более близкими его друзьями стала супружеская пара Зяма Телесин и Рахиль Баумволь. В 1933 году женился и Гессель на своей московской соседке, тоже студентке МГПИ Доре Гельфанд. Тогда же Гессель познакомился с Соломоном Михоэлсом, который очень тепло относился к молодому сценаристу и поощрял его драматургические опыты.

В 1935 году успешного выпускника МГПИ направили в строящийся Биробиджан. Новый город засиял с Дальнего Востока яркой звездой, немало евреев из разных уголков мира обратили на него свои взоры.

Первым назначением Рабинкова в Биробиджане стала должность секретаря горсовета. Главной задачей молодого чиновника были организация документации и правового обеспечения деятельности городского совета. Но творческого человека манила другая стезя, и он пошёл работать в школу. Каждый урок наполнял его радостью и неожиданными открытиями. Общение с плеядой молодых интеллектуалов обогащало и учителя. А в 1937 году неожиданно начались репрессии. Трудно было поверить в абсурдность предъявляемых обвинений, но большинство его наиболее талантливых выпускников оказалось в ГУЛАГе.

В это неясное, зыбкое время Рабинков начал работать литературным сотрудником в газете «Биробиджанер штерн». Перед молодой Еврейской автономией в те дни ставились задачи не только по национальному строительству, земельному устройству трудящихся евреев, созданию промышленной и сельскохозяйственной базы, но и по созданию в Биробиджане советского еврейского культурного центра.

Руководство ЕАО взялось за целенаправленную работу по созданию литературы, «национальной по форме

и социалистической по содержанию». Сюда были привлечены известные мастера слова, в то же время здесь растили местные творческие кадры. 14 декабря 1935 года вышло постановление бюро обкома «О работе с молодыми писателями Биробиджана», в котором рекомендовалось газете «Биробиджанер штерн» увеличить выпуск литературной странички до четырех раз в месяц. Гессель Рабинков много публиковался на страницах газеты, а также в новом журнале «Форпост», пока единственном в Биробиджане, который печатался еще в московском издательстве «Дер Эмес», потому что газетная ротация не способна была печатать книгу, но на его обложке местом издания был указан Биробиджан.

В скором времени Гессель Рабинков стал членом редакционного совета этого журнала и продолжил в нем свои публикации. В № 1-2 (1939) вышел его рассказ «Руви Бурлес», по мотивам которого позднее Биробиджанский ГОСЕТ поставит пьесу.

В молодой еврейской области не менее активно, чем литературная, развивалась и театральная жизнь. Художественный руководитель Биробиджанского государственного театра Е. Гельфанд и режиссер этого театра Я. Розенфельд заметили опубликованную в журнале «Форпост» историю Руви Бурлеса. По их просьбе Рабинков на основе этого рассказа написал сценарий. Так на подмостках ГОСЕТа предстал перед зрителями ее главный герой – еврейский музыкант, сын улицы, человек из народа, который мечтает о жизни свободного артиста, но в местечке его удерживает нежная и трогательная любовь к артистке крепостного театра белорусской девушке Тоне. Руви хочет выкупить ее у «процентщика», владельца крепостного театра и главы еврейской общины Тевеле, но тот ведет ожесточенную борьбу

с ним. Драма заканчивается публичным столкновением Руви и Тевеле. Бурлес обличает перед народом хищного богача. Идейное содержание пьесы соответствовало требованиям времени и основная тема спектакля – народ рождает героев – имела большой успех у широкой публики.

Материалы четвертого номера «Форпоста» были посвящены 60-летию И. Сталина и третьим выборам в местные советы. Вместе с материалами М. Гельмонда, М. Хашчеватского, М. Джамбула, С. Стальского и П. Тычины к юбилею вождя был опубликован и рассказ Г. Рабинкова «Баська». Этим произведением журнал творчески откликнулся на выборы в Советы. Временем расцвета деятельности Рабинкова стал 1939 год. К пятилетней годовщине области Григорий Борисович был награжден орденом «Знак Почета».

Поступили предложения вернуться в Москву. Но его не отпустили – такие сильные кадры были нужны и в Биробиджане. В 1940 году «Форпост» опубликовал его произведение «Не акклиматизировался».

С началом Великой Отечественной войны всех литераторов прикрепили к Дальневосточной Армии на случай внезапного нападения Японии. Рабинкову выдали бронь, а все его близкие друзья-писатели, еще не обученные и едва вооруженные, погибли осенью сорок первого в ополчении под Москвой. Если бы он переехал в Москву, как планировал, это, очевидно, было бы и его участием. С начала войны газета «Биробиджанер штерн» стала частью «Биробиджанской звезды» и штерновцы, в том числе и Рабинков, публиковались на страницах «Биробиджанской звезды». В октябре 1941 года в связи с проблемами финансирования «Форпост» закрылся. В эти годы Григорий Борисович сотрудничал с областным радио, одновременно написал пьесу «В горах Крыма». Действие драмы разворачивается на крымской

земле, где еще в тридцатые годы на свободных землях были созданы крупные еврейские поселения. А когда фашисты оккупировали полуостров, люди ушли в горы и создали там партизанский отряд. В одно из колхозных местечек оккупанты привезли бывшего владельца этой земли. Они смеются, узнав, что недалеко в горах действует партизанский отряд из евреев. Фашист и недавний помещик не верят этому. Однако вскоре их мнение меняется. Пьесу отличала колоритность образов, индивидуальность языка героев, умелое использование народного юмора. Биробиджанский ГОСЕТ поставил новую пьесу Рабинкова. Тема об участии евреев в боях за советскую Родину была злободневной и животрепещущей. Перед зрителями предстали герои: романтический добряк Окунь, ранее не способный зарезать и курицу, преобразается в беспощадного мстителя за своих погибших братьев; библейский образ восьмидесятилетнего старца Лурье в предсмертном призыве: «Бейте ненавистного врага! Благословляю вас на победу!» и другие. Все они волновали зрителей, пробуждали волю к победе. Так пьеса тоже воевала... Премьера спектакля «В горах Крыма» состоялась в Биробиджане в июне 1943 года, его посмотрели зрители Хабаровска, Благовещенска, Киева, Алма-Аты, районных центров нашей области: Смидовича, Ленинского, Амурзета и Облучья.

Вместе с тем профессия учителя время от времени напоминала Григорию Борисовичу о себе. Еще до войны, в 1940 году, он разработал программу еврейской литературы в средней школе, а в 1945 в Хабаровском книжном издательстве вышел в свет учебник еврейского языка, который он кропотливо составлял все эти годы.

В послевоенное время руководство страны возвратилось к вопросу о возобновлении выпуска журнала в Еврейской автономной области. Биробиджанская группа писателей в то

время насчитывала семь литераторов, в их числе был и Григорий Рабинков. В 1946 году был издан первый номер одноименного с городом журнала «Биробиджан». На его страницах Рабинков опубликовал свои произведения: «Весенние ветры» и «Авром Гольдфаден».

Казалось бы, война закончилась, все беды позади, но летом 1947 года начался новый виток репрессий. Одного за другим арестовывают партийных и хозяйственных деятелей области, журналистов, поэтов, педагогов, работников театра.

По «биробиджанскому делу» проходил и Рабинков. Его арестовали 4 июля 1949 года «за националистические взгляды, идеи и клеветнические измышления». Почти год он томился в тюрьме до суда. Рабинков был осужден 31 мая 1950 г. Особое совещание при МГБ СССР по статьям 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР приговорило писателя, как и других, проходящих с ним по одному делу, к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Теперь траекторией его движения стали Тайшет, порт Ванино, Джезказган, пересыльные пункты, лагеря, лагеря... В лагере пригодилась его юношеская специальность каменщика, он клал печи, и это помогало выживать. Всесоюзная стройка коммунизма – строительство Омского нефтеперегонного завода – была завершающей «вехой его трудового подвига». Но даже там, в ГУЛАГе, были и свои яркие моменты. Товарищами по несчастью рядом оказались поэты Мотл Грубиан, Марк Разумный. Запомнилось общение с Львом Гумилевым, оперным певцом Николаем Печковским, который трудился в его бригаде, с писателем Леонидом Соловьевым, автором «Ходжи Насреддина», скрипачом Л. Дулькиным.

В 1955 году Рабинков был освобожден из лагеря и вернулся в Биробиджан, а через год реабилитирован облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления.

Теперь Григорий Борисович снова становится преподавателем. Его предметы: история искусств на художественно-графическом отделении педагогического училища, эстетика и немецкий, которым он владел свободно. Его глубокие познания в иудаизме и других мировых религиях, знание иврита давали возможность студентам знакомиться с основами религии через преподавание атеизма.

Одновременно Г. Рабинков продолжил свою деятельность и как литератор, публикуя произведения не только в областной печати, но и в журнале «Советиш Геймланд», кстати, у своего давнего ученика биробиджанской школы Арона Вергелиса – создателя и главного редактора журнала с 1961 по 1991 годы, до самого его закрытия.

В 1977 году в Москве вышла в свет единственная книга Рабиноква «Земляки» – рассказы на русском языке в авторских переводах с еврейского и переводах Л. Ген. В сборнике нашли отражение взаимоотношения детей и взрослых, формирующийся внутренний мир подростков, самоотверженный труд молодых педагогов, работавших в Биробиджане.

В областной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема хранятся два экземпляра этой книги с автографами автора. Одна из них подписана его собрату по перу Борису Миллеру, другая – директору библиотеки: «Уважаемому Борису Давидовичу Бергеру на добрую память от автора. 15.V. 79. Рабинков Г.».

Бывшая студентка Григория Рабиноква, ныне старейший педагог Биробиджана Майя Пивень (обладатель Знака отличия «За заслуги перед ЕАО»), вспоминает день, когда книга «Земляки» пришла в посылках из Москвы в Биробиджан. Студенты отправились за ними на почту, а потом писатель вручил каждому по экземпляру в подарок.

Это был торжественный момент, наполнивший каждого чувством гордости за своего преподавателя.

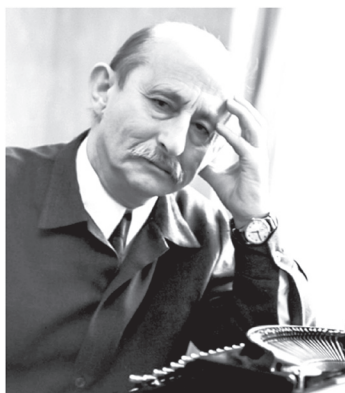
В начале 1981 г. Г. Рабинков тяжело заболел. 12 мая того же года его не стало. Похоронен писатель в Москве.

Через год после его смерти в Хабаровском книжном издательстве вышел первый за послевоенные годы букварь на языке идиш – «Алеф бейс». Он утвержден отделом народного образования Еврейской автономной области в качестве учебного пособия. В последние годы жизни над его созданием Рабинков работал вместе с коллегами: поэтом Хаимом Бейдером, филологом Шименом Сандлером и художником Нохемом Кравецом. Очевидцы признаются, что большую часть этого учебника подготовил именно Гессель Рабинков.

Его жизнь была богата разными событиями, далеко не всегда радостными, как и у большинства еврейских писателей, прошедших сквозь тяготы войны или горнило массовых репрессий.

Гессель Рабинков вырастил и воспитал сына Арона. Он учёный-биолог, известный как в нашей стране, так и за ее пределами. Таков итог жизни на земле Гесселя Рабинкова – интеллектуальный, духовный и физический.

«Кто не струсит меня вспоминать...»

Этой строкой поэт и прозаик Иосиф Рабин закончил одно из своих пронзительных стихотворений, написанных в сибирском лагере. В 1936-1937 годах он жил в Биробиджане, был председателем писательской организации Еврейской автономной области, членом редколлегии литературного журнала «Форпост», работал в редакции газеты «Биробиджанер штерн».

Рабин прошел череду жестоких испытаний в ГУЛАГе и на фронте с 1943-го до победного 1945-го.

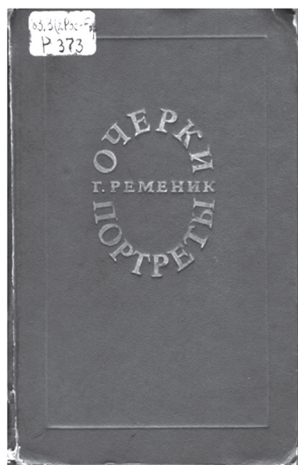
В начале 1960-х Иосиф Рабин стал членом редколлегии журнала «Советиш Геймланд». В 1980 г. в связи с пятидесятилетием творческой деятельности он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В советской еврейской литературе за эти годы писатель создал десятки литературных образов.

Родился Иосиф Рабин в 1900 году в городе Гродно. Детство выпало на годы преддверия Первой мировой войны, отрочество – на саму войну, юность – на смену эпох, революций, Гражданской войны, погромов, насилий.

В книге Ефима Кудиша «Литературное наследие Еврейской автономной области» в очерке «Старейший мастер прозы» можно прочесть подробности детства и юности Иосифа Рабина, всех перипетий его жизни этого периода.

В памяти писателя все же запечатлелось одно яркое событие – приезд Шолом-Алейхема в Гродно в 1914 году. «У открытой двери вагона стоял писатель, ниже, на ступеньках, его жена с букетом цветов. Встреча была очень скромной, но город пестрел афишами о вечере Шолом-Алейхема». Впечатлительный юноша написал заметку в рукописный литературный журнал, который издавался в училище, в котором учился. Он так тонко обрисовал внешний облик любимого классика еврейской литературы, что учитель похвалил его: «Написал, как настоящий журналист». Это был его первый литературный опыт.

В 1915 году семья Рабина переезжает в Вильно. Нищета и военная атмосфера города, в котором большинство жителей составляли поляки и евреи, способствовали тому, что и Иосиф примкнул к рабочему движению и стал его активистом. В 1918-1919 годах его выбирают председателем городского подпольного комитета комсомола. А в начале 1920 годов, работая уже в московской типографии, он начинает публиковать свои первые рассказы и стихи на идише. Вскоре начинающий писатель становится одним из основателей московского журнала «Юнгвалд», секретарем евсекции Московской ассоциации пролетарских писателей, членом редколлегий московских журналов «Мир гейэн» и «Пионер». Одновременно он завершает учебу в Московском педагогическом институте.

**Обложка и фрагмент
очерка из книги
Григория Ременика
«Очерки и портреты.
Статьи о еврейских
писателях»,
1975 г.**

Продолжением общественной и творческой жизни Иосифа Рабина становится его пребывание на биробиджанской земле. Но длилось оно недолго. В 1936 он приехал сюда, а через год в Биробиджане начались репрессии. Арестовали писателя в декабре 1937, обвинив в сотрудничестве с бывшим руководителем области Иосифом Либербергом, которого расстреляли как «врага народа» за связь с троцкистами. Когда же в деле Рабина поменялся следователь, он требовал от писателя признания в шпионаже в пользу Японии. По этой статье Иосиф Рабин был осужден в феврале 1938 года на десять лет лагерей. Эти события отражены в его романе «В том году...», опубликованном после смерти автора на страницах журнала «Советиш Геймланд» в №№ 4 и 5 за 1988 год.

В 1975 году в московском издательстве «Советский писатель» вышла в свет книга Григория Ременика «Очерки и портреты», в ней автор предложил читателям подробное исследование литературного творчества Иосифа Рабина.

Советский и израильский прозаик, участник Великой Отечественной войны, побывавший в плену Миша Лев в очерке «Иосиф Рабин. Архив жизни» так вспоминал своего собрата по перу: «Довольно длительное время мы жили с ним в соседних домах в Москве. Иосиф Рабин всю жизнь помнил сталинские лагеря. Я – гитлеровские». Когда в 1987 году Рабина не стало, его дочь Люба попросила Мишу Лева помочь разобрать архив отца. Среди писем особенно бережно хранилось послание

Миша Лев
(Михаил Аронович Лев)

Гершла Бранда, бывшего председателя Бирофельдского сельсовета. С ним Рабин отбывал срок в Иланском лагере и совсем не надеялся на то, что Бранд выживет. Их общей историей Рабин поделился в свое время с Левом. Однажды Бранд решился на побег – он был смелым и отчаянным человеком. Ведь чтобы совершить побег из лагеря, надо быть либо героем, либо самоубийцей. Его догнали, привезли обратно избитого до неузнаваемости. Еще и тут охранники стали наносить новые побои, человек был скорее мертв, чем жив. Рабин приподнял его голову и зашептал в ухо свои когда-то написанные строчки:

*У меня есть дочка,
Малое дитя.
Я же знаю точно,
Что на всех путях
И на всех дорожках
Ждет меня она:
– Как без папы можно?
Я совсем одна!
Но потом, когда-то
Крикнуть буду рад:
– Это я, твой папа,
Добрый Гершл Бранд!*

Это стихотворение Рабина когда-то было адресовано собственной дочери, но он мгновенно изменил их для Гершла Бранда. Он шептал их раз, другой, третий, пока бедный Бранд не проявил признаков жизни и не коснулся его руки.

Прошло много лет. Выживший в перипетиях лагерной жизни Рабин неожиданно получил письмо от Бранда. Он не верил своим глазам! Гершл писал, что увидел его портрет в журнале и страшно обрадовался тому, что Иосиф тоже жив.

Стихотворение Рабина, посвященное дочери, было опубликовано в № 12 «Иерусалимского альманаха» в 1992 году.

Миша Лев в воспоминаниях о друге не дал литературного анализа художественным произведениям Иосифа Рабина, как, например, Григорий Ременик в книге «Очерки и портреты». Очевидно, он и не ставил подобной задачи, но все же отмечал, что «в очень добротной советской еврейской литературе Иосиф Рабин занимал почетное место. И если бы так не относились к еврейскому языку, Иосиф Рабин был бы писателем не только своего поколения».

Эпиграфом к очерку Миши Лева стали строки Иосифа Рабина, написанные во время отбывания срока в ГУЛАГе:

*Я дух испущу в этом диком
густом сибирском аду,
всеми проклят и сломлен.
Ищу человека, который потом
не струсит меня вспоминать
добрым словом.*

Иосифа Рабина вспоминают. О его жизненном и творческом пути можно прочесть в публикациях Григория Ременика, Михаила Лева, Давида Вассермана, Ефима Кудиша и Ольги Журавлевой.

Рабин писал о евреях на войне, их трудовой послевоенной жизни, когда вместе с другими народами они поднимали из разрухи нашу страну. Его книги на идише и русском языках ждут своих читателей в Биробиджанской областной универсальной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема.

Забытые имена: Илья и Чайка Ватенберги

8 мая – 18 июля 1952 г. состоялся закрытый судебный процесс Военной коллегии Верховного суда СССР (ВК ВС) над большой группой представителей еврейской интеллигенции, в той или иной форме связанных с деятельностью Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В их числе были известные писатели и поэты, деятели культуры, ученые, государственные и общественные деятели. Их судили по обвинению в тяжких преступлениях: измене Родине, шпионаже, подрывной антисоветской деятельности и национализме. И хотя в ходе судебного следствия выдвинутые обвинения доказаны так и не были, тем не менее все представшие перед судом, за исключением академика Л.С. Штерн, приговорены к высшей мере наказания. 12 августа 1952 г. тринадцать человек: С.А. Лозовский, И.С. Фефер, И.С. Юзefович, Б.А. Шимелиович, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, Д.Н. Гофштейн, В.Л. Зускин, Л.Я. Тальми, Э.И. Теумин, И.С. Ватенберг, Ч.С. Ватенберг-Островская – были казнены. Однако в печати не было

и намек ни о самом процессе, ни о судьбе подсудимых. Их имена исчезли со страниц газет и журналов, кинофильмов, литературоведческих, научных, исторических и других сочинений. Как будто этих людей никогда и не было. Секретное решение об их реабилитации высшие партийные инстанции приняли в 1955 г. Проведенное расследование показало, что «дело ЕАК» было грубой фальсификацией следственных органов, а «признательные» показания арестованных получены с помощью пыток и изощренных истязаний. Причем высшее политическое руководство, органы безопасности и прокуратуры располагали неопровержимыми свидетельствами о полной невиновности всех осужденных по этому делу. Тем не менее опубликовать решение о реабилитации жертв процесса ЕАК тогда, в 1955 г., разрешено не было. Открыто и прямо о реабилитации всех проходивших по делу Еврейского антифашистского комитета было сказано в конце 1989 г., спустя почти сорок лет после суда, а стенограмма судебного процесса опубликована через сорок два года.

Два последних имени из того расстрельного списка особенно близки моей семье. Чайка (Хайка) – двоюродная сестра моей тещи. Илья Семенович родился в 1887 г. в г. Станиславе, Австро-Венгрия (ныне Ивано-Франковск, Украина), а Чайка Семеновна – в 1901 г. в местечке Звенигородка (ныне город в Черкасской области, Украина). В разное время они эмигрировали в Америку. Там познакомились и поженились. Несмотря на большую разницу в возрасте, то был прочный союз. Детей у них не было.

Детство и юность

Судьбы Ильи Ватенберга (домашние его звали Эля) и Чайки Ватенберг-Островской заставляют вспомнить судьбу

другой еврейской пары в США – Юлиуса Розенберга и его жены Этель. Они обвинялись в шпионаже в пользу СССР и передаче американских ядерных секретов. 19 июня 1953 г. Юлиус Розенберг и Этель Розенберг были казнены. На Западе тогда имели место массовые протесты против ареста и несправедливого смертного приговора чете Розенбергов. А советские газеты писали не только о протестах, но и выступали против разгула маккартизма и антисемитизма в Соединенных Штатах. Судьбу этих двух супружеских пар – Розенбергов и Ватенбергов сближает не только арест и казнь в годы холодной войны, маккартизма и позднего сталинизма. И те, и другие родились в еврейских семьях и с юных лет интересовались политикой, стали разделять левые и коммунистические взгляды. Но многое в их судьбах позволяет отметить и различие. Почти с самого момента ареста Розенбергов и казни на электрическом стуле и поныне в американском обществе продолжают споры о законности их насильственной смерти. Кем же они были, наши родственники Эли и Чайка? И чем они были опасны для Советского Союза? Какая дорога привела их в расстрельные подвалы лефортовской тюрьмы?

В отличие, скажем, от Михозлса, Маркиша, Зускина, о которых много успели вспомнить, написать и рассказать их вдовы и дети, от Ватенбергов не сохранилось ни писем, ни воспоминаний. Они успели рассказать о себе сами. Их сведения так, как они записаны следователями, представлены в «Стенограмме судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета», изданного в Москве Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий в 1994 г.

Эли, сын Шимена (Илья Семенович) родился (напомню еще раз) в Галиции в 1887 г. в Станиславе, в бедной семье

лесоруба. Его отец хотел дать своим детям (у него была еще сестра) приличное образование. Он трижды направлялся за океан, пока в конце 1921 г. окончательно не поселился вместе с семьей в США. Уехали они уже из Польши, Австро-Венгерская империя в 1918 г. распалась. Эли вырос в многонациональном окружении, это облегчало овладение многими языками. Наряду с родным идишем знал немецкий, некоторые славянские языки, а в США овладел и английским. Вскоре вслед за бар-мицвой, в 13 лет стал зарабатывать на жизнь репетиторством. Учился в Венском и Лембергском (Львовском) университетах. Увлекался левыми и социалистическими идеями. Уже в 1905 г. Ватенберг вступил в ряды партии Поалей Цион, сочетавшей в своей программе идеи марксизма и сионизма. Позже, избранный членом ЦК, он участвовал в 1920 г. в работе V съезда партии. К тому времени его политические убеждения все больше склонялись к коммунистической идеологии. Еще в Европе Ватенберг приступил к переводу с немецкого на идиш книги К. Каутского «Истории социалистических идей». Вскоре после приезда в Нью-Йорке вышел первый том в совместном переводе с Х. Канторовичем.

В Америке

В США Ватенберг восстановил свои связи среди левых поалей-сионистов. А вскоре и сам стал членом ЦК. Он поддержал решения III конгресса Коминтерна, на котором были определены условия вступления в эту организацию других левых партий. Еще формально не являясь членом находившейся на нелегальном положении компартии США Ватенберг выполнял партийные поручения. Он отправился с лекциями и докладами, выступил в немецкоязычных

общинах ряда городов США с анализом положения в Австрии, Германии, Советской России, пропагандировал коммунистические идеи, работал в левой и коммунистической прессе. Одновременно Ватенберг не оставил и свою деятельность среди левых поалей-сионистов, которая сыграла далеко не последнюю роль в том, что в 1924 г. более половины членов Поалей Цион в Нью-Йорке и Чикаго вступили в компартию США. Вероятно, уже к 1922 г. можно отнести начало его сотрудничества с Москвой. Тогда под именем «Михайлов» прибыл в США Исаак Рашкес. В Советской России он возглавлял общественный комитет (на идише – Идгезком), созданный при Народном комиссариате по делам национальностей. Рашкесу поручили оказать содействие в организации американского отделения этого комитета. Основной целью подобной организации в США было привлечь евреев, выходцев из России, оказать помощь их соплеменникам в Советской России, пострадавшим от погромов и насилия во время только что закончившейся Гражданской войны. В Америке в ту пору все, что исходило из большевистской России, вызывало страх перед «красной угрозой» и отторжение. Рашкес был вынужден находиться в США на нелегальном положении. В 1924 г. советские власти решили, что Идгезком свои задачи выполнил. Рашкес вернулся в Москву. Эту же организацию американские коммунисты стали использовать как для расширения своего влияния, так и для организации помощи для приобщения к земледелию евреев в Советском Союзе. Тогда же была создана и новая организация – ИКОР (аббвериатура на идише слов: Идише колонизацие ин ратнфарбанд – Еврейская колонизация в Советском Союзе, есть и другое название того же общества – Идише колонизацие орбайтер). ИКОР созвучно ивритскому слову «крестьянин». Эту прокоммунистическую структуру

**Супруги Ватенберг накануне отъезда
в Советский Союз. США, 1933 г.**

и возглавил Ватенберг. В 1923 г. он поступил на юридический факультет престижного Колумбийского университета, а годом раньше познакомился с Чайкой Островской и женился на ней. Жена Эли была значительно моложе супруга.

Чайка Островская

Чайка Семеновна родилась в 1901 г., как мы уже писали, в местечке Звенигородка, и была седьмым ребенком в семье резника (шойхета) Шимена Островского. Ее отец умер еще до появления ее на свет. Семья страшно бедствовала и накануне Первой мировой войны в 1914 г. смогла уехать в Америку. В пятнадцать лет девушка вынуждена была пойти работать. Зная идиш и русский и выучив английский, Чайка работала на технических должностях в еврейских организациях, в том числе в Еврейском рабочем союзе, занимавшемся вопросами страхования рабочих и культурно-просветительной деятельностью в их среде. Она освоила еврейскую машинопись и перешла работать в Еврейское телеграфное агентство (ЕТА), имевшее обширную корреспондентскую сеть во многих странах, в том числе и в Советском Союзе. Полученную информацию о жизни евреев в различных странах ЕТА рассылало в еврейскую и англоязычную прессу. В 1931 г. И. Сталин ответил на запрос Еврейского телеграфного агентства об отношении к антисемитизму в Советском Союзе: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма... В СССР сторожайше преследуется законом антисемитизм, как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью». Через более чем три десятилетия советские следователи из Министерства

государственной безопасности квалифицировали эту работу Ч.С. Ватенберг как «сионистскую» со всеми вытекающими последствиями. Замужество изменило круг ее общения. Чайка познакомилась с коммунистами, товарищами мужа: журналистом Леоном Тальми, входившим в состав руководства ИКОР; журналистом Пейсахом Новиком – редактором американской ежедневной коммунистической газеты на идише «Морнинг фрайхайд»; журналистом, работающим в США и выполнявшим задания советской разведки, Шахно Эпштейном. Не вступая в компартию, Островская-Ватенберг приняла участие в демонстрациях в защиту Сакко и Ванцетти – рабочих-анархистов итальянского происхождения, казненных в США в 1927 г. по обвинению в преступлениях, которые, как считали многие, они никогда не совершали; в подписных кампаниях коммунистической газеты «Дейли Уокер». В 1926 г. Чайка сопровождала Эли, посланного делегатом от ИКОР на съезд ОЗЕТа – Общества по земельному устройству евреев-трудящихся, в поездке в Москву. После съезда они посетили еврейские сельскохозяйственные колонии в Крыму и на юге Украины.

Ватенберг – юрист

В том же 1926 г. Ватенберг окончил Колумбийский университет и стал обладателем диплома адвоката. В разгар экономического кризиса в США в 1929 г. Ватенберг принял участие в работе Амторга – «Американского торгового общества». Формально Амторг был американским, но его юридическим лицом являлся Государственный банк СССР. Для проведения индустриализации Советский Союз делал крупные закупки технического оборудования в США. Госбанк СССР для обеспечения сделки отправил 5 млн долларов

в золотых слитках. Когда же в один из американских портов пришло советское судно с золотом, разразился скандал. Судебные чиновники под давлением белоэмигрантов, заявлявших, что золото извлечено из подвалов царского банка и не принадлежит режиму большевиков, наложили арест на этот драгоценный груз. Направленный на работу американской компартией в Амторг Ватенберг во всех судебных инстанциях смог доказать, что доставленное золото добыто уже при советской власти, и выиграл это трудное дело. Но нападки на экспортные операции Амторга в США на том не закончились. В прессе сообщалось, что лес, доставляемый из СССР, заготавливается трудом заключенных, а торговля асбестом производится с нарушением законов добросовестной конкуренции. Торговля продукцией, полученной таким способом, была запрещена законами США. Все громче становились требования о наложении запрета на торговлю в Америке лесом из СССР. Однако и здесь Ватенберг продемонстрировал высокий профессионализм и верность идеалам, в которые верил. В американских судах он смог выиграть все дела в пользу Амторга. Уже на суде Ватенберг сказал, что он «на поприще внешней торговли спас сотни тысяч рублей советской валюты».

Под впечатлением от поездки в Советский Союз окрепло желание Ватенбергов, особенно Чайки, вернуться на родину, в СССР.

В 1928 г. для создания национального очага для советских евреев советское правительство приняло решение выделить территорию на Дальнем Востоке в междуречье Биры и Биджана. Американская печать в своем большинстве критически восприняла этот план, указывая, что это край вечной мерзлоты, непригодный для колонизации, в котором евреи окажутся перед лицом противостояния с Японией.

В Советском Союзе

Эли Ватенберг, работая в Амторге, сохранил связи с руководством ИКОР, поддержавшим план создания еврейской территориальной автономии на Дальнем Востоке. Профессор Чарльз Кунц – председатель ИКОРа, в 1928 г. побывав в СССР, по возвращении заявил, что Биробиджан – территория вполне пригодная для активного заселения. Кампания против этого проекта, отметил он, носит характер «инсинуаций». Чтобы получить более полное представление, ИКОР создал группу экспертов, которая под руководством профессора Ф. Гарриса в 1929 г. в течение пяти недель знакомилась с природными условиями Биро-Биробиджанского района. В состав комиссии вошли секретарь Гарриса К.Б. Солс, профессор Кунц, специалист в области механизации сельского хозяйства профессор Д.Б. Дэвидсон. ИКОРовцы Л. Тальми, В. Брауни, Ватенберг также были в составе этой экспедиции. Это было второе посещение Ватенбергом Советского Союза. Благожелательный отзыв комиссии вскоре был опубликован в американской печати. Этот документ сыграл свою роль в распространении сведений о заботе советских властей о нуждах советских евреев. После этой поездки ИКОР увеличил помощь Биробиджану. В США были закуплены 2 экскаватора, 8 тракторов, грузовые автомашины, оборудование для электростанции и деревообрабатывающего предприятия. Через два десятилетия советские органы безопасности расценили этот доклад как шпионский.

Вопрос о переезде Ватенбергов в Советский Союз поднимался в 1931 г., во время третьей поездки Ватенберга в Москву. Ватенберг-Островская показала на следствии: «мой муж был снова командирован в Москву и здесь он имел

беседу о переводе его сюда. Меня это страшно радовало. Беседа эта была в Наркомвнешторге. Когда же в 1933 году он узнал, что его приглашают на работу в СССР с предоставлением квартиры, счастливее меня человека не было на свете». Чайка уговаривала мужа дать согласие и принять приглашение. Эли нехотя согласился. «Он был в партии, – говорила Чайка, – был очень активным, он чувствовал, что делает хорошее дело в Амторге, а я все больше тяготела к Советскому Союзу». 16 апреля 1933 г. супруги Ватенберг покинули США и направились в СССР.

На вопрос председателя Верховной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта А. Чепцова, когда Ватенберг принял советское гражданство, подсудимый ответил: «В 1935 году... У меня паспорт был в другом месте – в ПУРККА (Политуправление Красной Армии – А.Л.), мне давали необходимую сумму долларов для продления паспорта. Обычно я шел в американское посольство и мне продлевали паспорт на определенное время, и только в 1935 году, когда истек срок паспорта, мне сказали, что я могу принять советское гражданство». Естественно, возникает вопрос: почему надо было выдерживать двухлетний срок и какова в том роль Политического управления РККА? На это вопрос можем найти ответ в объяснении Ватенберг-Островской: «Мне кажется, что в 1935 г. нарком обороны счел нужным послать меня в секретную командировку в Америку, это говорит о том, что в то время ко мне было проявлено доверие... Через три месяца я вернулась из этой секретной командировки обратно с выполненным заданием, за что имела благодарность». Впрочем, вряд ли можно принять предположение, которое можно встретить в литературе, что американский паспорт Ватенберга был использован при поездке в США резидента советской разведки. Ватенберг-Островской при

этом отводилась роль надежного сопровождающего. Но личность Ватенберга была достаточно хорошо известна, и человек с паспортом на его имя мог быть сразу же задержан и разоблачен.

Чайка на суде заявила: «В протоколах все выдуманно и извращено. Мне приписывают такие знакомства, о которых я и понятия не имею... В 1947 г. ко мне явился представитель МГБ и изъявил желание иметь список лиц, которых я знала в Америке и которые могли быть использованы органами МГБ, я этот список дала. Это были люди искусства, науки, литературы, коммерции...». На суде этот список фигурировал как еще одно «доказательство» ее «сионистских связей».

Работа в Еврейском антифашистском комитете

Оказавшись в советской столице, Ватенберг полностью отошел от какой-либо политической активности. По неясным причинам не состоялся даже его перевод из компартии США в ВКП(б). Не стал он и собственным корреспондентом в Москве американской коммунистической газеты «Морнинг фрайхайд», о чем его просили при отъезде из Нью-Йорка. Ватенберг работал в качестве юристконсульта Экспортлеса в Наркомате Внешторга СССР, участвовал в составлении торговых договоров. Немало времени он стал уделять научной работе. Совместно с Д. Рамзайцевым и М. Шнейдерманом он автор книги «Внешнеторговый арбитраж», изданной в 1941 г. Чайка Семеновна была переводчицей с английского языка и одно время работала в Доме ученых. Однако у Ильи Семеновича случился инфаркт и по состоянию здоровья он был вынужден уйти с работы в Наркомате Внешторга.

После начала Великой Отечественной войны осенью 1941 г. Ватенберги эвакуировались в г. Куйбышев (ныне

Самара). Здесь они нашли работу, были приняты в аппарат создававшегося Еврейского антифашистского комитета. Илья Семенович стал референтом ответственного секретаря ЕАКа Ш. Эпштейна, а Чайка Семеновна – переводчицей, именно эта работа была лучше всего ей знакома. Имя И. Ватенберга, представленного как «бывший секретарь американского общества содействия колонизации евреев в СССР «ИКОР», наряду со многими деятелями еврейской культуры, писателями и учеными стояло под «Обращением к мировому еврейству», принятом на Втором антифашистском митинге еврейской общественности и появилось в «Правде» 25 мая 1942 г. Но летом того же года Ватенберг вновь заболел. После выздоровления в комитет он уже не вернулся, не стал он работать, несмотря на предложения, и в Экспортлесе. Ватенберг перешел на работу в Совинформбюро – информационно-пропагандистское ведомство при Наркомате иностранных дел, которое было создано уже 24 июня 1941 г.

В органе ЕАКа газете «Эйникайт» Ватенберг опубликовал несколько статей. В одной из них он, возможно, первым среди журналистов ставил вопрос о проведении международного суда над руководителями фашистской Германии.

Арест, следствие и суд

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Ватенберг перешел на работу в Государственное издательство литературы на иностранных языках. Последняя его должность – старший контрольный редактор этого издательства. Некоторое время Ватенберг-Островская оставалась штатной переводчицей ЕАКа, затем она перешла в то же издательство, где работал ее муж.

24 января 1949 г. И.С. Ватенберг и Ч.С. Ватенберг-Островская были арестованы, доставлены во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянку и отданы на расправу следователям Следственного отдела по особо важным делам. Чтобы добиться от Ильи Семеновича и Чайки Семеновны нужных следствию показаний и безоговорочных признаний, применялись пытки бессонницей и карцером. Объясняя судьям, почему она отрицает свои протокольные признания, Чайка заявила: Я ... хочу сказать суду, что мне слишком хорошо была знакома дорога в карцер... все мои показания на предварительном следствии были плодом творчества следователя и не соответствуют действительности».

На допросы по делу Ватенбергов вызывали и мать моей тещи Эстер Баскис – старую религиозную женщину, которой угрожали похоронами не на еврейском кладбище. Не зная о приговоре и о том, что он приведен в исполнение, семья носила в Лефортовскую тюрьму передачи вплоть до сообщения в 1955 г. об их участии.

**И.С.Ватенберг
в тюрьме**

**Чайка
Островская-Ватенберг
в тюрьме**

Символическая братская могила тех мучеников, наряду с другими жертвами политических репрессий, чье место гибели не известно, находится в Москве на кладбище Донского монастыря. 12 августа – в годовщину расстрела 13 выдающихся еврейских общественных деятелей – родственники казненных, деятели культуры, еврейские общины в России, Соединенных Штатах, Израиле, Великобритании и других странах отмечают эту скорбную дату. Она вошла в историю как «ночь убитых поэтов».

Рассказывают, что Чайка Ватенберг в ответ на разговоры родственников о тяжелом положении и многочисленных трудностях говорила, что все изменится, здесь должны жить люди, которые видят на двадцать лет вперед. Ватенберги прожили в Советском Союзе в общей сложности на свободе и в заключении девятнадцать лет. До конца и перед судьями, и палачами эти люди сохраняли человеческое достоинство. В последнем слове И. Ватенберг заявил, что не виновен ни в шпионаже, ни в национализме. Он просил, «чтобы в случае осуждения его жены нам дали возможность отбывать наказание вместе». О том же просила и Ч. Ватенберг.

На доме по улице Большая Почтовая, где они были арестованы и куда им не суждено было вернуться, скромную памятную доску из-за противодействия нынешних обитателей пока установить не удалось.

«Степь зовет» и другие произведения Нотэ Лурье

Нотэ (Натан Михайлович, Менделеевич) Лурье родился в 1906 году в колонии Роскошная Александровского уезда Екатеринославской губернии, которая была основана в середине XIX века и заселена евреями из Витебской губернии. Ко времени появления на свет будущего писателя там проживало около сорока еврейских семей. До основания колонии землю на том самом месте арендовал крестьянин по фамилии Галушка. Он основал там хутор и слыл богатым человеком, отсюда

второе название этого населенного пункта – «Галушка». С тех пор, как Галушка была заселена евреями, она стала называться «Роскошная». Как и полагается, в еврейском месте

прежде всего была синагога, а также и вся другая необходимая «инфраструктура»: баня и лавка, несколько сапожников, кузнецов, торговцев, столяр, печник, портной, мясник, стекольщик, барышник (торговец лошадьми, хлебом и т.д.) и переплетчик. Народу Книги без переплетчика никак нельзя. Хлебный магазин отсутствовал, детей учили мелаamedы, приехавшие из Ковны. Маленький Нотэ, как и большинство других еврейских детей того времени, учился в традиционной еврейской начальной школе – хедере.

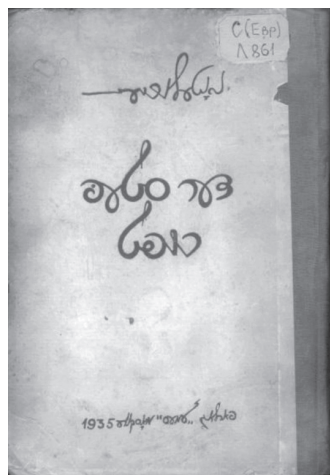
Нотэ Лурье в одной из своих автобиографий писал: «Родился я в очень маленькой и бедной еврейской деревушке. В тридцати километрах от Гуляй-Поле. Отец был раввином. Жили от своего скудного хозяйства. Имели огород, корову, птицу. Земли не имели. Один год учился в школе. Началась махновщина. Целые еврейские деревни были сожжены, население зверски уничтожено. На моих глазах творились ужасы. С 13 лет я вынужден был начать самостоятельную жизнь. Вместе с другими односельчанами я попал в Ростов-на-Дону. Поступил на мыловаренный завод чернорабочим. Работал там до 1921 года. С 1921 по 1922 год работал в Запорожье на маслобойке рабочим. Была засуха. Маслобойка закрылась. Полубеспризорником, странствуя по разным городам, оказался в Минске. Меня определили на сельскохозяйственную ферму «Курасовщина». На ферме была комсомольская ячейка. Проводилась воспитательная работа. В мае 1922 года я вступил в комсомол и стал активным участником комсомольской работы. Выполнял разные комсомольские нагрузки, состоял в ЧОНе, писал в стенную газету. Днем мы – ферменники – работали, вечером – занимались. Осенью 1923 года комсомол направил меня на подготовительный курс в Минский педагогический техникум. В техникуме я принимал еще более активное

участие в комсомольской работе, печатал статьи, очерки в газетах. В 1926 году поступил во Второй Московский государственный университет на еврейское отделение педфака». В то же время Лурье начал писать и публиковаться в московской прессе. Одновременно он сотрудничал с редакциями журналов «Пионер» и «Юнгвалд». Главная тема творчества молодого писателя – жизнь еврейского села. Окончив Второй МГУ в 1931 году и получив диплом преподавателя еврейского языка, он по распределению приехал в Одессу и стал преподавать в различных учебных заведениях. С выходом в 1932 году его романа «Дэр стэп руфт» («Степь зовёт») имя Лурье становится известным.

Натан Михайлович избирает основным делом своей жизни литературное творчество. Роман «Степь зовёт» посвящен коллективизации сельского хозяйства. О романе писали: «Он сыграл для еврейской литературы ту же роль, что «Поднятая целина» для русской». Нотэ Лурье даже стали называть «еврейским Шолоховым». И «Поднятая целина» М.А. Шолохова, и «Степь зовёт» Н.М. Лурье изданы почти одновременно, в 1932 году вышла в свет первая часть того и другого романов.

Актуальность событий требовала немедленного отражения в литературе, значимость которой как рупора эпохи трудно переоценить. Но это произведение Нотэ Лурье удивило читателей и критиков не только остротой сюжетных линий, поднятыми проблемами еврейской советской деревни, но и высоким художественным уровнем. Двадцатипятилетнего автора стали называть первоклассным мастером прозы. Роман «Степь зовёт» дал ему путевку в литературную жизнь страны. Нотэ Лурье приняли в Союз советских писателей и молодой прозаик принимал участие в Первом съезде писателей СССР. Его выступление на съезде было посвящено советской еврейской литературе.

Роман «Степь зовет» был переиздан на идише и русском языках в 1935 году тиражом в 3000 экземпляров. В 1948 роман был дополнен вышедшей второй частью, напечатанной тиражом 4000 экземпляров. Вторая часть книги отразила жизнь послевоенной еврейской деревни. В последующие годы писателем было создано много не менее значительных произведений. В годы Великой Отечественной войны Лурье – ответственный секретарь дивизионной газеты «Советский воин» в группе советских войск в Иране.

Обложка книги Н. Лурье
«Степь зовет», 1935 г.

В 1950 году Лурье был арестован по делу одесских еврейских писателей, ставшему продолжением дела Еврейского антифашистского комитета. Из сообщения МГБ УССР об аресте группы еврейских писателей в Одесской области от 11.07.1950: «УМГБ Одесской области в марте-мае с. г. арестована группа еврейских писателей, занимавшихся активной националистической и шпионской деятельностью в пользу США: Вайнерман Хунель-Мовша Аврум Шмулевич – 1903 г. рождения, уроженец м. Лучины Житомирской области, еврей, гражданин СССР, беспартийный с высшим образованием; Друкер Ирма Хаимович – 1906 г. рождения, уроженец м. Чернобыль, Киевской области, еврей, беспартийный, со средним образованием; Лурье Натан Михайлович – 1906 г. рождения, уроженец с. Роскошное, Гуляй-Польского района Запорожской области, еврей, беспартийный, с высшим образованием. Указанные лица – выходцы из семей служителей

религиозного культа, в детстве занимались в еврейской школе «Хедер», изучали талмуд и получили воспитание в националистическом духе. На протяжении долгих лет, вращаясь в среде националистически настроенных лиц, Вайнерман, Друкер и Лурье окончательно скатились на путь национализма, подражая «авторитетам» в еврейской литературе – буржуазным националистам Феферу, Бергельсону, Нистеру, на всем протяжении времени протаскивали в своих произведениях националистические взгляды, за что неоднократно подвергались критике в печати». Нотэ Лурье был приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей. Его обвинили в «антисоветской деятельности» и сослали в лагерь Бутугычаг на Колыму. Лурье обратился с заявлением в Генеральную прокуратуру СССР. С горечью и недоумением он писал: «Как ни странно, но следователь майор Гришанин почему-то вопреки логике, вопреки абсолютной истине, вопреки конкретным неоспоримым данным представил дело так, что я писал вообще для зарубежной печати, в частности для американской, что это не случайно, что в этом сказывается моя связь с ними, что я своими очерками якобы давал материал, который мог быть использован иностранной разведкой, что ЕАК, руководимый Михоэлсом, являлся шпионским центром, что я был завербован Михоэлсом и Фефером и служил им. Все эти аргументы обвинения опровергаются следующим...».

Далее Нотэ Лурье, подробно изложив истинное положение дел, в заключение указал, что «никакие информационные материалы не посылал и ни к каким-либо другим хроникальным заметкам отношения не имел, никогда не писал, не редактировал и не посылал ни в ЕАК, ни в газету «Эйникайт». Все это является истиной и может быть полностью подтверждено всеми рукописями моих очерков и всем,

Хедер. Начало XX века

что мною написано вообще и для ЕАК, так как рукописи эти имеются в Архиве». Это заявление настолько обширно, что теперь стало отдельной книгой, свидетельствующей об абсурдности предъявленных ему обвинений. Сыграло ли оно роль в судьбе писателя? Его освободили только через шесть лет после ареста. 12 января 1956 года он вышел из лагеря и вскоре был реабилитирован. После освобождения Лурье вернулся в Одессу и приступил к литературной деятельности. Первой изданной книгой после его освобождения была та же «Степь зовет». Вышла она в 1958 году на русском языке, всего роман был переиздан 13 раз на идише, русском, украинском, белорусском и молдавском языках, 8 раз из них – до ареста писателя. Лурье много трудился. Был членом редколлегии журнала «Советиш Геймланд». Последними его произведениями стали рассказы и повесть «История одной любви» («Ди гишихте фун а либе», 1978, русский перевод 1981) и незаконченные воспоминания, 1986, не переводившиеся на русский язык. Проза Нотэ Лурье глубоко психологична и лирична, автор мастерски использует прием внутреннего монолога.

2 марта 1987 года, менее чем за год до своей кончины, Нотэ Менделевич был награжден орденом Дружбы народов. Скончался писатель в Одессе 28 ноября 1987 года. Его сын Давид Натанович Лурье передал книги отца Одесскому литературному музею.

В начале девяностых имя Нотэ Лурье было присвоено одесскому возрожденному обществу культуры (ООЕК). А совсем недавно это общество лишилось имени писателя по причине того, что его имя постепенно забывается... Но внук писателя Алекс Лурье создал сайт в память о своем дедушке и тем самым увековечил его имя. Сегодня часть семьи Лурье проживает в Израиле. Благодаря родственникам покойного

Нотэ Лурье, Аврум Вайнерман, Ирма Друкер

писателя и исследователю-краеведу из Одессы Еве Красновой коллекцию Одесского литературного музея дополнили некоторые предметы, принадлежавшие Нотэ Лурье. Например, чернильный набор, которым пользовался писатель, и несколько фотографий из семейного альбома.

Стоит отметить деталь биографии писателя, важную прежде всего для нас, биробиджанцев. «В начале тридцатых Лурье время от времени наведывался в Биробиджан, а 1936 году он осел в этом городе надолго. Он объездил всю область, написал множество очерков и рассказов о Приамурье и людях этого края». Об этом рассказал в книге «Штерн» – звезда моя заветная» известный в Еврейской автономной области краевед, член Союза журналистов России Ефим Кудиш.

За время сотрудничества с газетой «Биробиджанер Штерн» Нотэ Лурье подружился со многими биробиджанскими авторами. Особенно тепло он относился к Бузи Миллеру. Эти два писателя с непростыми судьбами, оба пережившие репрессии и отсидевшие в сталинских лагерях, поддерживали связь до конца своих дней. После смерти Бузи Миллера его семья передала в Биробиджанский областной краеведческий музей большой архив писателя – фотографии, дневники. Немалую часть этого архива составляет эпистолярное наследие еврейского писателя. «Мои милые Бузи и Хава! Я так ждал встречи с вами, очень сожалею, что вы не смогли приехать, – писал Лурье Миллеру и его жене. – Надеюсь, в следующий раз мы увидимся. От всего сердца желаю вам здоровья, здоровья, здоровья и всего-всего на здоровье! Того же самого я желаю Хаве. Обнимаю вас и целую. Ваш Нотэ Лурье 22.04.77»

В секторе национальной литературы Биробиджанской областной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема в юбилейные дни писателя организуются выставки книг

Нотэ Лурье на идише и русском языке, выпущенных в разных издательствах в разные годы. Большое количество книг Лурье в наших фондах говорит о том, насколько популярен был писатель в свое время, сколько книг издано при его жизни и после! Тоненькие брошюрки тридцатых годов: «А пассажир» («Пассажир» (1937), «Ба мир ин ланд» («В моем краю», 1938), «Дэр лэцтэр индивидуал» («Последний индивидуал», 1939), «Хана Ускач» (1939); все издания книг «Степь зовет», послевоенные романы – «Дэр гимл ун ди эрд», 1965, («Небо и земля», 1981), «Йам ун гимл» («Лишь море да небо», 1978), приложения к журналу «Советиш Геймланд» – «Ди унз ин одес» («У нас в Одессе», 1980), «Тэг ун йорн» («Дни и годы», 1988).

Выставка книг Н. Лурье в Биробиджанской областной универсальной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема

Алла АКИМЕНКО

Борис (Бузи) Миллер: «Воистину ты богат!»

В 1998 году Биробиджанский областной краеведческий музей готовился к 85-летию еврейского прозаика, поэта, драматурга и журналиста Бориса Миллера. Автору этих строк позвонил известный в области краевед Ефим Кудиш и пригласил познакомиться с материалами из своего личного архива, которые он принес туда для выставки.

Двести стихотворений Бориса Миллера, написанных в годы его пребывания в

ГУЛАГе, хранитель сберег в папке. Эти стихи нигде не были опубликованы. И Ефим Иосифович вздыхал: «Издать бы книгу стихов Миллера, ведь как поэта читатели его почти не знают!» Но в 1990-е издать книгу было сложно...

Перед нами лежали пожелтевшие от времени листки, исписанные карандашом. По ним, как по дневниковым записям, можно было восстановить годы, проведенные поэтом в лагере. В этих строчках красота сибирской природы, тоска по семье, любовь и признательность жене и, конечно, время, нелепое, неподдающееся человеческой логике, когда люди, оклеветанные, оплеванные, униженные до положения раба, продолжали воспевать своих тиранов.

Миллер обращается к читателям:

*Люди!
Не жалейте тех,
Кто погиб, сражаясь,
Они бессмертны!
Жалейте тех,
Кто, пугаясь смерти,
Погиб при жизни для славы,
для чести и для бессмертия...*

У поэта есть стихотворение, датированное 1950 годом. Оно названо «Вместо венка на могилу друга». В нем скорбь по ушедшему товарищу, которого «измучила судьба» и «смерть стала спасительницей».

А вот следующий листок, датированный 21 апреля 1955 года. В свой день рождения поэт размышлял о жизни, читая Пушкина:

*Дар напрасный,
Дар случайный,
жизнь,
зачем ты мне дана?*

Эти строки и стали эпиграфом к стихотворению Миллера «Жизнь».

*Жизнь дана, я твердо знаю,
С честью чтоб ее пройти,
Страх презрев, одолевая
Все преграды на пути.
Жизнь дана, как долг высокий,
Выполнить его сумей.*

Свой долг Борис Миллер выполнил сполна. В Биробиджане он прожил 52 года. Вырастил троих детей. Здесь остались его книги, друзья и память о нем – улица, названная его именем.

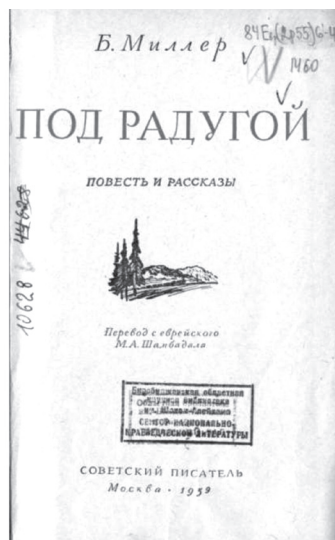
Свой жизненный и творческий путь Борис Миллер начинал далеко от наших мест. Он родился в 1913 году в местечке Волковинец (Копай) на Украине. Миллер – литературный псевдоним писателя, его настоящая фамилия – Мейлер. После окончания школы работал учеником, а потом рабочим на одной из фабрик города Харькова. Уже тогда после рабочей смены он брался за перо и пробовал писать.

В 1931 году в Харькове была издана первая книга Б. Миллера – сборник новелл «Смены заступают». Ему было тогда всего 18 лет. Редактором этой книги стал известный еврейский писатель Дер Нистер. Бузи очень волновался, когда шел к Дер Нистеру домой, чтобы обсудить свои первые рассказы. Но опытный литератор сказал молодому писателю: «Я ничего в них не исправил. Инструмент, видать, вы держите крепко в руках». Известный критик еврейской литературы, доктор филологических наук Григорий Ременик однажды заметил: «Есть писатели, у которых первые произведения так беспомощны, что трудно даже вообразить себе,

что их авторами были будущие гении. Например, Чехов или Шолом-Алейхем. Бузи Миллер принадлежит к другому типу писателей. В его первых произведениях уже чувствуется художник с дарованием, творческими возможностями, реализованными и потенциальными».

В 1934 году вышла новая книга Миллера – сборник рассказов и повесть под общим названием «Под радугой». В Биробиджанской областной научной библиотеке имеется его перевод на русский язык, изданный в 1959 году. В 1936 году, окончив Московский институт и получив специальность «учитель еврейского языка», Борис Миллер вместе с группой своих бывших однокурсников по направлению прибыл в Биробиджан. Здесь он работал учителем еврейского и русского языков в школе № 2 и вел факультатив.

Тогда Миллер жил в доме писателей, именно так, а не иначе, называли дом № 23 по ул. Советской. Неказистая бревенчатая двухэтажка, в которой печи давали больше дыма, чем тепла. Однако в 30-е годы среди бараков и времянок тот дом считался престижным жилищем. Записи в дневнике Б. Миллера, датированные 1936 годом, рисуют картины его быта: «16 апреля. Вчера я прожил одним фунтом хлеба, которые купил за последние копейки, оставшиеся после оплаты за жилье. Пришел с работы поздно и сидел до трех

Титульный лист книги
Б. Миллера
«Под радугой», 1959. г.

**Членский билет Союза писателей СССР Бориса Миллера
(обновленный после освобождения и реабилитации)**

часов ночи. Переписывал ещё в одном экземпляре рассказ. 6 декабря. Спал в одежде. В комнате мороз. На пятый день стало колоть в боку. Ушёл к товарищу. Моя комната закрыта. В ней живёт мороз». Несмотря на бытовую неустроенность, литераторы были преисполнены восторга. Их стихи, очерки того времени дышат неподдельной романтикой и воспевают людей, строящих город на Бире.

К 1938 году литературно-художественный и общественно-политический журнал «Форпост», издававшийся в Биробиджане, стал одним из лучших еврейских журналов. Миллер вошел в редколлегию этого журнала. А вскоре, в 1940 году, его приняли в Союз советских писателей.

В течение десяти лет Миллер работал в областной газете «Биробиджанер Штерн» переводчиком, заведующим отделом культуры, заместителем главного и, наконец, в 1947-м главным редактором и руководителем группы дальневосточных еврейских писателей. В его членском билете указаны настоящие фамилия, имя и отчество, а также литературный псевдоним.

В том же году в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Биробиджан»

4 июля 1949 года Миллера арестовали. 31 мая 1950 года особым совещанием при МГБ СССР было вынесено постановление: осудить Миллера и приговорить его к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Ему и в голову не приходило, что он стал жертвой крупномасштабной акции, одобренной вождем «всех времен и народов».

Лагерь, куда его этапировали из Хабаровской тюрьмы, находился в Иркутской области в Ново-Чунке. Потом был лагерь «Озёрный» в Восточной Сибири, недалеко от станции Чугуевка. Там он работал на лесоповале, в каменоломне.

Воспоминания о том времени глубоко запечатлелись в сердце. Он не любил касаться того трагического периода в своей жизни. Но иногда они все же прорывались наружу. В его семье знали, что на лесоповале он чудом спасся от падающего спиленного дерева, что заключенных водили с работы и на работу в окружении автоматчиков и собак, заставляли время от времени падать в снег, а в это время из уличных динамиков неслись ободряющие слова песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Это был верх издевательства и цинизма.

Но тяжелые условия жизни не погубили в нем желания писать стихи. Творчество оставалось единственным глотком свежего воздуха... Незадолго до освобождения Миллер стал учителем в лагерной вечерней школе. Туда и отправляли свои письма друзья-биробиджанцы Люба Вассерман, Абрам Гершков из своих мест, не столь отдаленных... Чудовищная по своим размахам волна репрессий коснулась и их. Из письма Любы Вассерман к Миллеру: «Бузеле, дорогой, пиши, все-таки, как дальше жить? Ведь ты умнее меня и больше знаешь, чем я. Я так убита горем. Я так разочаровалась во всем, что мне стало очень трудно жить. Научи, как дальше быть». Миллер ответил ей стихотворением.

Другу Любе

*Я не могу тебе ответить прозой!
Выстукивает сердце жгучий стих.
Твоё письмо – мои скупые слёзы
От счастья, звук которого затих.
Да что там счастье? Радость небольшая
И та укрыта грудами невзгод.
И всё ж его дыханье ощущаю
Я в нашей дружбе уж который год.
Свободу, дом – что дорого, любимо –
Злой рок украл у нас с тобой как вор.
Но есть одно, оно – неистребимо.
Одно ещё не отнял приговор:
Святая дружба, твой привет в конверте.
И я в ответ приветствую, любя.
И знай: что всё проходит, друг мой верный.
Мучения отступят от тебя.*

Ноябрь 1955, Тайшет-лаг

Не многие выдерживали лагерный быт, общение с уголовщиной, но Бузи, Люба, Абрам сумели сохранить надежду на «справедливое решение вопроса».

А помогало выжить творчество – ниточка, связующая с биробиджанским прошлым, стержень, укрепляющий дух. Грустные и трагические времена...

Бузи Миллер вернулся домой весной пятьдесят шестого.

*Я вновь вернулся в город свой,
Где каждый встречный – как родня,
Где тополь с буйною листвою,
Как друг, приветствует меня.*

*Где сколько ни прошло бы лет,
Не гаснет молодой запал,
Где так приветлив окон свет,
Что и в разлуке согревал.*

Вскоре на книжных полках Биробиджана появились повести «Ясность», «На полном ходу», роман «Каждому поколению свое», сборник стихов «Светлый источник». Позднее, в 1986 году, в Московском книжном издательстве вышла книга «Пока жив человек». В 60-е годы в газетах «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда» Б.И. Миллер выступал и как литературный и театральный критик. «Трилогия о Горьком», «Великий сын могучего народа» (о Чехове); «Е.А. Баратынский» (к 110-й годовщине со дня его рождения), «Солнечные крупицы» о новом сборнике стихов молодой поэтессы Майи Румянцевой. Старые газеты... Сколько интересного о людях и о времени таят они на своих страницах! Ефим Иосифович Кудиш сохранил и болгарскую газету «Еврейские вести» за 12 августа 1968 года, в ней сообщалось о пребывании Бузи Миллера в Риге. Побывав в Латвии, Борис Израилевич сблизился и подружился с еврейскими театральными кругами латвийской столицы. А в марте 1975 года в народном театре Рижского республиканского дворца культуры профсоюзов еврейская труппа поставила спектакль Миллера «Чудес не бывает». Эта пьеса, а еще и его же «Тридцать три богатыря» шли на подмостках и Биробиджанского театра.

За заслуги в области литературы Миллер был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд». В областной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема хранятся книги писателя, к ним время от времени обращаются биробиджанцы. Но в секторе национальной литературы есть

особая полка – «Из домашней библиотеки Бузи Миллера». Это книги, подаренные Борису Израилевичу писателями разных поколений и в разное время: Максом Риантом, Аврамом Гонтарем, Самуилом Гордоном, Натальей Кончаловской и др. Однажды в областном краеведческом музее мне довелось познакомиться с удивительным экспонатом – открыткой от Ривки Рубиной, адресованной Миллеру, на которой значится обратный адрес: Москва, Верхняя Масловка. .. Вспомнился рассказ Дины Рубиной «На Верхней Масловке». Порой удивляешься, как связана литература Биробиджана с общероссийским и мировым литературным процессом! Многие годы Борис Миллер был членом редколлегии единственного в стране журнала на еврейском языке «Советиш Геймланд». Он оказывал большое влияние на творчество многих писателей и развитие еврейской литературы. Прочитывал рукописи, редактировал, рецензировал, готовил их к печати. Эта работа нашла свое отражение и в автографах на книгах. Григорий Рабинков на титульном листе своих рассказов «Земляки» написал: «Дорогому другу... Борису Израилевичу Миллеру, через чьи руки прошли (с большой пользой для меня) все рассказы этого собрания, с пожеланием всего лучшего».

Невозможно привести здесь все надписи на подаренных книгах, подробно о них писал в газете «Биробиджанер штерн» старейший работник библиотеки Б.Д. Бергер в статье «Рад, что ты есть на свете... Бузи!». Лишь следует сказать, что эти автографы свидетельствуют о большом уважении и любви к писателю, о признании его таланта во всех жанрах литературного творчества. Среди тех, кто оставил дарственные надписи, и поэтесса Дора Хайкина. Среди прочих её стихов есть посвящение Борису Миллеру:

Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в разлуке по улице.
Где к сумеркам прячется ветер в траву
И тени деревьев сутуляются.
В омуте неба месяц-блесна,
Весны ощутимо дыхание.
Когда-то гуляла тут наша весна,
А ныне воспоминания...
Ах, Бузи, мой добрый товарищ и брат.
Ты наконец богат!
Письменный стол одинок, как вдовец,
Лампа огнем не согрета,
Но множество юных и добрых сердец
Запомнили улицу эту.
Видишь, ступени подъезда сейчас
Двоим – наподобие трона.
Минутой им кажется вечера час,
Как все это нам знакомо!
Ах, Бузи, мой старый товарищ и брат,
Воистину ты богат!
Письма летят, словно птиц караван
Манит их берег зелёный
Улица Миллера, Биробиджан –
Адрес до боли знакомый.
И всё же не улица – главное. Нет,
Наследство твоё щедрее –
Оставил ты мудрого слова след
В памяти доброй евреев.
Ах, Бузи, мой милый товарищ и брат,
Как ты богат!
Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву
И тени деревьев сутуляются...

Оклик черного времени

*...И ночью, и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!
Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада.
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда!»
И рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по земле железом
И затопит ее в крови.
И наврет он такие враки,
И такой наплетет рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помяните в горький час...*

Мне трудно говорить с мамой на идише. Для меня это язык почти непознанный, для нее — почти забытый. Мне трудно порой говорить с мамой на русском, ибо есть тема, в обсуждении которой нам вовсе не найти общего языка. Мама любит Сталина... Когда-то ее родители, поселившиеся в области в 1937 году, одинаково хорошо говорили с детьми на русском и на еврейском, они понимали друг друга, особенно если речь шла о Сталине...

М.П. Хавкин — первый секретарь обкома ВКП (б) — был репрессирован в 1938 году как руководитель контрреволюционной организации. Три года раньше, накануне празднования 18-й годовщины Октября, он написал брошюру, в которой сделал анализ развития культуры в Еврейской автономной области. В ней, в частности, писалось: «В Еврейской области еврейский язык охватывает все области государственного, хозяйственного и культурного строительства. Еврейский язык поднимается здесь на новую и высшую ступень...» Далее автор приводит примеры развития еврейской культуры в области: «...Развертывает свою работу научно-исследовательская комиссия при облисполкоме, представляя собой ячейку будущего областного института еврейской пролетарской культуры. Значительно продвинулся вперед областной государственный еврейский театр...»

— Биробиджанский еврейский театр никто бы не закрыл, если бы он выполнял финансовый план, и еврейские школы тоже работали бы по сей день. Просто родители сами перестали посылать туда детей, и причем, скажите, тут Сталин? — так говорят ровесники моей мамы.

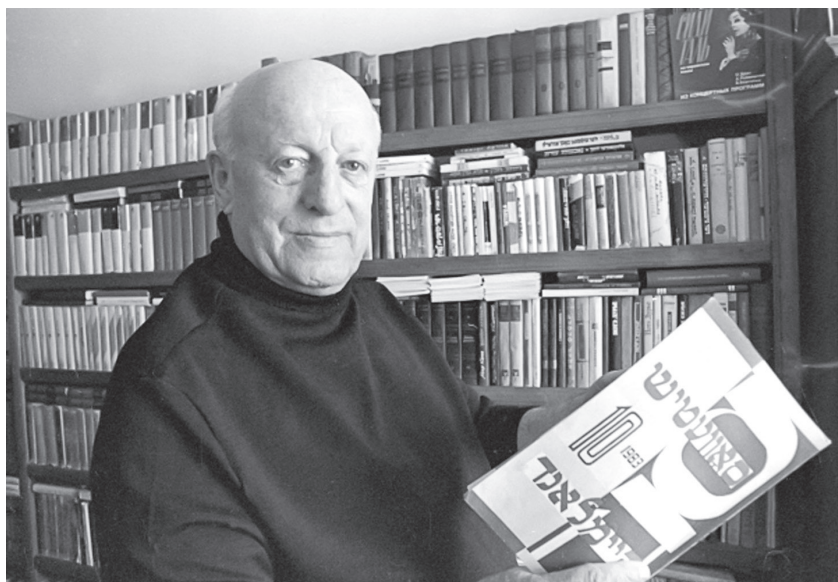
Сейчас немногие из выпускников Биробиджанского

педагогического техникума (в те годы он был еврейским) берутся преподавать идиш в начальных классах. Идиш — язык уходящего поколения. И оно не в силах дать ему вторую жизнь. Я ищу истоки этой трагедии и нахожу их в той же брошюре Хавкина: «Одновременно мы должны с величайшей настойчивостью бороться против тех, кто из-за боязни, чтобы их не обвинили в еврейском национализме (а в большинстве случаев это как раз такие люди, которые в прошлом или даже сейчас так или иначе связаны с еврейским национализмом), пытаются сдерживать и суживать строительство еврейской культуры».

Это было за десять лет до событий, о которых я расскажу вам.

...Хоронили Бузи Миллера — последнего в нашем городе еврейского писателя. Он умер зимой восемьдесят восьмого, и кто-то из присутствующих на похоронах заметил с грустью, что это — плохая примета, ибо нынешний год — високосный, и свой горький счет он начал именно с Бузи.

Выступавших на митинге было немного: журналист Марк Саулович Френкель, ответственный секретарь Хабаровской писательской организации Михаил Асламов, заведующий отделом областного комитета партии Валерий Гаврилов и писатель Роман Шойхет. Сегодня вряд ли кто может вспомнить хоть слово из этих выступлений. Пожалуй, лишь Шойхет сказал то, о чем не сказал никто. О далеких тридцатых, когда в Биробиджан приезжало немало писателей, не для того, чтобы жить здесь, а для того, чтобы «собрать материал» и вернуться домой, в московские, киевские, минские квартиры. И лишь Миллер приехал сюда, чтобы остаться здесь навсегда.

Бузи Миллер

Пятьдесят два года прожил Миллер в Биробиджане. Все у него было: и награды, и звания, и должности, и почет. И страдания... Семь лет лагерей. Нет, не в тридцатые — в сороковые: «врагами народа» стали тогда «безродные космополиты». Проклятые годы, о них Бузи почти ничего не успел (не захотел?) рассказать...

Остался еще архив, его стихи, написанные там, документы, воспоминания друзей и близких. С помощью этих свидетелей я попытаюсь восстановить то время. Что оно сделало — с Бузи, с нами.

В сорок восьмом сняли Бахмутского, первого секретаря обкома партии. Сняли как «буржуазного националиста». Этой же формулировкой пестрели дела почти всех представителей еврейской интеллигенции Биробиджана: артистов, писателей, журналистов, педагогов, партийных и комсомольских работников.

На «смену» Бахмутскому из Москвы прибыл новый секретарь обкома Симонов. В хабаровском аэропорту его встречал шофер Борунов, специально командированный для этого из Биробиджана.

Из воспоминаний Ефима Борунова, проживающего ныне в Биробиджане: *«Первую фразу Симонова в аэропорту я запомнил до конца своей жизни. Он спросил у меня: «Ну так что, расхулигались здесь еврейчики?..» И добавил: «Ну ничего, ничего, мы порядок наведем...»*

В первые же месяцы работы нового секретаря во всех обкомовских машинах появились новые чехлы на сиденьях: их сшили из занавеса еврейского театра, закрытого к тому времени в Биробиджане.

«Расхулиганились еврейчики...» Симонов имел, конечно же, в виду тех самых «буржуазных националистов», которых как-то сразу очень много оказалось в Еврейской автономной области, — ну просто не было от них проходу таким «трезво-мыслящим» людям, как, к примеру, Симонов...

Бузи Миллер не подозревал тогда, что вскоре ему суждено стать «буржуазным националистом». Он, как оказалось, был наивным человеком. Он, как оказалось, позволял печатать во вверенной ему газете «Биробиджанер штерн» произведения «буржуазного националиста» Дэр Нистэра, творчество которого он любил, потеряв тем самым всякую партийную бдительность.

Девятого апреля 1948 года в редакции газеты «Биробиджанер штерн» состоялось собрание, на котором редакторская деятельность коммуниста Миллера получила «должную» оценку.

— Статьи Дэр Нистэра, — заявил сотрудник редакции Фридман, — редактор обязан был проверять, а некоторые из них вообще не должны были печататься из-за содержащегося в них «буржуазного национализма».

Еще более гневным было выступление коммуниста Городовского:

— Мы должны извлечь необходимые уроки. Допущено преклонение перед Дэр Нистэром, мы не разглядели буржуазного национализма в его статьях. Я предлагал товарищу Миллеру исключить некоторые места из статей Нистэра, но товарищ Миллер не соглашался. Считаю, что я не проявил здесь принципиальности, не сообщил об этом в обком ВКП(б), за что справедливо получил взыскание обкома.

...Выступавших на том собрании было больше. Но я цитирую выступления лишь двоих, потому что именно в них прозвучали самые характерные обвинения в адрес Миллера

(пока еще товарища Миллера). Из сегодняшнего восемьдесят восьмого пытаюсь взглянуть в лица тех, кто в слепой вере (или в слепом страхе?) повторял, как попутай, два страшных слова из будущего приговора — «буржуазный националист». Сегодня, спустя сорок лет, пытаюсь понять, что двигало этими людьми: рабское ли почитание «высшей инстанции», животный ли страх за собственное благополучие, возможность ли сведения счетов? Что заставило Гороховского спустя буквально недели после того собрания сжигать еврейские книги в котельной областной типографии? Что его, образованного человека, заставило совершить акт вандализма? Кто заставил? Мы должны искать ответы. Если найдем, если поймем, ужаснемся и покроем презрением — начнется и наше очищение. Если же оправдаем временем, обстоятельствами — быть нам там же.

Но вернемся в апрель сорок восьмого. Собрание продолжается. Слово предоставляется редактору Миллеру.

— Я полностью признаю допущенные мной политические ошибки, выразившиеся в публикации статей Дэр Нистэра, содержащие элементы буржуазного национализма. Вполне правильно решение обкома партии, наказавшего меня за притупление политической бдительности. В чем же причина допущенных ошибок? Это, прежде всего, преклонение перед Дэр Нистэром. Мы успокоились тем, что статьи его печатались в «Эйникайт», и поэтому мы их не проверяли. Газета «Биробиджанер штерн» мало подвергалась критике, и это привело к печальным последствиям.

Выступление Миллера, Фридмана, Гороховского я взял из протокола партийного собрания редакции «Биробиджанер штерн». Протокол этот, как и многие другие документы того времени, хранится сегодня в партийном архиве области, и, вчитываясь в эти грустные строки, бережно перелистывая

пожелтевшие эти странички, я начинаю понимать, почему Миллер признал свою вину. Он мог ошибиться. Друзья по работе и по партии вовремя указывали ему на эти ошибки. Поэтому он должен быть бдительным вдвойне. Дэр Нистэр — буржуазный националист. Так говорят друзья. Так говорит партия. Значит, так на деле и есть. Покаянное слово. Он взял его, быть может, потому, что не знал еще, что такое предательство друзей, выстрелы в спину безо всякого суда и следствия. Он не знал еще, как и миллионы других, что такое культ личности — той самой личности, портрет которой висел над столом президиума. Он узнает это, он все поймет в пятьдесят шестом, вернувшись в Биробиджан из сибирского лагеря...

Конец сороковых до сих пор памятен биробиджанцам. Закрылись еврейские школы и техникумы. Детишки, большинство из которых имели вполне пролетарское происхождение, однажды утром обнаружили, что учебники на идиш им больше не нужны, а заниматься надо только по учебникам на русском языке. В конце концов, дважды два будет четыре даже по-китайски. Что же касается еврейской литературы, то она, как основной рассадник буржуазного национализма, оказалась самой опасной среди прочих национальных литератур — наподобие белой вороны в стае сталинских соколов. А поскольку «опасны» книги на еврейском языке, значит, непременно нужен Гороховский и ему подобные — чтобы эти книги сжигать, уничтожать, травить. Цепочка замкнулась: вместе с опасными книгами уничтожали и травили опасных (т. е. еврейских) писателей.

В тайшетских и прочих сталинских лагерях «побывали» Люба Вассерман, Григорий Рабинков, Наум Фридман, другие биробиджанские литераторы. Но были и такие, кто активно содействовал этому сплетнями и доносами, кто

угождал власти, кто своевременно «информировал», гневно «клеимил» и навешивал ярлыки. О них, живущих и здравствующих ныне, разговор, надеюсь, еще впереди.

Бузи Миллер был исключен из партии, снят с работы и существовал лишь за счет скудных гонораров, которые удавалось зарабатывать в областных газетах. К тому времени у него было трое детей — Марик, Софа, Изя. И он, естественно, тяготился неопределенным своим положением. Многие из друзей писателя понимали, что никакой он не националист и сочувствовали ему, но это их сочувствие было молчаливым, ибо страх заставлял людей не только молчать, но и забывать о таких человеческих качествах, как сострадание, сопереживание.

Ошибка — это не преступление. Искренние и порядочные люди имеют обостренное чувство справедливости. Они знают о существовании подлости, но сами существуют как бы вне ее. Такие часто ходят к вражеским позициям парламентариями, веря в то, что по белому флагу не стреляют, а после, уже умирая, искренне удивляются, увидев, как их кровь расплзается пятном по белому полотнищу.

Ошибка — это еще не преступление. Так искренне полагал Миллер, прощаясь с женой Анной Абрамовной перед поездкой в Хабаровск. Он верил, что сумеет все случившееся объяснить там, в Союзе писателей, верил, что уж там-то его поймут.

Поездка в Хабаровск была прервана страшной фразой: «Мейлер Бер Срулевич? Вы арестованы!...»

«Мейлер Бер Срулевич, член ВКП (б) с 1941 года, партбилет № 4260851, 1913 года рождения, еврей, образование высшее, писатель, имеет партийное взыскание — выговор — за допущенную им ошибку буржуазно-националистического характера.

Суть дела: постановление бюро Биробиджанского горкома ВКП (б) от 27 апреля 1949 года. Мейлера за допущенные в своем литературном творчестве националистические ошибки, нежелание признать и исправить эти ошибки из членов ВКП (б) исключить.

Установлено: Мейлер, работая редактором газеты «Биробиджанер штерн», допустил печатание на страницах газеты антисоветских статей буржуазного националиста, космополита Дэр Нистэра, за что в 1948 году был снят с работы и ему был объявлен выговор. Являясь ответственным секретарем группы писателей Биробиджана, Мейлер не принимал мер для развития в ней большевистской критики и самокритики, очищения ее от имевшей место затхлой нездоровой обстановки, при которой отсутствовала какая-либо борьба против проявления буржуазного еврейского национализма. Мейлер не принял меры для удаления из писательской группы никчемных, националистически настроенных писателей. Неслучайность этих ошибок объясняется тем, что и сам Мейлер заражен буржуазным национализмом, что видно из его произведений — повести «Биробиджан» и пьесы «Он из Биробиджана».

(Из документов партийного архива области)

После ареста отца Марик бросил школу и пошел работать на завод металлоизделий. Мама, конечно же, плакала, но что делать: арестован муж, а надо кормить всю троицу на одну скромную зарплату воспитательницы детского сада. Иногда Анна Абрамовна брала Софочку с собой и там,

в садике, подкармливала ее. В конце каждой недели мама собирала передачу в тюрьму. По словам Анны Абрамовны, в тюрьме к Борису Израилевичу относились уважительно и даже разрешали передачи.

Посылки отцу отвозил Марик. «В то время,— вспоминает пенсионер Марк Борисович Миллер,— я был профессиональным безбилетником».

Он осторожно пробирался в поезд, умело прячась от проводников. Но однажды контролеры «засекли» его и высадили из вагона, и добираться домой ему пришлось на попутках.

— Папа будет ждать,— говорила Анна Абрамовна,— он всегда в этот день ждет тебя, сынок. Кто знает, куда его могут отправить завтра? И мы ничем не сможем ему помочь. Ты должен это понимать. Ты уже взрослый...

Марик понимал. Он действительно был взрослым. Ему было двенадцать.

Следствие по делу Миллера затянулось до 31 мая 1950 года. Это не выходило за рамки уголовно-процессуального кодекса ввиду особой опасности и сложности состава преступления. Основная сложность состояла в том, что Борис Израилевич не только «на протяжении ряда лет среди окружавших его лиц распространял антисоветские националистические взгляды и предоставлял редактируемую им газету буржуазным националистам для печатания антисоветских произведений». Миллер ко всему еще «являлся участником преступной группы лиц». Стоит ли говорить о том, что этот второй факт немало удивил Бориса Израилевича. Так, если о своих «буржуазно-националистических ошибках» он узнал

в апреле 1948 года и как-то был готов к подобному обвинению, то о преступной группе лиц ему поведали на следствии. Только, Боже упаси, не подумайте, что до ареста он не был знаком с членами группы, он их всех, конечно, знал. О чем не догадывался наивный, доверчивый человек Борис Израилевич, так это о том, что все они «преступная группа». Вот в этом его убеждали на следствии до мая 1950 года. Впрочем, должно быть, и остальных членов группы убеждали в том же самом.

Итак, ответственность за совершенное преступление с Борисом Израилевичем Миллером поделили: поэтесса Любовь Вассерман, поэт Израиль Гольдвассер, актер еврейского театра Фейвель Аронис, кавалер ордена «Знак Почета» поэт Гессель Рабинков, переводчик радиокомитета Бер Слуцкий, начальник снабжения фабрики им. Димитрова Семен Синявский-Синделевич. Каждый из названных членов «преступной группы» имел солидный перечень «злодеяний». Так, например, Слуцкий, будучи убежденным буржуазным националистом, в 1917-1918 годах сотрудничал с националистической партией «Фарэйниктэ», выступал со статьями против большевистской партии (за что тридцать лет спустя должен был понести наказание). С 1946 года проповедовал «искусственное и насильственное внедрение еврейского языка, культуры и письменности, распространял в печати националистические взгляды об общности и единстве еврейской культуры мира».

Рабинков, Вассерман и Гольдвассер были признаны виновными в том, что они «занимались организованной антисоветской деятельностью, направленной против национальной политики Коммунистической партии, советского правительства, на обособление Еврейской автономной области от других областей СССР, подрыв единства и дружбы народов

СССР, протаскивая националистические взгляды в своих произведениях».

Не менее тяжкими были деяния и других участников «преступной группы». По замыслу драматургов и режиссеров сего лицедейства данное дело должно было приобрести широкий общественный резонанс. Сами понимаете, без резонанса в таком деле не обойтись, ибо одна из задач процесса — достижение целей воспитательно-профилактического характера, направленных против вирусов буржуазного национализма. «Преступная группа» должна была быть связана едиными целями и задачами плюс сговор и организационное единство. Без них группа не является таковой. Для того чтобы все это доказать, была назначена экспертиза, которая проводилась по материалам, напечатанным в газете «Биробиджанер штерн» в 1944 году. В заключении экспертизы значилось, что газета, которую редактировал Мейлер, он же Миллер, помещала материалы тенденциозные и односторонние, где многие вопросы развития хозяйства и культуры страны освещались главным образом с точки зрения участия в них представителей еврейской национальности; подчеркивалась необходимость развития еврейской культуры и языка; указывалось, что евреи впервые в истории строят свою автономную государственность; не освещалась роль других лиц, кроме еврейской национальности; не подчеркивалась роль русского народа как в достижении победы над гитлеровской Германией, так и в мирном строительстве.

Заключение экспертизы явилось солидной основой для обвинения, однако свидетели по делу явно недооценивали своей роли в предстоящем процессе. Допрошенный 4 апреля 1948 года арестованный свидетель Фрид показал, что Вассерман является сионисткой, и он в конце 1935 года через нее передавал в Ленинград палестинским шпионам Рейзе

и Штейенсон-Ленскому секретные сведения о Биробиджане. Рейзе, проходящий по этому же делу свидетелем, этих показаний не подтвердил, однако показал, что в его присутствии Гольдвассер допускал антисоветские высказывания, правда, где, когда, в присутствии кого и конкретно какие высказывания, свидетель Рейзе не помнил. Не оправдали надежд следствия свидетели Фридман и Коган, ибо вообще не дали показаний об антисоветской деятельности осужденных.

Подготовленное таким образом уголовное дело явно не имело перспектив на общественный резонанс, а посему особое совещание при МГБ СССР от 31 мая 1950 года вынесло постановление: всех членов группы по части 11 ст. 58—10 и ст. 58—11 приговорить к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере каждого.

...Лагерь, куда этапировали Миллера из хабаровской тюрьмы, находился в Восточной Сибири, недалеко от станции Чугуевка. Сам Миллер никому об этом почти не рассказывал. Известно лишь, что поначалу он работал на лесоповале и в каменоломне, а незадолго до освобождения стал учителем в лагерной вечерней школе. Анна Абрамовна сумела побывать у мужа «в гостях»: получив разрешение на свидание, она поздно вечером сошла с поезда в заснеженной Чугуевке, ночь провела в станционной избе, пристроившись у круглой железной печи, а утром на попутке доехала до лагеря. Там, в специальной «комнате свиданий», она и провела несколько часов с «членом преступной группы» Миллером.

— Лагерь надломил Бузю,— говорили многие, знавшие его до и после ареста. Так считал и Абрам Гершков, бывший начальник переселенотдела, осужденный на 25 лет как английский шпион. Абрам Анисимович был другом Миллера и, видимо, по этой причине попал в тот же сибирский лагерь.

«Лагерь надломил Бузю», — так готов был думать и я, спрашивая многих людей, знавших писателя. Но однажды Мишка Страшной, внук Бориса Израилевича, студент Хабаровского педагогического института, разбирая после смерти деда его архив, наткнулся на зеленый блокнот и черновик заявления, в котором Миллер в жесткой форме выражал протест против действия администрации лагеря. Миллер не умолял и не просил, он именно требовал права на элементарное уважение к человеческой личности.

Из заявления заключенного Б. С. Миллера:

Начальнику спецотряда ЛП-06 Шумакову от з. к. Миллера Б. С., 1913 года рождения, осужден особым совещанием на 10 лет по статье 58, п. 10, ч. 2. Начало срока 4.07.1949 г.

Заявление

Возмущен продолжающейся бюрократической практикой осужденного правительством нарочитого задержания жалоб заключенных на имя руководителей партии и правительства. История с моей жалобой на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева ярчайшее тому доказательство. Жалобу эту я опустил в ящик для жалоб на Л.П. еще 5.12.1954 года. Как мне было сообщено в марте, никаких следов от прохождения моей жалобы на Л.П. не осталось. Не вынуть ее не могли. А вынуть и отправить — также не могли. Осталось предположить, что ее переслали в Тайшет (тогда еще жалобы шли через Тайшет — А. Д.).

Первого апреля сего года я отправил закрытым письмом запрос на начальника спецчасти Дерезал ИТЛ Тайшет.

Прошло два месяца, ответа не было. 5 июня я вторично отправил запрос по тому же адресу.

Сегодня, 10 июля, я был вызван во 2-ю часть нашего Л.П., где мне дали возможность ознакомиться с вашей резолюцией о моей...

В этом месте заявление обрывается, и мы никогда уже не узнаем об имевшейся резолюции и разговоре Миллера с начальником спецотряда, но можем, однако, догадываться, что судьба его такова же, как и всех прочих заявлений такого рода, ибо еще больше года оставалось до освобождения Бориса Израилевича Миллера. Но именно этот возмущенный крик из лагерного барака помогает прийти к выводу: нет, не лагеря надломили Миллера — время надломилось, давя под собой миллионы и миллионы безвинных, и многие изменяли свои взгляды на это время. Одни видели в нем только черное, другие — только белое, третьи не спешили с оценками, размышляли, пытались разобраться. На мой взгляд, Миллер был из третьих. В зеленом блокноте из его архива есть такая запись:

«Обстановка, куда я попал, открыла мне много нового. Раньше я жил односторонне, смотря на мир через розовые очки. Теперь я понял, что духовно мы продвинулись совсем недалеко.

...Хорошо, допустим, Сталин был чист. Его окружали ревизионисты, троцкисты и т. д. Но как он, политический деятель, не мог узреть с самого верху того, что было видно отовсюду?

Кто на горе, тот раньше солнце встретит, кто среди друзей, тот силой не шути, кто впереди шагает, тот в ответе за все ошибки на крутом пути.

Даже если считать, что он не возомнил из себя «бога» и не боялся за кончину своего всевластия, он все равно виноват, потому что стоял в то время у горнила власти. Но я добавлю другое. Ни один человек за время существования Советской власти не сделал столько зла, и никто не сделает столько, сколько сделал этот бывший вождь. Нам сейчас и еще в далеком будущем придется расхлебывать эту черную кашу, так вот, это наследство осталось в достаточном количестве в кругу, где обитаю я. Так кто же будет бороться за полное искоренение грязи?..»

После смерти Сталина в лагере «потеплело». Разрешили читать газеты и журналы, Абраму Гершкову позволили организовать духовой оркестр, и «за колючкой» стали звучать марши и даже вальсы.

Все чаще уходили на волю письма к высоким инстанциям с просьбами о пересмотре дела. Самым удачливым приходили ответы, но такое случалось пока еще редко.

Анна Абрамовна тоже писала. Многие друзья и коллеги мужа, к которым она обращалась за помощью, делали вид, что не получали ее писем. Многие, но не все. Первого сентября 1955 года пришел ответ от Эммануила Казакевича. «Уважаемая Анна Абрамовна, — писал Казакевич, — я получил письмо Бузи. Разумеется, предприму все, что смогу, т. е. поговорю с А. А. Сурковым и с К. М. Симоновым. Скажу им, что знал Бузю с 1929 по 1938 год и ни капельки не сомневаюсь в его советском мировоззрении. Желаю вам всего наилучшего, надеюсь на изменения в судьбе Бузи».

А еще через три месяца освободился Абрам Гершков. Еще с дороги он написал письмо Миллеру. Не считите за труд, читатели, прочесть это письмо, и вы поймете, что чувствует человек, обретая свободу. И вам уже нетрудно будет

представить возвращение домой самого Бузи, писателя, «буржуазного националиста», несчастного и самого счастливого человека на всей тайшетской трассе.

«12 декабря 1955 года. Дорогой Борис и все мои друзья-товарищи! Итак, пишу вам свое первое письмо с воли. К величайшему моему огорчению, меня так неожиданно выпихнули из зоны, что я не только не успел попрощаться с вами, но даже свои бебехи не забрал. А белье забрал из бани мокрым. Получил на руки удостоверение, где сказано, что освобожден ввиду прекращения дела. Успел сходить в кино ДОКа. Сидел в кинозале как зритель!!! А что дальше будет?! Борис, я оставил у Шахова пачку сахара, а у тебя на постели — маленькую баночку масла. Итак, будьте здоровы, мои дорогие, следуйте моему примеру...»

...Подходит к концу мой рассказ о судьбе биробиджанского писателя Бузи Миллера, печатавшего в «Биробиджанер штерн» антисоветские произведения «космополита» Дэр Нистэра. Бузи Миллер в тайшетском своем лагере не мог, конечно, слышать автоматную очередь, оборвавшую в августе пятьдесят второго жизнь этого прекрасного писателя, а также жизни Льва Квитко, Переца Маркиша, Ицика Фефера, Давида Гофштейна и других деятелей советской еврейской культуры, которыми сегодня мы по праву гордимся.

Такая нелепая, мучительно жестокая участь старших товарищей по перу до конца жизни будет беспокоить писателя, заставляя его высекать строки, словно не пером по бумаге, а зубилом по могильным плитам.

*Любимые мои, родные,
Друзья и кровные братья.
Мне кажется, что и поныне
Вы окликаете меня.
Кто молод,
Уж не станет старше.
А список полнится: в черед
И Лев Квитко, и Перец Маркиш, Кульбак, Кушников,
Аксельрод.*

Написав фразу — «по праву гордимся», — я почувствовал в ней горький привкус. Да, виновен «отец народов» и вся его камарилья. Но давайте честно спросим себя: почему во всем мы привыкли винить руководство? Почему так забывчивы к исполнителям — тем, кто доносил, предавал, произносил обвинительные речи? Сталин был, как известно, очень неприхотлив в быту. А вот «исполнители» зарабатывали свои тридцать сребреников за солидный паек, за хорошую должность, за руководящее кресло, за персональный автомобиль и т. д.

Так что есть еще кому задавать эти вопросы. Есть еще сегодня люди, которым трудно будет отвечать на эти вопросы. Мы знаем имена безвинно страдавших. Во имя этих людей мы должны знать и имена нелюдей. Создали когда-то Василий Гроссман и Илья Эренбург «Черную книгу» — о преступлениях фашистов. Создать бы и нам «Черную книгу» — о преступлениях отечественных фашистов. И чтобы не только список преступлений вошел в эту книгу, но и список преступников.

**Памятная доска Борису Миллеру на русском и идиш
на доме №13 по улице, названной его именем**

Бузи Миллер вернулся домой весной пятьдесят шестого. Он вернулся в город, который никогда не был для него пунктом очередной писательской командировки. Он вернулся в Биробиджан, который спустя тридцать два года будет прощаться с ним в городском Дворце культуры и назовет одну из своих улиц его, Миллера, именем.

*Я вновь вернулся в город свой, где каждый встречный –
как родня,
где тополь бурною листвою, как друг, приветствует меня.
Где сколько ни прошло бы лет, не гаснет молодой запал,
где так приветлив окон свет, что и в разлуке согревал.*

Он вернулся в город, где выросли его дети. Вернулся писателем и коммунистом, который простил время и простил молчавших в то время друзей. До последних дней жизни он работал: помогал молодым журналистам «Биробиджанер штерн», молодым писателям. А буквально за неделю до смерти опубликовал в нашей газете поэму «В перестройке сердца», которую читатели в разных городах страны — в Биробиджане и Киеве, Белой Церкви и Москве, Кишиневе и Баку — назвали первым в сегодняшней советской еврейской литературе словом о культе личности.

Этой поэмой Миллер не только отчитался перед временем, но и потребовал у него отчета. Он имел на это право. Его старый друг Борис Самойлович Тендер сказал мне, что в эту поэму Бузи Миллер вложил остатки своей жизни.

Думаю, что это немного не так. Миллер вложил в нее всю свою жизнь. Без остатка.

*Из края в край
привет ко мне спешил.
Нас время воспитало
очень строго.
И ту суровость
мы возьмем в дорогу,
она не раз нам помогала жить.
Борясь за мир и тишине внемя, так строим,
перестраивая вдвое, чтоб ожили остывшие в застое
заводы, рощи, шахты и поля.*

Можно бесконечно спорить о людях, выбравшихся из руин черного времени. Кем стали они впоследствии? Безропотными послушниками, простившими все и всех, или отшельниками, ищущими смысл жизни в самоусовершенствовании, в творчестве, пропаганде культуры и человеколюбия? Не исключено, что кто-то превратился в мизантропа. Трудно найти ответ в круговерти тысяч судеб, еще труднее оценить одну конкретную судьбу, Бузину судьбу, например. Он относился к особому складу людей — верующих. Именно верующих — в партию и ее руководство. И все, что исходило от партии, воспринималось ими как должное, как некая предрешенность. Партия дала — партия взяла. Партию нельзя судить, как нельзя судить Бога. Вера была их болью и трагедией... Бузя просто верил, и все. Таких, как он, было много. Я так думаю, я это говорю.

«Всё это мой дом в цветах и травах...»

Любовь Шамовна Вассерман родилась в еврейском местечке Славутич Седлецкой губернии на берегу реки Буг, о котором она напишет:

*Вот оно, моё местечко
С бубликом-базаром.
Вдоль местечка вьётся речка,
И вода в ней даром...*

... ..

*Но твои, Славутич, дети
Быстро вырастали.
Разлетелись по планете,
Грамотными стали.*

Рано покинула Славутич и Люба, ведь кроме нищеты и страха ничего не ждало там осиротевшую девочку. Люба работала прислугой в богатых домах. Читать и писать выучилась самостоятельно и с пятнадцати лет начала сочинять. Своими детскими впечатлениями она поделилась в рассказе

«Эстер», в стихотворениях «Детские годы» и «В пути». Эти произведения сохранили унылые картины её детства.

*В пути ещё миную
Речной изгиб из Вятки,
Я вспомнила внезапно
Мрак нашей жалкой хатки.
И в ней местечко в Польше –
Как ветхое кладбище.
Я провела в нём детство
Без крова и без пищи.
Кляня и кровь погромов,
И чёрные руины,
Оттуда я бежала
Под небо Палестины.
Но здесь всё тот же голод
Грозил своим оскалом,
И воспалённым взором
Я жадно путь искала.*

В Палестину Вассерман привела мечта о возрождении еврейского государства. Это было в 1925 году. Там она работала в кибуце, на строительстве дорог в Тель-Авиве, затем санитаркой в больнице в Иерусалиме, вступила в Коммунистическую партию Палестины, стала активисткой левого крыла рабочего движения страны. Участвовала в антиправительственных демонстрациях, за что и была арестована.

Именно там в 1931 году вышел её первый поэтический сборник «Фарнахтн» («Вечера»). Писатель Аврам Блей в предисловии писал: «Любовь Вассерман делает первые шаги в еврейской поэзии. И удачно. Её стихи мелодичны, проникнуты большой любовью и уважением к человеку». В этом же

году она возвратилась в Россию. В возрасте двадцати четырех лет села за парту московского рабфака. А в 1932 году отправилась на Дальний Восток, где началось строительство Биро-Биджана, и приняла в этом самое активное участие. Позже она будет вспоминать:

*А что здесь было? Дебри да болота,
Да чёрная в бочажинах вода.
Была работа до седьмого пота
В тот день, когда мы
Прибыли сюда...*

Среди переселенцев, приехавших в Биробиджан первыми, были и еврейские поэты и писатели, которые хотели увидеть все собственными глазами и рассказать о трудовом энтузиазме первостроителей города. Они составили первую писательскую группу в Биробиджане, проводили заседания и встречи, знакомили друг друга со своим творчеством, читали любимые произведения мировой классики. Об этом Любовь Вассерман рассказала в своем очерке «Поэты не умирают»: «Я вспоминаю занятия литературной студии. Руководил нами известный писатель Давид Бергельсон.

— Мальчики уже пришли? — спрашивал он о Койфмане, Гофштейне и Шульмане. И когда ему отвечали утвердительно, он говорил: «Тогда начнем». Лучшим другом для нее был Эммануил Казакевич. Интересны ее воспоминания о первой встрече с этим начинающим поэтом.

Эммануил Казакевич вместе со своим отцом Генрихом (Генахом) Казакевичем приехал в начале тридцатых на строительство Биробиджана: «Девятнадцатилетний, в длинной шинели и солдатских сапогах, он чем-то напоминал пограничника. Отец его, первый редактор «Биробиджанер штерн» Генрих Казакевич сказал: «Познакомься, это мой сын Эммануил». Мой новый знакомый сверкнул на меня стеклышками своих

Эммануил Казакевич

очков и саркастически спросил: «Вы еще не замерзли у нас в Тихонькой?». Это он намекал на мой полушубок, меховую шапку и большие валенки. Он сам, по-видимому, холода не боялся. Это обнаружилось в тот же вечер, когда он в своей тонкой шинели долго гулял он со мной, несмотря на сильный мороз, и читал стихи, читал так страстно, с таким темпераментом, что смог бы согреть не только одного человека. Все было покрыто снегом. В небе висела огромная луна. Он спросил: «Вы когда-нибудь видели такую огромную луну?», – и сразу у него родилось сравнение: «Точно ведро ртути». И сам весело рассмеялся. Потом он читал стихи Гейне «Ткачи» на немецком языке и с воодушевлением сказал: «Вот это талант! Вот это сила! Это огромный утес среди поэтов». Эммануил также прочёл наизусть несколько сонетов Шекспира, отрывки из «Мцыри» Лермонтова. Я слушала, затаив дыхание, вся превратилась в слух, забыла о морозе. Передо мной открылся источник мировой поэзии. И даже было немножко непонятно и удивительно, когда же этот худощавый юноша в очках и длинной шинели успел овладеть всем этим богатством? Он остановился у дерева с покрытыми снегом ветвями. Свет огромной луны освещал его бледное выразительное лицо. Теперь он уже читал свои собственные стихи».

Люба и сама постоянно занималась литературой, сочиняла рассказы и стихи, публиковала статьи в газетах. Одновременно она трудилась на разных работах. Ей доводилось корчевать тайгу, работать на стройке, быть секретарем городского, областного суда.

Потом, как вспоминала журналистка Нина Николаевна Филипкина, «до 1947 года она работала на еврейском радио, но к началу так называемой «чистки космополитов», была уволена. Директор областной научной библиотеки Наум

Абрамович Корчминский, впоследствии ставший редактором «Биробиджанер штерн», пригласил Любу возглавить еврейский книжный фонд. Книг на идише было много, но биробиджанские евреи, прекрасно знавшие маме-лошн, боялись в те тревожные времена попросить в библиотеке книгу на идише». Люба стала беспрестанно пропагандировать произведения классиков еврейской литературы. Она ходила на заводы и фабрики, на стройки и в обеденный перерыв читала рабочим отрывки из произведений Шолом-Алейхема, Маркиша, Бергельсона, Квитко. Постепенно в библиотеке стали появляться новые читатели.

Она была независимой и мудрой, и это отражалось в ее стихах и прозе, о которой биробиджанцам известно, к сожалению, пока что мало. Свой первый очерк она написала о Белле Айзенберг (Скрибовской), вместе с которой она работала в библиотеке. Потом рассказала о своей подруге по первым годам жизни в Биробиджане связистке Бете Шпилько. «Затем стали печататься в «Штерн» ее рассказы, которые не уступали по мастерству и выразительности стихам», – писала Н. Филипкина.

Как и многим биробиджанским литераторам, Любе Вассерман суждено было пройти трагический путь, выдержать большие испытания. В августе 1949-го она стала участницей политического процесса, на котором ее вместе с другими биробиджанскими писателями Бузи Миллером, Исроэлом Эмиотом обвиняли в «буржуазном национализме». Из стенограммы протокола допроса Л. Вассерман: Следователь: «Вот еще одно изъятое при обыске стихотворение. Вы его написали»? Вассерман: «Да, стихотворение, которое мне сейчас предъявлено, изъято у меня при обыске, оно написано в 1947 году». Следователь: «Признаете, что оно националистическое?» Вассерман: «Да, потому что в нем

допущено такое националистическое выражение: «Люблю свою страну Биробиджан». Следовательно: «Значит, признаете, что вполне сознательно проповедовали национализм?» Вассерман: «Нет, не признаю. Потому что стихотворение мною опубликовано не было, и никто его не читал. Когда я написала это стихотворение, я не поняла, что оно националистическое». Допрос окончен в 2 часа 30 минут 17 августа 1949 года».

Из следственного изолятора Любовь Шамовна обратилась к власти предрежащим. Она писала в Москву: «Меня обвиняют в антисоветской деятельности. Я же в этом не повинна. Я родилась в небольшом польском местечке. Когда мне было 7 лет, умерла мама, и я со своим стариком-отцом ходила по деревням просить милостыню. Потом петлюровцы облили отца бензином, подожгли, и я своим телом закрыла его, и у меня остались следы ожогов. Во время войны фашисты уничтожили всех моих родственников – 87 человек, и я осталась одна. Я уехала в Еврейскую автономную область. Казалось, не будет конца моему счастью».

У кого искала сочувствия и справедливости Люба Вассерман? Ее приговорили к десяти годам лишения свободы. Люба никому не рассказывала о том, что довелось пережить ей в тайшетских лагерях. Но сохранились письма ее товарищу по несчастью – писателю Бузи Миллеру. Вот одно из них: «Бузеле, дорогой мой! Уже больше месяца от тебя ничего нет. Может быть, это потому, что я переехала на новую колонну? А может, просто это мои письма к тебе не доходят, не знаю я. От Гершкова я тоже уже давненько не имела письма. Я теперь на 8 км ближе к тебе. Мой адрес только изменился. За посылками никто больше не ездит, видимо, наша колонна ликвидировалась и все ваши письма пропадут. Теперь я думаю, что мы уже засели на всю зиму.

Видно, указ похож на указ по двум третям, по нему тоже очень мало шли домой. Меня, Бузеле, активировали, как и тебя. Как видишь, жена Фефера уехала по активировке. Я это точно узнала. Здесь есть женщины, которые провожали ее домой. Она уехала к дочери, которая живет теперь в Омске. О ней ничего не известно. У меня, Бузеле, все по-старому. Работаю бригадиром. На разных работах. Скучаю, хочу видеть вас, своих родных, хочу домой. А конца нет. Серго собирается на зимние каникулы в Москву. Не знаю, поможет ли это, я ему писала, что не надо, но он ведь не мальчик, наивный ребенок. Я уже совсем ни во что не верю. Если меня посадят в поезд и дадут билет в Биробиджан, то уже тоже не поверю, что еду домой. Бузеле, дорогой, пиши все-таки, как дальше жить? Ведь ты умнее меня и больше знаешь, чем я. Я так убита горем. Я так разочарована во всем, что мне стало очень трудно жить. Научи, как дальше быть. Может быть, Анна твоя что-нибудь радостное написала? Мне хочется написать Хрущёву лично, рассказать обо всем, но стоит ли? Не с кем посоветоваться. Как ты скажешь, так и сделаю. В этом лагере у меня все время жуткое настроение. Там я жила почти пять лет, уже было привыкла, а здесь все чужие, все такое неприятное. Но надо привыкать, ведь наша жизнь и есть этапная. Бузеле, я тебя очень прошу: напиши мне письмо. Утешь меня, Расскажи, как живешь, что делаешь, где работаешь. Жму твою мозолистую руку. Твоя Люба»

Бузи Миллер писал ей ответ в стихах:

*Я не могу тебе ответить прозой!
Выстукивает сердце жгучий стих.
Твое письмо – мои скупые слёзы
От счастья, звук которого затих.*

*Да что там счастье? Радость небольшая
И та укрыта грудами невзгод.
И всё ж его дыханье ощущаю
Я в нашей дружбе уж который год.
Свободу, дом – что дорого, любимо –
Злой рок украл у нас с тобой как вор.
Но есть одно, оно – неистребимо.
Одно ещё не отнял приговор:
Святая дружба, твой привет в конверте.
И я в ответ приветствую, любя.
И знай, что всё проходит, друг мой верный.
Мучения отступят от тебя.*

Ноябрь 1955, Тайшетлаг

Дошли до нас и несколько стихотворений, написанных Любой Вассерман в те годы. Вот одно из них:

В тюрьме

*Я знаю,
на улице бродит весна,
деревья цветут, слышен смех.
Моя ж одиночка из камня – тесна,
на голову падает снег.
За долгие годы я стала седой,
без радости и без души.
Но лучик в оконце
сверкнул золотой
и слёзы мои осушил.
Он тихо шепнул,
что за этой стеной
привольно гулял ветерок,*

*и неподалёку меня ждут домой
и муж, и любимый сынок.
Тут сумрачно-тихо, молчанья печать.
На двери – тяжёлый замок.
Растерзаны чувства,
лишь в сердце – печаль,
лишь каменный этот мешок.
А я – птица в клетке,
и крылья – больны.
Сижу, согреваясь мечтой
лететь из тоски, из нелепой вины,
и спрашиваю: «За что?».*

1949

Заключение Любы ударило не только по ней самой, но и по ее близким. Те, кто помнит Михаила Абрамовича Бенгельсдорфа, ее мужа, рассказывают, что этот огромный красивый человек выглядел тогда неухоженным и удрученным. Весь его внешний вид говорил об отсутствии Любы, о его страданиях. Он ходил сутулясь и наклонившись вперед. Казалось, горе его было непосильным, и оно придавило его настолько, что не давало выпрямиться в полный рост.

Минули годы. Журналист Нина Филипкина вспоминала: «Многие биробиджанские литераторы после многолетнего заключения в гулаговских лагерях снова собрались, наконец, в редакции «Биробиджанер штерн», чтобы обсудить в тесном кругу, как жить дальше. Бузи Миллер, Марк Фрадкин, Наум Фридман... Была среди них заметно поблекшая женщина лет, казалось, пятидесяти. «Это Люба Вассерман, сообщил мне Ицик Бронфман. – Я вас познакомлю». С тех пор для Любы Вассерман открывается время активной

**Люба Вассерман среди биробиджанских литераторов.
Слева направо: Борис Миллер, Макс Риант, Сальвадор Боржес,
Исаак Бронфман, Григорий Рабинков**

литературной деятельности. Она печатается в газетах «Биробиджанер штерн», «Биробиджанская звезда», «Молодой дальневосточник», «Тихоокеанская звезда». До 1956 года Любины рассказы не переводились на русский, и Нина Николаевна Филипкина стала пионером в этом деле. Они с Любой были соседями в Театральном переулке, 4 – на этом доме сейчас установлена мемориальная доска с барельефом поэтессы. Как-то незаметно соседки сблизились, и Нина Николаевна предложила Любе поработать над переводами ее новелл. Так началась их совместная работа. Филипкина вспоминала: «Над подстрочником (дословным переводом) мы «корпели» порой до глубокой ночи. Неоценимую помощь оказывал нам Михаил Абрамович Бенгельсдорф, который одинаково хорошо знал и идиш, и русский. «Гнилкелех» – первая наша совместная работа и, я считаю, – один из лучших рассказов Любы. Потом были другие: «Эстер», «Звезда над Бугом», «Новоселье». Из Любиных новелл можно было бы издать интересный сборник, ее проза представляет ценность и в художественном, и в историческом отношении. Кроме того, она биографична». В 1967 году в «Биробиджанской звезде» был опубликован рассказ Любои Вассерман «Живая кровь». Он повествует о первых врачах Биробиджана, которые, порой в непогоду, верхом на лошади добирались в самые отдаленные села, чтобы спасти своих пациентов, а в критических обстоятельствах отдавали им собственную кровь. Этот рассказ перевел на русский язык журналист Наум Фридман. Когда был юбилейный год поэтессы, газеты писали: «Вчера в читальном зале областной библиотеки литераторы, журналисты, работники культуры тепло и сердечно чествовали Л. Ш. Вассерман в связи с ее шестидесятилетием. Юбиляру вручены Почетные грамоты областного радиокомитета

и редакции газеты «Биробиджанер штерн». От души желаем юбиляру долгих лет, здоровья, бодрости, творческого духа».

В 1968 году в Хабаровске вышел ее небольшой сборник из одиннадцати стихотворений на русском языке в переводах А. Гая, Р. Добровенского и В. Соломатова. Борис Миллер, рецензируя этот сборник, отмечал на страницах «Биробиджанер штерн»: «Её стихи искренни, душевны, трогательны, просты – в лучшем смысле этого слова. Они навеяны, можно сказать, какой-то особенной женской нежностью и обаянием. Лирически непосредственны, языково – ясны и народны. Неяркая с виду строка, которая иногда проскальзывает в ее стихах, ненарочитость, она лежит в доброй традиции настоящего фольклора, звучит чисто и правдиво, по-своему непосредственно, как пение или сердечная исповедь...». Позже ее стихи и проза будут опубликованы и в альманахах, изданных в Москве на русском и еврейском языках, и отдельной поэтической книжкой под названием «Благословляю жизнь».

Но это произойдет, когда Люба Вассерман уже уйдет в вечность. Эти стихи переведут Л. Миланич, Э. Валерина, Н. Филипкина и Л. Школьник, оставивший читателям проникновенную вступительную статью к ее последнему сборнику.

За полтора года до кончины Любу, уже тяжелобольную, перевез в Кишинев ее сын – Серго Бенгельсдорф, ставший к тому времени известным пианистом и музыкальным критиком. Умерла Люба Вассерман в 1975 году.

В тихом углу кишиневского кладбища есть одно скромное надгробие – небольшая мраморная тумба с открытой книгой на ней. И каждый, знающий идиш, может прочитывать стихи в этой книге. Они называются «Мой дом».

Мойше Бенгельсдорф и Люба Вассерман

*Я закрываю глаза
И хочу вспомнить:
Что приобрела
И что не сбылось
На этой маленькой станции.
В клёнах утопающий
И в прелести тайги
Маленький дом,
Солнцем освещённый...
Белые дома
И берег Биры
С водой кристальной.
Всё это мой дом
В цветах и травах.*

Перевод Е. Кудиша

Так начинался Большой террор

Восемьдесят пять лет назад, в июне, июле и августе 1937 года, вышло несколько приказов НКВД СССР об усилении политических репрессий — в стране начались массовые расстрелы. Приказы были направлены против бывших кулаков, представителей разных народов, проживающих в Советском Союзе. В конце каждого приказа, подписанного «железным наркомом» Николаем Ежовым, следовала приписка: «... и других антисоветских элементов». Не людей, не граждан страны — элементов.

Не стояло в стороне от усиления борьбы с антисоветскими элементами и Политбюро ЦК ВКП(б). 28 июля оно принимает решение — «признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческим организациям сосланных кулаков». А через три дня появляется приказ НКВД к действию.

Вскоре после этого был запущен механизм массовых репрессий против проживавших в СССР поляков, евреев

и других народов, которые якобы служили опорой для иностранных разведок. По полякам в августе 1937 года вышел особый приказ об усилении репрессивных мер. Итог этого приказа — 111 тысяч расстрелянных.

После передачи КВЖД Китаю в СССР вернулось больше ста тысяч специалистов, обслуживавших эту железную дорогу. Под нож репрессий попали и они.

Всего же по летним приказам НКВД было осуждено 818 тысяч человек, из них расстреляно 436 тысяч. Гулаговские лагеря были настолько переполнены, что в том же июле 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает официальное постановление о расширении системы лагерей в стране. Несколько новых лагерей появилось и на территории нашей области — на станциях Известковая, Бира, Волочаевка.

Летом и осенью тридцать седьмого больше половины арестованных жителей области получили расстрельные статьи. Арестовывали же чаще всего переселенцев, приехавших из других стран. В маленьком поселке Кимкан были осуждены и приговорены к высшей мере наказания по подозрению в шпионаже уроженец Варшавы Михаил Глодовский, уроженец Харбина Игнат Спиридонов и уроженец Финляндии Юрий Крякайнен. Все они были простыми рабочими.

В поселке Биракан был осужден на пять лет лагерей уроженец Румынии Самуил Альпер, председатель здешнего колхоза. Под расстрельную статью попали уроженец Польши, сапожник Герша Канторович, безработный поляк Иван Орловский, уроженец Латвии, председатель артели «1 Мая» Константин Рашин... Под репрессии попали жившие в поселке китайцы и корейцы.

В поселке Бира были расстреляны уроженец Румынии киномеханик Михаил Гольберг, уроженец Австрии инспектор нархозучета Бирского райисполкома Наум Грандэ, уроженец

Италии, работавший на станции осмотрщиком вагонов, Федрико Жироль, уроженцы Польши столяр Владимир Квятковский и кузнец Адольф Матулевич, уроженец Кореи председатель колхоза «Новый путь» Хегай Хин-Ен. Под расстрел попали и те жители поселка, чьей родиной была Россия.

Огромен список жителей Биробиджана, пострадавших в 1937 году. Жить и работать в ЕАО ехали евреи из многих стран, и если эти страны были не дружественными нам, а у переселенцев оставались там родственники и друзья, то под подозрение за измену Родине, а это статья 58-1а, они часто попадали только по этой причине.

По этой статье были расстреляны уроженцы Польши — поляки Генрих Августович, Василий Барановский, Бронислав Князь, евреи Шая Анфельбаум, Михаил Аркуш, Моисей Ахтерман, Самуил Дорн, Зайвель Заблудовский, Бенъямин Заенц, Шлем Зингер, Сигизмунд Казимирский, Кива Канторович, Абрам Морус, Иосиф Фаер, Израиль Фридман, Иосиф Фурманович, Яков Шиф, Ефим Янушевский, уроженцы Литвы Юда Берман, Гарб Пинсук, Сара Закон, Иосиф Зар, Вульф Зильберман, Иосиф Подрукс, Моисей Пуган, Иосиф Хазан, Вольф Хараш, Исаак Шварцбард, Петр Шнайд, Израиль Штульзафт, Лев Якобсон, уроженцы Латвии Гирш Гольберг, Владимир Зарин, Борис Коган, Хава Модлина, Август Салин, Мина Школьников, уроженец Маньчжурии Михаил Морозов..... Ставлю многоточие, потому что список этот далеко не полный.

Под репрессии попала учитель истории еврейской школы №2 Гольда Веберг-Лис, которая эмигрировала в СССР из Польши в 1923 году. В Польше она сотрудничала с еврейской социал-демократической партией Бунд, в Одессе вступила в Коммунистическую партию, а в 1936 году добровольно приехала в ЕАО. Через год, в 1937-м, ее осудят на десять лет

лагерей и исключают из партии, припомнив и «Бунд», и переписку с братом и сестрой, оставшимися в Польше.

В областной типографии и редакциях областных газет тоже прошли аресты. Наборщик Шлём Зингер был родом из Польши, работал в одной из местных типографий, в Биробиджан приехал опытным специалистом. В 1937 году был арестован и осужден к высшей мере наказания по пресловутой статье 58-1а – измена Родине.

В июле тридцать седьмого арестовали корреспондента «Биробиджанской звезды» Константина Фадеева, уроженца Варшавы. Почти год шло следствие по его делу, шпионажа в нем так и не отыскивали. Осудили журналиста по более мягкой статье на десять лет лагерей.

Такой же срок получил председатель Союза писателей области, сотрудник газеты «Биробиджанер штерн», уроженец Польши Иосиф Рабин.

В октябре того же 1937 года под репрессии попал редактор «Биробиджанской звезды» Лев Швайнштейн. Хотя приехал он в Биробиджан из братской Белоруссии, шпионскую статью приписали и ему. Приговор был расстрельным.

Был арестован по шпионской статье сотрудник «Биробиджанер штерн», уроженец Латвии Борис Гейман. Полтора года шло следствие по его делу, но следов шпионажа и измены Родине найти не удалось, дело прекратили за недоказанностью обвинения.

Аресты журналистов и полиграфистов продолжились в начале 1938 года. Были расстреляны по статье 58-1а сотрудник «Биробиджанер штерн», уроженец Латвии Исаак Перецман и рабочий типографии, уроженец Молдавии Исаак Пельтин, восемь лет лагерей получил по этой же статье наборщик типографии, уроженец Польши Моисей Гольдвассер.

По национальному признаку из пределов области были

выселены корейцы и почти все китайцы. Постановление партии и правительства о выселении корейского населения районов Дальневосточного края было принято в августе 1937 года.

Большой террор продолжался почти до конца 1938 года, пока у руля НКВД находился Николай Ежов. В постановлении Совета народных комиссаров от 17 ноября 1938 года с удовлетворением отмечалось:

«.....за 1937-1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионов, террористических, диверсионных и вредительских кадров, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок».

А через полмесяца в центральных газетах появилось сообщение: «Тов. Ежов Н.И. освобожден, согласно его просьбе, от обязанности наркома внутренних дел».

10 апреля 1939 года Николай Ежов был арестован. Ему предъявили несколько обвинений, в числе которых был и шпионаж в пользу иностранных разведок, и подготовка террористических актов и вооруженного восстания против советской власти. Это были расстрельные статьи. Таким вот бумерангом обернулся для «железного наркома» Большой террор.

Но аресты при этом не прекратились. А в июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, массовым репрессиям подверглись проживавшие в СССР этнические немцы. Многих из них сослали в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. А немцев, живших на территории ЕАО, отправили отбывать ссылку в соседнюю Амурскую область.

1937 год черной датой вошел в историю нашей страны, и будет преступлением перед совестью вычеркнуть его из исторической памяти, забыть о безвинно пострадавших соотечественниках, заплативших за Большой террор своей жизнью.

Обложка Книги памяти жертв политических репрессий на территории Еврейской автономной области

Умножим и сохраним!

*Тех первых, кому имена — старожилы,
Поднявших топор и наладивших пилы,
Чтоб гулом таежные дали наполнить, —
Ты должен их помнить!*

Это строки из стихотворения поэта и литературоведа Хаима Бейдера, которое он посвятил первопроходцам Еврейской автономной области. Приближается 90-летие образования ЕАО. История создания и развития этого первого национально-культурного образования евреев давно стало предметом исследований как в России, так и за рубежом.

Евреи — один из древнейших народов мира, познавший за 4 тысячи лет своей истории свободу и рабство, процветание и нищету, национальное единство и рассеяние по всему миру. По статистике, в начале XX века в мире было 7,5 млн евреев, из которых 5,25 млн или 70% проживало на территории Российской империи.

Для абсолютного большинства из них местом жительства была пресловутая черта еврейской оседлости — беднейшая западная и юго-западная части империи. К еврейскому

населению при этом принимались самые разнообразные дискриминационные законы.

На Дальнем Востоке еврейские общины появились в конце XIX в. Вероятнее всего, первые евреи, переселившиеся сюда, были рекрутами и ссыльными каторжанами. При этом законом евреям ограничивалось не только проживание, но даже передвижение в пределах 100-верстной пограничной полосы.

После распада Российской империи произошли колоссальные изменения в демографической и общественно-политической структуре еврейского населения. Новая экономическая политика большевиков, запретивших в период военного коммунизма частную торговлю, а в период НЭПа допускавших ее в ограниченных масштабах, серьезно отразилась на экономическом положении еврейского населения. Частная торговля, мелкий бизнес, являвшиеся традиционными видами деятельности еврейского населения, к концу 1920-х – началу 1930-х годов были практически ликвидированы. В городах и еврейских местечках царили разруха, хаос, безработица.

Оценив сложившуюся ситуацию, вполне отдавая себе отчет о бедственном положении евреев в Советском Союзе, руководство страны начало широкомасштабные мероприятия по решению еврейского вопроса, приняв поистине революционное решение: «посадить евреев на землю». Оно решило дать евреям свою территорию, возможность сохранить свою еврейскую идентичность, как в дальнейшем ее называли, «национальную по форме и социалистическую по содержанию» культуру, свой родной язык.

Предложения о создании еврейской автономии в Крыму, на юге Украины были отклонены из-за того, что переселение евреев на эти территории, где было не так много свободных

земель, зачастую сопровождались неприязнью местных жителей, а также из-за возражений украинских руководителей, усмотревших в этом угрозу обострения межнациональных отношений в регионе предполагаемого расселения.

Требовалась большая малонаселенная территория для массового переселения и компактного поселения, территория, на которой евреи составляли бы большинство. Поскольку такой территории с еврейским населением не существовало, следовало ее создать.

Поиски таких свободных земель привели в Приамурье, где царское правительство, несмотря на принудительное переселение сюда забайкальских казаков во второй половине XIX века и последующее крестьянское переселение, не обеспечило надлежащее освоение этого края.

Экспедиция КомЗЕТа под руководством профессора Бориса Брука, обследовав в июле-августе 1927 г. приамурские земли, установила, что территория так называемого Бирско-Биджанского района Дальневосточного края, расположенная недалеко от железной дороги, пригодна для землепользования, отвечает предъявленным требованиям для создания здесь государственно-территориального образования евреев.

Своим постановлением от 28 марта 1928 г. Президиум ЦИК СССР закрепил за КомЗЕТОм свободные земли Бирско-Биджанского района «для нужд сплошного заселения трудящимися евреями», чем было санкционировано начало массового переселения еврейского населения на приамурские земли.

Организация переселения евреев на Дальний Восток была важна для советских властей с точки зрения их геополитических интересов. Данный вариант давал реальную возможность евреям с чистого листа заняться на неотжитой, но собственной земле национально-государственным

обустройством и превратиться в перспективе в полноценную социалистическую нацию. Радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа.

Освоение этого богатого природными ресурсами приграничного региона способствовало бы разворачиванию промышленного и железнодорожного строительства, созданию здесь мощной продовольственной базы, решению важнейших экономических и военно-стратегических задач на отдаленной и не освоенной территории.

Внимательно перечитывая выводы экспедиции, понимаешь, что она предупреждала, как не вести переселение, чтобы не погубить его с самого начала. Мысль, красной нитью проходящая через все выводы экспедиции, – это необходимость систематической, требующей времени и средств, подготовки переселения и соблюдения определенной последовательности в прибытии ходоков, основных работников и семей переселенцев.

Да, куда проще исследовать страну и восхищаться богатствами выделенной для переселения территории, чем эти дикие просторы освоить ограниченными средствами, выделенными советской властью, и руками приезжающих туда людей. Активная пропагандистская работа, принятие правительством страны ряда нормативных документов способствовали тому, что десятки тысяч людей поехали на восток. Следует подчеркнуть, что еврейские переселенцы уезжали из насиженных мест на Дальний Восток добровольно. Никто никого не принуждал. Кто-то бежал от нищеты, от поразившего Украину голода, безработицы, антисемитизма, а кого-то привела на Дальний Восток мечта о приобретении своей земли, желание жить еврейской жизнью.

Уже через месяц после принятия Постановления ЦИК, без предварительной подготовки, на необходимость которой указывала экспедиция Б. Брука, на станцию Тихонькую, впоследствии переименованную в город Биробиджан, получив право на свободный проезд и небольшие карманные деньги, через Москву проследовали первые сотни переселенцев. Важным было то, что дальневосточное местное население вполне благожелательно отнеслось к прибытию евреев. Оно значительно меньше, чем в других местах Советского Союза, было отравлено ядом старых предрассудков, не было склонно к антисемитизму. Сюда, в район практически сплошной неграмотности, стали переселяться представители народа, имевшего довольно высокий уровень культурного развития. Вскоре был принят ряд решений об употреблении идиша – разговорного языка еврейских масс, местечек, из которых переселялись евреи, как официального языка наравне с русским.

Появились первые артели, сельскохозяйственные коммуны и коллективные хозяйства. 20 августа 1930 г. по представлению Дальневосточного крайисполкома ВЦИК образовал в составе края самостоятельную административно-территориальную единицу – Биробиджанский национальный район. В районе стали издаваться газеты «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн», они стали самыми первыми центрами создания национальной культуры. Писатели, которые ехали строить Биро-Биджан, творили на идише и были очень популярны среди жителей автономии. С ними устраивались встречи, знакомства с их произведениями. Что стояло за этим? Разумеется, идея дальнейшего развития советской еврейской литературы на идише.

Интенсивное заселение пограничной области, достигнутое хозяйственное развитие Биро-Биджанского района

позволило правительству РСФСР в мае 1934 г. пойти на беспрецедентный шаг: повысить статус района, преобразовав его в Еврейскую автономную область в составе Дальне-Восточного края. Основная причина создания области, – по заявлению Михаила Калинина, – «состоит в том, что у нас евреев очень много, а государственного образования у них нет. Это единственная в Союзе ССР национальность, насчитывающая до 3 млн населения и не имеющая государственного образования. <...> Я думаю, что лет через десять Биробиджан будет важнейшим, если не единственным, хранителем еврейской социалистической национальной культуры».

По прошествии шести лет со времени передачи земель Бирско-Биджанского района для организации еврейского переселения численность населения в административных границах района за это время возросла с 34,2 тыс. чел. до 52,7 тыс. чел. Еврейское население достигло 23% от всего населения автономии. Это был самый высокий процент титульной нации за всю историю Еврейской автономии.

Получили дальнейшее развитие образованные при строительстве Транссиба населенные пункты Тихонькая, Бира, Облучье, Ин, а также новые населенные пункты – Амурзет, Бирофельд, Валдгейм, Сталинск, Сталинфельд, Сталиндорф и другие. При этом мечта о еврейской стране позволила привлечь более полутора тысяч евреев из стран Европы, Америки и даже Палестины.

Поддержка Еврейской автономии со стороны правительства страны, зарубежных еврейских организаций позволили создать необходимые условия для закрепления переселенцев, обеспечения хозяйственного и культурного развития автономии.

Впервые в области развернулось строительство промышленных предприятий, в том числе швейной, крупных

механизированных обувной и трикотажной фабрик в Биробиджане, Лондоковского известкового завода, биробиджанских типографии, ремонтно-механического, фанерного и трех кирпичных заводов, железнодорожного вокзала. Осуществлялось строительство автомобильных дорог, вторых путей Амурской железной дороги.

Реализовывалась большая программа социального развития созданной Еврейской автономной области. Строились школы, детские сады, расширялось жилищное строительство. Открылись еврейские школы, горно-металлургический, педагогический, сельскохозяйственный техникумы, появилась еврейская национальная пресса (в том числе газета «Биробиджанер штерн», литературно-публицистический журнал «Форпост»), начался перевод делопроизводства на идише. В Биробиджане в одном из первых городов Дальнего Востока появился звуковой кинотеатр, открылся Государственный еврейский театр...

Движение евреев на Дальний Восток вызвало пристальное внимание не только в СССР, но и за рубежом. Иностранные еврейские организации, в первую очередь прокоммунистические, оказывали активную помощь в еврейском переселении. Обращаем на это особое внимание, ибо помощь – научная, кадровая, материальная – была велика и значительно повлияла на становление Еврейской автономии.

Американская прокоммунистическая еврейская организация ИКОР в своем издававшемся на идише и английском журнале «Найлэбн» даже выступила с призывом к еврейским массам собрать необходимые средства на постройку памятника «Статуя Свободы» для Биробиджана, который стал бы олицетворением грандиозного исторического события – создания еврейской автономии.

Однако менее чем через десятилетие после организации

еврейского переселения на страну Биробиджан обрушились жесточайшие репрессии, жертвами которых стали представители национальной интеллигенции и казачества, практически все руководители области и районов, начиная от председателя исполкома ЕАО профессора Иосифа Либерберга, переселенцы из-за пределов СССР и рядовые биробиджанцы. Естественно, что больше к теме строительства памятника Свободе для советского Биробиджана никто не возвращался.

Планы дальнейшего развития Биробиджана как новой еврейской родины были фактически заморожены. Косвенным образом об этом свидетельствует тот факт, что Верховный Совет СССР фактически проигнорировал выдвинутый в феврале 1941 года на заседании Совета Национальностей первым секретарем обкома ВКП(б) ЕАО Гиршем Сухаревым план переселения в Биробиджан десятков тысяч евреев из захваченной нацистами Европы (прежде всего из Польши), которые пытались найти спасение в СССР.

Но страна Биробиджан была уже создана и продолжала жить. Вместе со всей страной она пережила лихолетия Великой Отечественной войны, внесла свой посильный вклад в победу над фашизмом.

После Второй мировой войны в ЕАО вновь стали прибывать эшелоны с еврейскими переселенцами из европейской части СССР, не желавшими или не имевшими возможности возвратиться в свои родные места, ставшие братскими могилами евреев, и надеявшимися начать все заново в еврейской стране на Дальнем Востоке. Возобновился прерванный во время войны выпуск газеты «Биробиджанер штерн», начал издаваться литературный альманах «Биробиджан».

Однако наметившийся было положительный сдвиг был сведен на нет прокатившейся по всему Советскому Союзу

Обработка биробиджанского мрамора
Из фондов областного краеведческого музея

официозной антисемитской кампанией борьбы с «космополитизмом» и «буржуазным национализмом», в рамках которой были ликвидированы в стране практически все учреждения еврейской культуры, арестовано большинство писавших на идише авторов, расстреляны члены Еврейского антифашистского комитета.

Не обошла эта кампания и ЕАО. Здесь она вылилась в так называемое «биробиджанское дело». Было прекращено преподавание идиша в школах и педагогическом училище, был ликвидирован еврейский театр, отдел еврейской культуры краеведческого музея. В области уничтожалась практически всякого рода еврейская активность. Жители Биробиджана явились свидетелями средневековых зрелищ: во дворе областной библиотеки пылали костры, в которых ретивые чиновники сжигали произведения репрессированных еврейских литераторов. Языки пламени поглощали альманахи «Форпост» и «Биробиджан», книги арестованных и осужденных на 10 лет лагерей практически всех проживавших в ЕАО еврейских писателей и поэтов. Одно из крупнейших собраний книг на идише в мире, насчитывающее около 35 тыс. книг, было практически полностью уничтожено.

В одном из писем из лагеря Любви Вассерман, адресованном бывшему главному редактору газеты «Биробиджанер штерн» Борису Миллеру, есть строчки: «... поэтессой я уже больше не буду. Подрезали мои крылья, потушили пламя души...».

Были сняты со своих постов и на длительные сроки осуждены руководители области, обвиненные в «националистической деятельности». Несколько десятков лет евреи в высшее руководство областью не допускались.

И после смерти Сталина в жизни жителей Еврейской автономной области значительных перемен не произошло.

При этом последующие годы характеризовались для ЕАО устойчивым подъемом производительных сил. Построен и реконструирован ряд новых промышленных предприятий. Ведущей отраслью производства стало машиностроение. Область в эти годы играла заметную роль в удовлетворении потребностей страны и дальневосточного региона в ряде сырьевых продуктов – олова, брусита, извести, лесоматериалов. Биробиджан стал своеобразным центром легкой промышленности Дальнего Востока.

В силу благоприятных природно-климатических условий для развития сельского хозяйства агропромышленный комплекс области сформировался как молочная и картофелеовощная база, позволяющая ему обеспечить поставки этой продукции в значительных объемах в индустриальные центры Хабаровского края.

Однако настало время, когда в соответствии с общегосударственными тенденциями нарастали проблемы в обществе, вызвавшие изменения общественно-политической и экономической ситуации в стране. Горбачевская «перестройка» и последующий распад СССР имели специфические последствия для Еврейской автономной области. Удержать экономическое развитие области в переходный период, который совпал с началом прогрессирующей депрессии, не удалось. Крайне негативно на состоянии социально-экономической среды области сказались острая нехватка централизованных ресурсов, резкий рост транспортных тарифов и цен на энергоносители. В результате практически все виды производимой на территории области продукции оказались неконкурентоспособными. Усилия региональных органов власти были направлены в этот период на поиск и использование новых региональных подходов для выхода из создавшегося положения.

В конце 1980-х годов в Еврейской автономной области после долгого перерыва наступило некоторое оживление в культурной жизни. Возрождается еврейская религиозная жизнь, предпринимаются попытки возрождения идиша. Появились первые самостоятельные коллективы еврейской песни и танца. В Биробиджане начали работать еврейский народный театр, народный ансамбль скрипачей, было создано литературное объединение, издан литературный альманах «Биробиджан». Громко, целым рядом спектаклей в стране и за рубежом заявил о себе биробиджанский Камерный еврейский музыкальный театр.

Однако уже в начале 1990-х стремительными темпами разворачивается процесс выезда из ЕАО в Израиль и, в значительно меньшей степени, на Запад евреев, наполовину евреев, а также не евреев, состоящих в браках с евреями.

Во время «парада суверенитетов», прокатившегося по Российской Федерации в первой половине 1990-х годов, ЕАО оказалась единственной автономной областью, которая не стала провозглашать себя республикой. Обретение областью самостоятельности и независимости от Хабаровского края выпало на период очередных экономических и политических перемен в стране. Являясь (как и весь Дальний Восток) периферийной территорией, ЕАО испытала на себе все тяготы кризисных явлений последнего времени в их особо разрушительных видах.

Институтом комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН были разработаны, а правительством области утверждены основные направления социально-экономического развития ЕАО на начальный период XXI века, определены приоритетные направления развития автономии. Ими стали вовлечение в хозяйственный оборот значительных минерально-сырьевых, в том числе топливно-

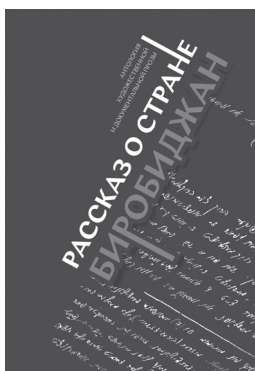
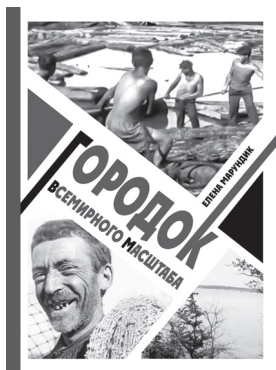
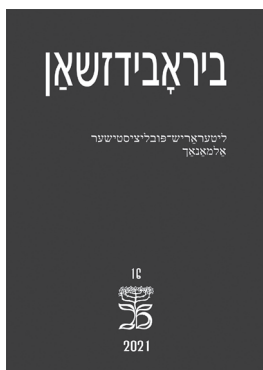
**Международный фестиваль еврейской культуры и искусства
в Еврейской автономной области, 2017 г.**

энергетических ресурсов Еврейской автономной области; поддержка предприятий легкой промышленности, использование потенциала внешнеэкономических связей, развитие малого бизнеса.

Следует признать, что развитие экономики автономии в области в настоящее время достаточно активно сопровождается развитием общественного сектора. Трудно переоценить тот социально-экономический эффект, который возникает при вовлечении в развитие территории огромного ресурса гражданской инициативы. Организации некоммерческого сектора объединяют самую активную и образованную часть населения и способны не только профессионально участвовать в решении местных проблем и оказывать качественные социальные услуги населению, но и служат выразителем интересов граждан, организуют их для самостоятельного решения проблем, обеспечивают обратную связь с органами государственной власти.

Следует особо отметить большую работу, которую проводит общественная организация по изучению и сохранению исторического и культурного наследия Еврейской автономной области. Создан и постоянно пополняется сайт «Историческое и культурное наследие ЕАО» – наиболее полное и доступное хранилище информации об истории, культуре области, ее экономике и социальной сфере. Ежедневно сайт посещают сотни человек, в основном учащиеся.

Учитывая, что сегодня учредители издательского дома «Биробиджан» – правительство и Законодательное Собрание области – не побуждают его к осуществлению издательской деятельности, общественная организация «Наследие ЕАО» совместно с Институтом комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН и редакцией «Биробиджанер

штерн» активно занимаются этой деятельностью.

Возобновив ежегодное издание литературно-публицистического альманаха «Биробиджан», они предоставили возможность местным литераторам, авторам из других регионов России и зарубежья поделиться своим литературным творчеством, произведениями об истории, культуре и традициях народов, проживающих в Еврейской автономной области.

За последние три года помимо альманахов «Биробиджан» ими подготовлены и изданы сборник стихов Эм. Казакевича «Биробиджанстрой» на русском и идише, книга «Городок всемирного масштаба» о первой молодежной сельскохозяйственной коммуне ИКОР и создании поселка Соцгородок, научно-популярных пособий «Еврейская автономная область: из прошлого в настоящее» и «Административно-территориальное устройство ЕАО в картах и документах». В серии «На берегах Биры и Биджана» вышел двухтомник очерков «Люди биробиджанского поколения». Читатели получили возможность познакомиться с антологией художественной и документальной прозы под названием «Рассказ о стране

Биробиджан», другими произведениями на русском языке и идише.

Большая работа осуществляется по поддержке идиша. Организуются летние школы, курсы языка, осуществляются переводы с идиша книг, статей, издание их и размещение на общедоступных сайтах. Совместно с партнерами из США подготовлены и изданы учебные пособия по изучению идиша, русско-идиш разговорник, книги для детей на русском и идише. Альманах «Биробиджан» уже в течение нескольких лет издается на русском и частично на идише.

Для реализации своих программ ОО «Наследие ЕАО» привлекает средства спонсоров, регулярно на конкурсной основе выигрывает президентские и региональные гранты. За последние три года организация направила на сохранение исторического и культурного наследия автономии, в том числе на проведение на территории области и за ее пределами разнообразных историко-документальных, художественных и фотовыставок, активную издательскую и другую деятельность более 7 млн рублей.

В ближайших планах: работа над созданием и установкой мемориала – скульптурной композиции, посвященной расстрелянным членам Еврейского антифашистского комитета, многие из которых ранее работали или сотрудничали с областными СМИ, репрессированным в 1940-е – 1950-е годы нашим литераторам и руководителям области.

Общественная организация «Наследие Еврейской автономной области» совместно со своими партнерами намерена и дальше осуществлять свою деятельность по сохранению исторического и культурного наследия автономии, культуры и традиций еврейского народа.

ОБ АВТОРАХ

Акименко Алла Николаевна – заведующая сектором национальной литературы Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема. Окончила Хабаровский педагогический государственный институт. Поэт, прозаик, автор поэтических сборников: «Мне тревожно жить и хорошо...» (2007), «Неуловим теченья след...» (2008), «Лестница» (2011), «Льётся в мир светомузыка звёзд...» (2011). Регулярно публикуется в областной периодической печати. Её произведения вошли в местные музыкально-поэтические сборники, в литературно-публицистические альманахи «Биробиджан», антологии прозы и поэзии.

Локшин Александр Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, автор монографии "Евреи в отечественной истории. Очерки по истории и культуре евреев Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Конец XVIII – начало XXI века. Ч. 1, 2». (М., 2021), а также многочисленных статей и публикаций архивных документов по еврейской истории в России и СССР, отношений между СССР/ Россией и Израилем.

Гуревич Валерий Соломонович – кандидат экономических наук, заведующий Центром по изучению и сохранению исторического и культурного наследия Еврейской автономной области ИКАРП ДВО РАН. Автор монографии «Еврейская автономная область: из прошлого в настоящее»

(2020), научно-популярного пособия «Административно-территориальное устройство ЕАО» (2019), публикаций в литературно-публицистических сборниках, научных журналах по вопросам истории и культуры ЕАО.

Драбкин Александр Леонидович – работал токарем на швейной фабрике, в газетах «Биробиджанер штерн», «Биробиджанская звезда», первой на Дальнем Востоке независимой газете «Взгляд». По окончании юридического института служил прокурором Биробиджанского района, руководил подразделением криминалистики в СК РФ по ЕАО. Автор книг стихов и рассказов «О чем помнила моя мама» (2010), «Пора возвращаться» (2011), «Песни моих улиц» (2018), «Ох уж эти евреи... Биробиджанские рассказы» (2022) и других. Член Союза писателей России.

Манойленко Ирина Зиновьевна – член Союза журналистов Российской Федерации. Газетный стаж приближается к полувековому. За это время работала в газетах Приморского края, областных газетах ЕАО. Окончила факультет журналистики Дальневосточного государственного университета. Сотрудничала с центральными газетами – «Сельской жизнью», «Экономической газетой», «Комсомольской правдой», «Российской газетой». Печаталась в коллективных журналистских и литературных сборниках. Более 20 лет трудится в газете «Биробиджанер штерн», где освещает разные темы, но тема политических репрессий остается в творчестве журналиста одной из главных.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Еврейский антифашистский комитет	8
Расстрельное лето пятьдесят второго	47
Как трагедия ЕАК задела нашу область.....	61
Еврейский антифашистский комитет – цена Победы.....	72
«К золотокованным подножиям Хингана...».....	79
Выдающийся мастер сцены Вениамин Зускин.....	89
Ицик Фефер – судьба яркая и трагическая... ..	95
Итог жизни... ..	103
«Кто не струсит меня вспоминать...»	115
Забытые имена: Илья и Чайка Ватенберги	121
«Степь зовет» и другие произведения Нотэ Лурье	136
Борис (Бузи) Миллер: «Воистину ты богат!»	146
Оклик черного времени.....	157
«Всё это мой дом в цветах и травах...»	179
Так начинался Большой террор	194
Умножим и сохраним!	200
Об авторах	217

ИМЕНА.

Трагедия Еврейского антифашистского комитета

Сборник очерков

Составители: Алла Акименко и Александр Локшин

Редактор: Валерий Гуревич

Научный редактор: Александр Локшин

Дизайн, макет: Татьяна Истомина

Корректор: Елена Корниенко

Подписано в печать 01.09.2022. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 13,75. Гарнитура Georgia. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №.

Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография»

680000, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31